

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 34 (1991)

22 АВГУСТА 1965

В ВОСЬМО

Г. Хусаинов (второй слева) забил решающий, второй гол.

Й РАЗ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Кубок у спартаковцев!

Два вечера подряд — 240 минут — шла борьба за Кубок СССР по футболу.

Сто двадцать минут первой встречи участников финала — московских спартаковцев и самоотверженно действующих динамовцев Минска — ничего не решили. Счет был открыт лишь на 123-й минуте, в самом начале повторного матча, минчанином В. Арзамасцевым, но во втором тайме Г. Хусаинов, с подачи В. Рейнгольда, отквитал гол. Матч кончается со счетом 1 : 1. Снова назначаются две пятнадцатиминутки. Но судьба Кубка была решена в первом добавочном тайме: тот же Хусаинов забил второй, решающий мяч.

В самом длинном в истории футбола состязании восьмой раз Кубок СССР завоевала команда «Спартак».

Судья К. Андзюлис хорошо провел матч.

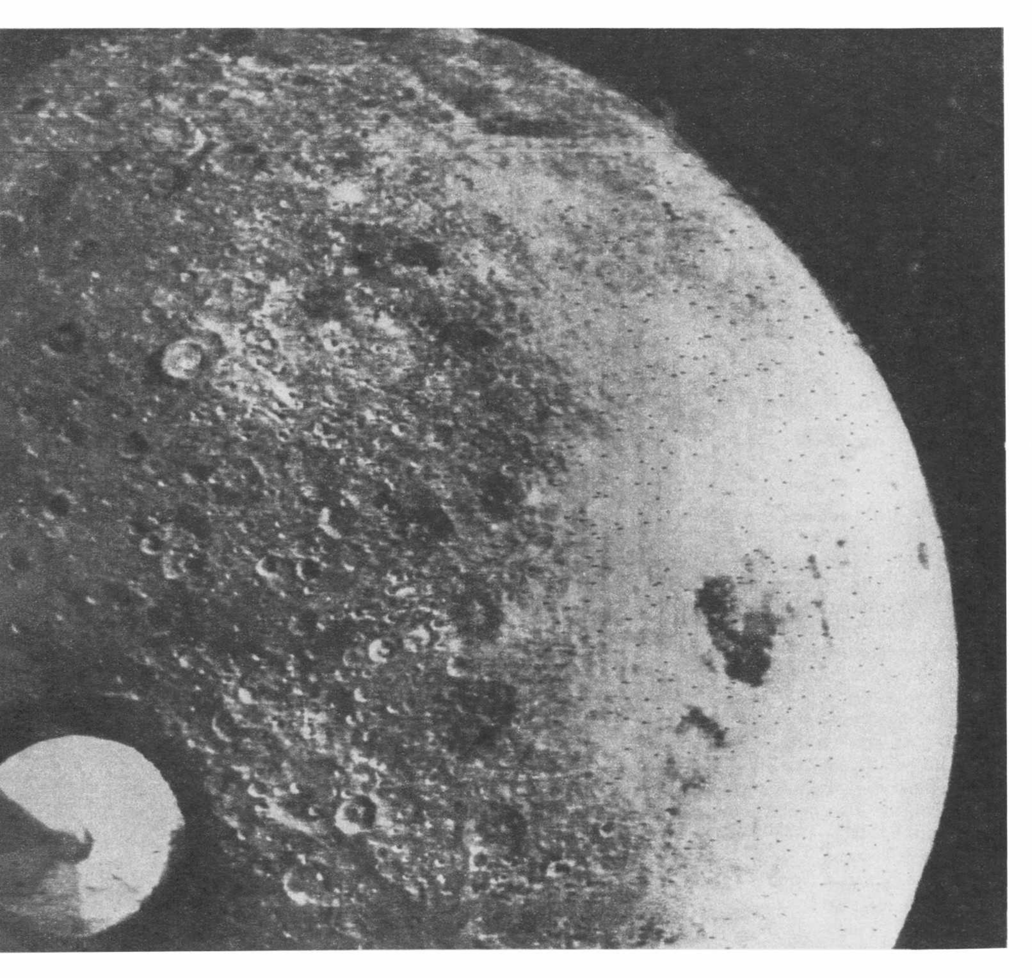

Динамовцы сделали все, что могли.

Спартаковцы восьмой раз завоевали Кубок СССР.

ТАЙНА ЛУННЫХ М

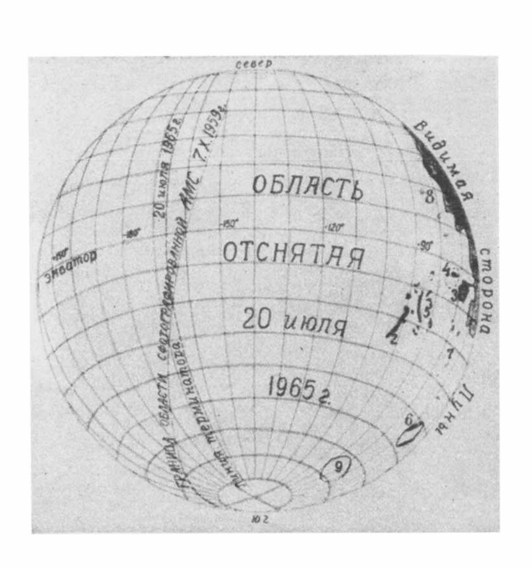
◀

Фотография обратной стороны Луны, переданная автоматической межпланетной станцией «Зонд-3».

На фотографии, сделанной 20 июля 1965 года, в 5 часов 25 минут по московскому времени, изображены экваториальная и северная части обратной стороны до границы освещенной области.

▶

Схема расположения области, сфотографированной автоматической станцией «Зонд-3». Эта область располагается между меридианом с долготой 90° и меридианом с долготой 166° — утренним терминатором (граница между освещенной и неосвещенной частями Луны 20 июля 1965 года). Здесь же отмечена граница области обратной стороны Луны, сфотографированной автоматической межпланетной станцией «Луна-3» в 1959 году. Область, отснятая «Луной-3», простирается на 110° по долготе и выходит за пределы помещенной здесь схемы.

Г. ЛЕЙКИН,
старший научный сотрудник Астрономического совета Академии наук СССР

Рассматривая снимки, полученные автоматической станцией «Зонд-3», невольно задумываешься над тем, как неисчерпаемы загадки Луны.

Совсем недавно, в 1958 году, было вообще неизвестно, как выглядит невидимое с Земли полушарие нашего спутника. Автоматическая станция «Луна-3» в октябре 1959 года сфотографировала это полушарие, и мы

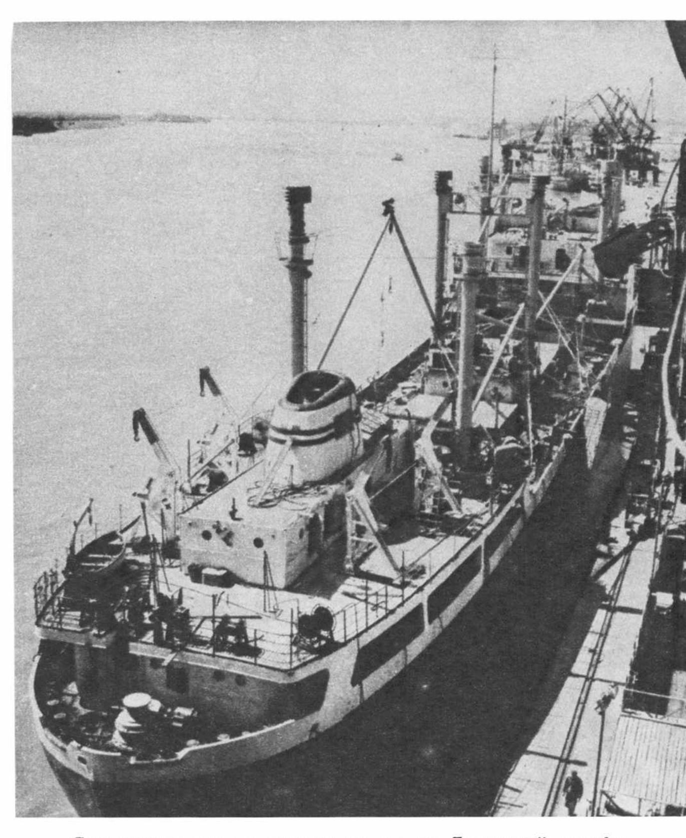
РУМЫНИЯ СО

На полях Румынии работают 82 тысячи тракторов. Многие из них родились здесь, на заводе «Тракторул» в Брашове.

Знаменитый румынский курорт Мамая. За лето здесь отдохнет 160 тысяч человек.

Строительство грузовых судов на Галацкой верфи.

ОРЕЙ

убедились, что оно сравнительно сильно отличается от видимого. «Луна-3» сняла не всю обратную часть. Неохваченным остался сектор, примыкающий к Океану Бурь — правой щеке улыбающегося лица, которое при желании так легко разглядеть на диске Луны.

20 июля 1965 года «Зонд-3» сфотографировал и этот сектор. Новые фотографии по качеству и разрешению вполне сравнимы с хорошими земными снимками Луны и очень убедительно подтверждают выводы, сделанные учеными после 1959 года: на обратной стороне Луны практически нет так называемых морей — темных, ровных, почти лишенных крупных кратеров участков, столь обширных на видимом полушарии. И если раньше нас интересовало, как выглядит обратная сторона Луны, теперь встает вопрос, почему она так выглядит.

Предположение о том, что образование лунных морей связано с солнечными затмениями, которые бывают только на обращенном к Земле полушарии, едва ли справедливо: затмения ведь длятся всего несколько часов, за это время волна охлаждения не успеет проникнуть в глубь Луны больше чем на несколько десятков сантиметров.

Очевидно, образование морей связано с нарушениями целости лунной коры, которая аналогична коре земного шара. Трудно представить себе, чтобы волна охлаждения, связанная с затмениями, проникающая так неглубоко, могла вызвать разрушения многокилометровой толщи лунной коры.

Возможно другое предположение. Не связано ли образование морей с приливными воздействиями Земли или Солнца? Едва ли. Приливная волна от Солнца в океане на Земле практически одинакова и в полдень и в полночь, то же должно быть и на Луне. Если бы возникновение морей было связано с приливами, следовало бы ожидать своеобразной симметрии в их расположении на видимом и невидимом полушариях Луны. По-видимому, разрешение этой загадки надо искать в истории образования и развития Луны, а чтобы уверенно восстановить эту историю, важно существенно расширить круг сведений, которыми мы располагаем. И здесь, надо думать, главную роль сыграют исследования Луны при помощи космических аппаратов, бурно и успешно развивающиеся в последнее время.

ДОБРЫЕ ГОСТИ ИЗ РЕСПУБЛИКИ КОНГО

Издалека, с западного побережья Африки, из страны, которая лежит на север от реки Конго, прибыл в нашу страну высокий гость — Президент Республики Конго со столицей Браззавиль, Генеральный секретарь партии Национальное революционное движение Альфонс Массамба-Деба. Вместе с ним в Москву приехала группа известных политических и общественных деятелей республики. Гости из Конго (Браззавиль), страны, народ которой два года назад свершил революцию, встав на новый, свободный путь развития, прибыли к нам как добрые друзья, и советские люди рады приветствовать посланцев дружественного нам африканского государства. На снимке, сделанном нашим фотокорреспондентом Алексеем Гостевым, запечатлен момент встречи Президента Массамба-Деба на Внуковском аэродроме.

ЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ

В новом районе Бухареста — Балта Албэ.

Посуда с маркой фабрики «Витрометан» в Медиаше экспортируется во многие страны.

23 августа румынский народ празднует 21-ю годовщину освобождения страны от фашистского ига. В нынешнем году праздник этот проходит в особенно радостной обстановке. В июле состоялся IX съезд партии румынских коммунистов. Он отметил крупнейшую политическую победу — полное торжество социализма в городе и деревне. Это означает, сказал в своем докладе на съезде Первый секретарь ЦК Румынской коммунистической партии товарищ Николае Чаушеску, «осуществление чаяний, за которые боролись и жертвовали собой лучшие сыны рабочего класса, румынского народа». Румыния стала социалистической республикой.

В день национального праздника братской страны советские люди сердечно поздравляют всех граждан социалистической Румынии.

Фото Аджерпресс.

Кубок «Огонька» за высшее достижение Спартакиады вручен украинскому спортсмену Ивану Беляеву. Он установил новый всесоюзный рекорд в беге на 3 тысячи метров с препятствиями — 8 минут 29,6 секунды.

Спортивное многолюдье

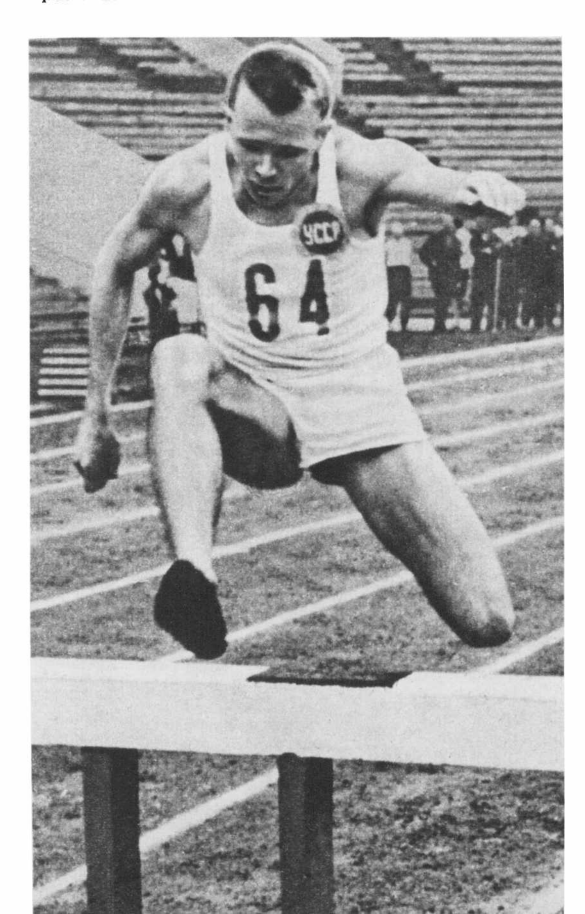
Уже давно Центральный стадион имени В. И. Ленина и его младшие братья, московские стадионы, не видели такого спортивного многолюдья. На гаревые, голубые и фехтовальные дорожки, баскетбольные и волейбольные арены, на штангистские помосты и боксерские ринги, на городошные и гимнастические площадки и многие другие боевые ристалища вышли 7 тысяч спортсменов — представители 28 видов спорта. Это участники финальных соревнований VIII Спартакиады профсоюзов.

Семь тысяч полпредов, 7 тысяч представителей пятнадцатимиллионной физкультурной армии, участвующей в предварительных соревнованиях VIII Спартакиады профсоюзов,— это ли не показатель массовости нашего спорта!

Борьба шла между пятнадцатью командами союзных республик и двух крупнейших спортивных центров — Москвы и Ленинграда. На учете было каждое очко! И вот итог: москвичи на самом финише обошли спортсменов команды РСФСР и заняли первое место. На третьем месте — команда Украины. В ведущую шестерку вошли спортсмены Ленинграда, Белоруссии и Грузии. Большого успеха добились казахстанцы, занявшие почетное седьмое место.

Нелегко пришлось участникам Спартакиады: ведь на старт финальных соревнований вышли лучшие из лучших. Но и зрители оказались в тяжелом положении. Никак им не удавалось объять необъятное, увидеть все самое интересное. Слишком насыщенной событиями была программа Спартакиады. В яркой борьбе прошли боксерские поединки, матчи в водное поло, состязания по ручному мячу и настольному теннису. А до этого с блеском выступили легкоатлеты. Их соревнования ознаменовались новым мировым рекордом в метании диска у женщин, который установила Тамара Пресс,— 59 метров 70 сантиметров,— и повторением официального мирового рекорда в беге на 3 тысячи метров с препятствиями, показанного днепропетровским спортсменом Иваном Беляевым.

14 августа во дворце физкультуры «Крылья Советов» победителям были вручены награды. Кроме официальных, переходящих призов ВЦСПС, отдельные спортсмены и коллективы получили призы, учрежденные газетами, журналами и Центральным Комитетом ВЛКСМ.

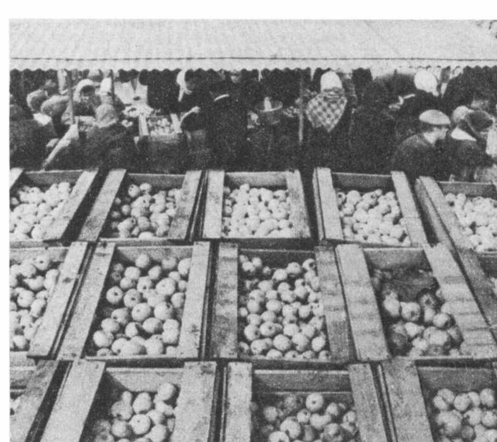
On the given page, the main photograph (women carrying baskets) was not detected as an image.

В мясном ряду...

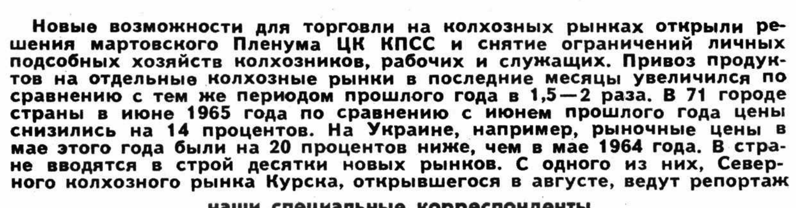
В молочном...

Во фруктовом...

На рассвете. Спешат занять бойкое место...

НА РЫНКЕ В КУ

Новые возможности для торговли на колхозных рынках открыли решения мартовского Пленума ЦК КПСС и снятие ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Привоз продуктов на отдельные колхозные рынки в последние месяцы увеличился по сравнению с тем же периодом прошлого года в 1,5—2 раза. В 71 городе страны в июне 1965 года по сравнению с июнем прошлого года цены снизились на 14 процентов. На Украине, например, рыночные цены в мае этого года были на 20 процентов ниже, чем в мае 1964 года. В стране вводятся в строй десятки новых рынков. С одного из них, Северного колхозного рынка Курска, открывшегося в августе, ведут репортаж

наши специальные корреспонденты
И. ТУНКЕЛЬ и В. ПОЛЫНИН.

Куряне влюблены в свой колхозный рынок и не скрывают это от приезжих. Но ни один курский старожил не посоветует вам знакомиться с курским рынком в середине августа. Во-первых, уборка, и колхозникам по рынкам разъезжать некогда. Во-вторых, для курских рыночных достопримечательностей август рановат: вкуснейшая и дешевейшая картошка, за которой ездят в Курск и Донбасс и Москва,— еще в поле; антоновка, ароматнейшее из яблок России, еще и не собирается желтеть, а знаменитые гуси — курские, льговские, понырские — еще не паслись на жнивье и не успели нагулять тугого, увесистого тела со шкварочным жирком, сквозь который не прощупываются ребрышки.

Но именно в эту не очень подходящую для рынка пору в северной части города, на промышленной рабочей стороне, открылся новый, четвертый по счету в городе с 250-тысячным населением колхозный рынок. Ни архитектурой, ни торговым комфортом Северный рынок вас не удивит. Для мяса — холодильники, для овощей — подвалы. Все как положено, и ничего, что называется, из ряда вон. И заведующая отделом торговли горисполкома Тамара Николаевна Егорова, показывая нам новый рынок, в своем комментарии не пользуется сравнительными и превосходными степенями. Новый курский рынок примечателен не архитектурными новинками, а совсем другими переменами, происходящими под его высоко поднятой светлой арочной крышей.

Оставим в стороне эмоциональную сторону рассказа Тамары Николаевны о том, какую реакцию среди колхозников и курян-покупателей вызвало принятое партией и правительством решение о снятии необоснованных ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих, служащих, как сказалось оно на конъюнктуре колхозного рынка. Оставим потому, что Егорова привела нам несколько цифр, не нуждающихся в литературном обрамлении. Вот они. Выстроим их в таблицу. В первом столбце — количество продуктов (в тоннах), проданных на рынке в течение квартала до упомянутого постановления, во втором — в течение квартала после постановления.

	До	После
Картофель	97,3	359,4
Овощи	100,8	169
Мясо	207,7	450,5
Молоко и молочные продукты	356	632

Перемены очевидны: продажа продуктов на рынках в целом удвоилась. В середине августа, когда колхозник не торопится резать скотину, мясные ряды на рынках полны.

В чем тут дело?

Берем небольшое интервью. Вот молодая женщина раньше своих соседей по прилавку отторговалась. Она согласна отвечать на любые вопросы, у нее нет фирменных тайн. Клавдия Ивановна Яковлева со своим мужем Дмитрием Тихоновичем приехали на рынок из колхоза «XX партсъезд», Солнцевского района, Курской области. Оба супруга — колхозники. Яковлевы продали трех баранов. В хозяйстве осталось еще четыре барана, корова, теленок, два поросенка и сорок гусей. В прошлом же году мяса на рынке Яковлевы не продавали: держали всего одну корову и двух баранов. А теперь, после отмены упомянутых ограничений, колхозники их деревни завели в своих хозяйствах по одной-две коровы, по нескольку свиней и баранов. Где берет колхозник корма для такого количества скота? Приусадебный участок Яковлевых — полгектара. Корову, бычка, овец, гусей с этой земли не прокормишь. Ее занимают под картофель и овощи. Нужно сено. Но ни лугов, ни лесов, никаких выпасов в распаханной сплошь степи нет. Корма колхозники получают от колхоза, и это повышает их заинтересованность во всех артельных делах.

Яковлевы давно собирались строить новый дом. Вырученные сегодня 120 рублей — первое вложение в новостройку, а осенью будет сдан государству бычок и картофель, на рынке проданы гуси.

На курских рынках нынче появилось куда больше по сравнению с прошлым годом мяса, овощей, фруктов, ягод, птицы, яиц, меда, молока, жиров, муки — всего того, что может поставлять колхозник горожанам. Это радует и продавцов и покупателей.

Заканчивая наш репортаж, приведем еще одну цифру: поставленные у рыночных ворот учетчики подсчитали, что в воскресенье курские рынки принимают до 60 тысяч покупателей, которые не уходят домой с пустыми руками. Каждый четвертый курянин бывает на колхозном рынке.

Дед только из леса, его товар — грибы.

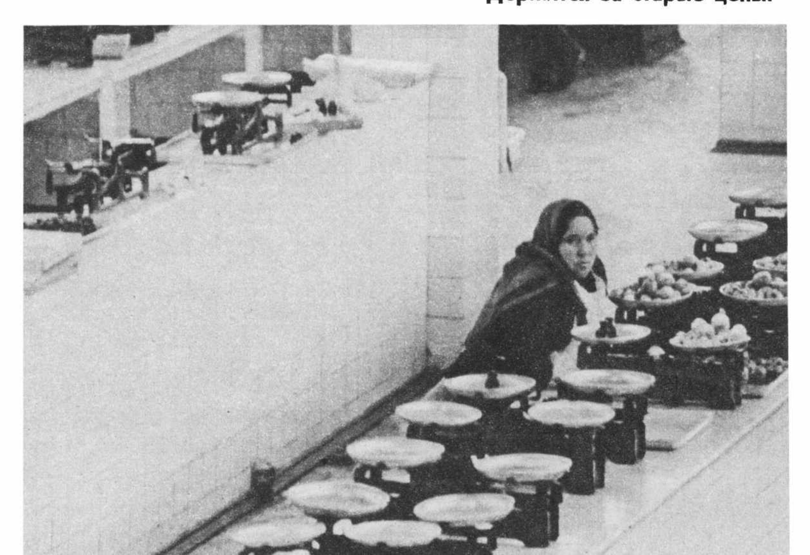

Колхозники Яковлевы продали трех баранов.

РСКЕ В ПРОШЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ...

Держится за старые цены.

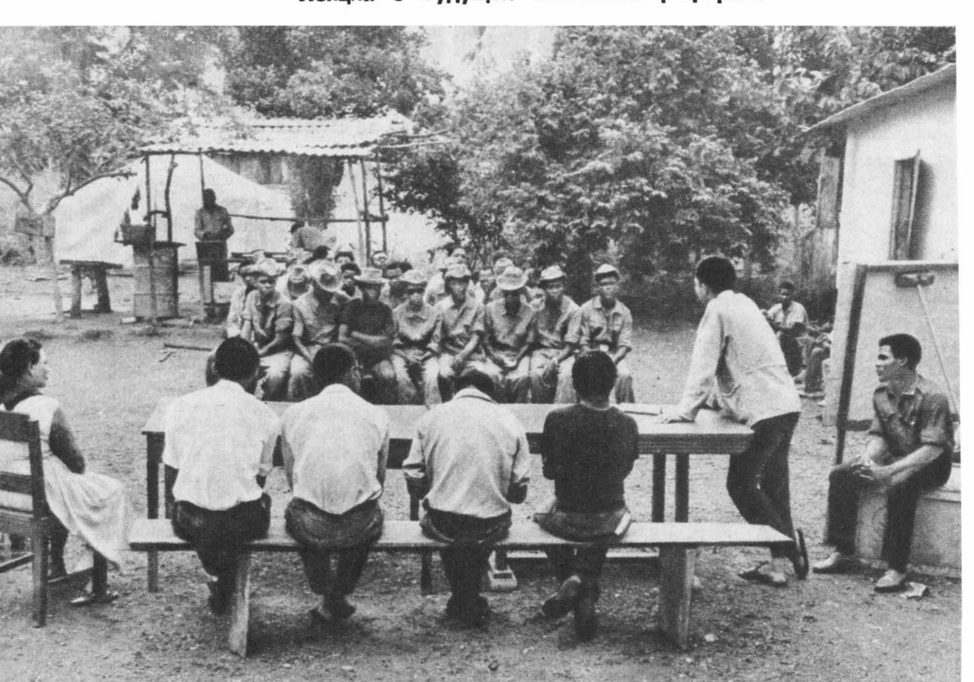

Боевая операция.

У ПАРТИЗАН АНГОЛЫ

Михаил ДОМОГАЦКИХ

Лекция о будущей земельной реформе.

Сейчас будет граница.

Я много путешествовал по разным странам. В моем паспорте есть отметки пограничных властей многих стран мира. По-разному встречали мой молоткастый, серпастый советский паспорт пограничные чиновники — где-то приветливо и сердечно, а где-то с нескрываемой ненавистью. Мне приходилось быть арестованным и находиться под стражей. Меня высылали как нежелательное лицо. Однажды несколько часов пришлось просидеть в самолете, накаленном тропическим солнцем Азии, когда власти «свободной страны» единственному пассажиру не разрешили даже выйти из самолета. Всякие бывали положения. Но первый раз я переходил границу, не имея никакой визы. И первый раз я шел туда, где идет война, где смелые и храбрые сыны народа стали на тропу борьбы за счастье и свободу своей страны.

...Мы шли сколько-то времени — усталый организм не фиксировал расстояния. Когда каждый шаг дается с трудом, метры кажутся почти километрами.

Но вот вспышка фонарика. Собираемся вместе. Проводник кладет мне на плечо руку:

— Ну, поздравляю, товарищ. Вы ступили на землю Анголы.

И я сразу вспомнил, как много проделал тысяч километров, чтобы попасть сюда, мечтая хоть одним глазом увидеть землю Анголы, ступить на нее своими ногами.

Вылетел из Найроби на юг, и в Солсбери, в Южной Родезии, в городе белых дикарей, где я должен был ждать некоторое время прихода самолета, меня арестовали, поставили перед дверью временной камеры двух дюжих полицейских с расстегнутыми кобурами и стали составлять всякие протоколы. От меня хотели знать, не с целью ли свержения «демократического» правительства прибыл я в Южную Родезию. Таможенники перевернули вверх дном мой чемодан, просмотрели каждый листок всех блокнотов, в которых еще не было записано ни одной строчки.

— Почему у вас чистые блокноты?— спросил меня чиновник.

— Я буду записывать в них, как мне понравилось ваше гостеприимство.

Бросив сердитый взгляд на меня, он распорядился:

— Проверьте еще раз повнимательнее.

— Не думаете ли вы найти среди моих вещей атомную бомбу?— спросил я молодого парня, который второй раз начал ворошить чемодан.

Он не понял.

— А разве есть такие маленькие бомбы?

Меня не посадили в самолет, который был мне нужен, а, будто издеваясь, решили выслать в другом направлении — в южноафриканский город Иоганнесбург. Я летел и думал, что произойдет со мной в этом заповеднике фашизма и расизма...

Из Иоганнесбурга я летел в самолете, набитом горланящими пьяными наемниками, которых посылало правительство Южной Африки на помощь Моизу Чомбе.

Было. И вот я на земле Анголы. В небо выплыл молодой месяц и помчался по легким волнам облаков, ныряя и появляясь вновь. Жемчужным, матовым покрывалом оделся буш, и вдали, совсем, кажется, рядом, были джунгли.

— Теперь самое время немного отдохнуть. Можно сделать несколько глотков воды. Впереди будет труднее.

Мы вошли в джунгли, как нырнули в нагретую воду с закрытыми глазами — темно, душно и влажно. Под ногами стала расползаться скользкая, противная грязь, а сверху начало капать. Джунгли отдавали лишнюю влагу. Долго и тяжело шли мы по этому мертвому лесу. Но только на следующий день я по-настоящему понял, что это такое.

Влажные испарения навалились осязаемой тяжестью. Гиганты растительного мира, кажется, уперлись своими кронами в самое небо, но к ним тихо, предательски подбираются висельники-лианы. И через сколько могучих великанов, поваленных лианами, приходится перешагивать на своем пути! Лианы хватают, цепляются за одежду. А когда ты хочешь ухватиться за ее скользкий изогнутый ствол, тебя предупреждают:

— Осторожно, не схватитесь за змею.

Мороз пробегает по коже от одной этой мысли. И теперь в каждой лиане видится предательски спрятавшаяся гадина.

Мои друзья рассказывали мне, что, если надолго остаться одному в джунглях, можно заболеть трудноизлечимой болезнью, которая в переводе на русский звучит вроде «лесобоязнь».

Мы идем и идем, сосредоточивая все внимание на том, как бы не поскользнуться и не упасть. Для меня это особенно сложно, потому что я первый раз оказался в таком трудном путешествии.

— Осторожно, термиты,— предупреждает проводник.

Высокий терем из красной земли воздвигнут термитами на нашем пути.

— Посмотрите сюда,— говорит проводник.

Я наклоняюсь и вижу, как течет неширокий, сантиметров пятнадцати, ручеек. Термиты. Их боится в лесу все живое. Когда они меняют место своего поселения, с их пути убегает все, что может двигаться. И вот уже несколько штук взбираются по ботинкам и ползут выше. Мы уходим с их тропы, снимаем снаряжение и обметаем друг друга: избави бог, если хоть один проберется под гимнастерку!

Кажется, не будет конца ни этим джунглям, ни нашему пути.

Уже к ночи мы выходим на берег небольшой речушки, жадно пьем из нее, а потом, переправившись вброд, скоро выходим на поляну шириной несколько километров. Это вновь буш, который после джунглей уже не кажется таким угнетающе душным.

Пересекаем старую, забытую и местами размытую тропическими ливнями дорогу.

— Раньше тут было оживленно, португальские машины шли одна за другой,— говорит нам товарищ.

— А теперь?

— Теперь дорога в наших руках.

Идем по утлым, уже подгнившим мосткам. Тропинка уводит нас в сторону, вновь в сторону джунглей. На вопрос, долго ли еще идти, проводник отвечает коротко:

— Подходим.

Тропинка ведет вверх, под ногами совсем сухо. И вдруг негромко, но требовательно:

— Стой! Кто идет?

— Свои.

— Пропуск.

Проводник произносит пароль.

— Проходите, товарищи.

Еще немного, и из темноты, из тени, брошенной джунглями, появляется высокий человек с автоматом на груди.

— Здравствуйте, товарищи! Н-ский партизанский отряд построен для митинга.

— Может быть, поздно? — говорим мы. — Оставим на завтра?

— Партизаны хотят встретиться с вами сейчас.

И немного погодя:

— А завтра встретитесь с другими, потому что эти уйдут на боевое задание.

Мы подходим к поляне, где выстроились партизаны. Не видно лиц, только чувствуется, что замер строй бойцов.

Комиссар отряда знакомит меня с партизанами. Я чувствую крепкое, горячее рукопожатие друзей, на секунду во время вспышки карманного фонаря ловлю черты лиц и вижу решительный блеск глаз, такой же блеск, какой отбрасывают вороненые стволы автоматов.

Короткие речи. Я говорю тоже, обращаясь к строю людей, которых сейчас не вижу. Но на мой возглас «Да здравствует НДОА!»[1] отвечают:

— Вива Юнион Советик! Вива Моску! Виторио о морте! — Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Москва! Победа или смерть!

Так началась моя жизнь среди партизан Анголы.

— Вы знаете, как мы совершили прорыв через вражеское кольцо и ушли из-под самого носа португальцев? — спрашивает меня один из партизан.

— Нет, расскажите.

— Это было вот здесь. — Головкой патрона, какими он набивает диск автомата, партизан указывает крупную точку на карте, от которой в разные стороны расходятся линии дорог.

В феврале 1961 года в Анголе вспыхнуло вооруженное восстание. Оно началось в Луанде, столице страны. Участники бурных событий по-разному запечатлели то, что происходило на улицах города. Но товарищ Титу, высокий, с чуть прищуренными глазами парень, вначале ничего не понял. Да это и не удивительно: ведь он находился в тюрьме. Жарким днем до тюрьмы долетел непонятный шум. Он нарастал, ширился... Вот в него вплелись ружейные выстрелы. Но шум рос, становился все мощнее, уже стали различаться отдельные голоса. Восставший народ Луанды шел освобождать из тюрьмы политических заключенных, многим из которых грозила смерть по приговору военного суда. Под напором тысяч людей не выдержали кованые тюремные ворота, и толпа, вооруженная чем попало, смяла охрану, ворвалась в здание.

— Меня кто-то обнимал, кто-то предлагал большой нож, тянул за собой.

Некоторым заключенным удалось бежать. Они и стали организаторами пунктов сопротивления. Сформированные отряды обороны перерезали связь и шоссейные дороги, стали собирать оружие, обучать им пользоваться.

— Меня, — говорит товарищ Титу, — как служившего когда-то в португальской армии, назначили командиром вооруженного отряда, которому поручили любой ценой задержать карателей, если они пойдут в нашу сторону.

Я смотрю на карту и вижу обширную территорию, залитую зеленой краской.

— Что это такое?

— Здесь плантации кофе, здесь — сахарного тростника. А это лес. Видите, позиции наши были очень выгодны. Небольшая возвышенность помогала нам контролировать местность. И тут мы начали учиться воевать. Оружия у нас было мало, но ненависти не занимать. Только трудно стало держаться, когда каратели волна за волной стали накатываться на нас. Мы послали своих людей в соседние районы за помощью, просили ударить по португальцам с флангов, чтобы мы могли вырваться из кольца, уйти в джунгли. А кольцо все сжималось. Наконец подошли наши друзья и стали нападать на португальцев. Мы чуть-чуть вздохнули и решили прорваться в горы Уиджи — это в районе Дамба. Полторы сотни бойцов с десятью винтовками и несколькими кремневыми ружьями. У остальных луки, панги — мечи с широкими лезвиями, какими рубят тростник и косят траву. Да столько же примкнуло к нам безоружных, — не хотели попадать в руки карателей.

Как сейчас помню, — говорит товарищ Титу, — ночь была темная-темная. Только яркие светлячки сверкали, будто кто-то чиркал спичкой по коробку. Но мы знали каждую тропинку, нам не нужно было яркое освещение.

Подобрались мы к португальцам, выдвинули на первую линию почти всех, у кого было оружие, и, открыв огонь, бросились в атаку. Застрочили пулеметы и автоматы — это уже не наши, — и понял я тогда, что немногим из нас удастся спастись. Но остановить людей не смог бы в тот момент никто. Мы рвались вперед. Не знаю, сколько времени мы бежали, но я пришел в себя, когда уже не было слышно выстрелов. Кругом стояли мои товарищи, вытирали пот с разгоряченных лиц, тяжело дышали.

«Ну, вырвались», — сказал кто-то.

К утру подошли к мелколесью, собрались, укрывшись в густой траве, и больно стало до слез. Всего семьдесят восемь человек, а больше двухсот товарищей погибли или захвачены карателями... Но сейчас мы ничем не могли помочь делу: надо было уходить в джунгли, приводить все силы в порядок, готовиться к войне... Вот так мы начинали действовать.

Потом отряд разделился — одна часть его осталась в горах Уиджи, а другая ушла на север, где уже зарождался новый освобожденный район Анголы.

Вот сюда-то тайными партизанскими тропами, через труднопроходимые джунгли, которые по плотности, говорят, уступают только джунглям бассейна Амазонки в Южной Америке, привели меня друзья.

Только что закончился сезон тропических дождей, и наступило лето. Все реки, речушки и ручьи вспухли от многоводья, и даже там, где совсем недавно были протоки в метр-полтора шириной, нам приходилось, поднимая над головой оружие, переходить вброд широкие потоки. В вечном полусумраке джунглей, в их горячем, влажном воздухе назойливо жужжали тучи комаров. И не всегда противомалярийные прививки и ежедневные дозы таблеток спасают людей от жестокой тропической лихорадки.

Вечерами, а иногда и на привалах во время походов рассказывали мне друзья о своей родине. В их словах были гордость и любовь к ней, печаль и боль за ее судьбу.

Она раскинулась на огромной территории, которая в два с половиной раза больше территории Франции и в пятнадцать раз больше территории Португалии, считающей себя хозяйкой Анголы.

Я говорил с людьми, жившими во всех тринадцати провинциях Анголы, и по их рассказам я представил эту изумительную страну. Ее пятимиллионный народ ведет сейчас героическую борьбу за освобождение.

Страна богата полезными ископаемыми. Железная руда и титан, медь и цинк, свинец и уран, золото и платина, бурый уголь и фосфориты. Пятое место в капиталистическом мире занимает Ангола по запасам алмазов.

Щедрая земля Анголы дает кофе и сизаль, хлопок и ананасы, бананы и сахарный тростник.

Вот почему на Анголу накинулись империалисты. Они опутали ее крепкими колониальными цепями, рвут на части живое тело народа, оскорбляют его душу.

— Португалия — маленькая, самая отсталая в Европе страна. Как удается ей держать в руках такую большую страну, как Ангола? И не только Анголу, но и Мозамбик, «Португальскую» Гвинею, острова Зеленого Мыса — территорию, в двадцать пять раз превышающую ее собственную? — спросил я своих друзей.

— Система колониального режима. Эта изуверская система позволяет держать в узде миллионные массы народа.

— Но ведь сейчас в Африке наступили другие времена! Более сильные государства вынуждены были уйти из бывших колоний или сделать большие уступки. Почему же Португалия по-прежнему удерживает позиции в своих колониях?

— Вот тут мы и подходим к самому главному. Я буду говорить об Анголе, — сказал комиссар отряда. — После начала вооруженной борьбы в Анголе Португалия не продержалась бы и года, если бы на помощь ей не пришли страны Североатлантического блока. Они бросили на помощь ей не только оружие, но и военных «специалистов». Именно против этого «союза» ведет и сейчас наш народ нелегкую борьбу. Англия, США, Западная Германия, Бельгия, Голландия и другие страны помогают Португалии душить национально-освободительное движение. И не за красивые глаза Салазара, а за те сокровища, которыми столь богато наделена Ангола. Две трети капиталовложений в алмазную промышленность падает на долю монополий США. Они же прибрали к рукам добычу урана и других ценных ископаемых. Чувствуете закономерность? Там, где США занимают ведущее положение в экономике и эксплуатации сырья, там они пытаются зацепиться любыми средствами. Пример Конго достаточно красноречив. Кроме того, более 70 процентов производства кофе в Анголе тоже принадлежит «Компаньи Анголана ди агрикультура», на которую Португалия имеет чуть побольше прав, чем на Калифорнию.

— А сейчас, — прерывает его товарищ Лопес, — все сильнее проникает в экономику Анголы Западная Германия. Знаете, прямо локтями расталкивает своих так называемых друзей. Вот здесь, в Кимбунду, — показывает он на карте, — западногерманские монополии скупают землю в больших площадях. И устраиваются с такими удобствами, будто и не думают когда-нибудь покидать эти места.

— Это уже зависит от нас, — вставляет комиссар отряда. — Когда освободим Анголу, народ решит сам, как быть ему с этими новыми колонистами.

— Очень просто, — говорит товарищ Титу, — как и со старыми. Всех одной метлой из Анголы.

К нам подошел партизан. Он тяжело дышал, видно, бежал в гору. С трудом переведя дух, он доложил, обращаясь к командиру:

— Товарищ командир, с поста номер три докладывают, что по шоссе продвигается механизированная колонна португальцев. В ней семь машин, солдаты с пулеметами и автоматами, около полсотни. Пост номер три пропустил колонну. Какие будут распоряжения?

Командир склонился над картой. К нему подвинулись комиссар и все, кто находился рядом.

— Засада у моста еще не снята? — спросил комиссар.

— Нет.

— Может быть, ударим здесь? Мост заминирован?

— Эх, — потирая подбородок ладонью, будто с сожалением, сказал командир, — не хочется мне этот мост бросать на мелкую цель.

— Сколько нам еще ждать крупную-то? Не приедет же сюда Салазар со своей свитой!

— Ну ладно. Товарищ Томас, соедините меня с отрядом товарища Джуниора.

Радист, тихонько сидевший в уголке, включил рацию. К нам ворвались непонятные сигналы, где-то трещала азбука Морзе, глухо доносилась, кажется, из другого мира, чужая песня. Потом все стихло, и четкий, будто совсем рядом, раздался голос:

— Я вас слушаю, товарищ командир.

— Товарищ Джуниор, в вашем направлении продвигается небольшое стадо овец. Вы их примите. На помощь вам посылаю еще несколько человек. На всякий случай, если не справитесь.

— Справимся. А стадо-то большое?

— Да нет. Семь на пятьдесят.

— Тогда никого присылать не надо.

— Хорошо. Выполняйте.

Резкий щелчок. Медленно, будто опуская усталые веки, погас зеленый огонек рации.

— Надо бы доложить в штаб, — сказал комиссар.

— Подождем, чего раньше времени спешить.

И опять мы вернулись к пре-

[1] НДОА — партия Народное движение за освобождение Анголы, которая руководит борьбой ангольского народа.

рванному разговору, как будто ничего не случилось.

А я уже пытался представить, как развернется бой у моста, к которому, вероятно, через несколько часов подойдет колонна португальцев.

Я слышал о командире группы, находящейся в засаде, товарище Джуниоре. В моем блокноте записано: «Молодой, храбр, расчетлив. Весельчак. В партизанский отряд пришел со школьной скамьи. Воюет третий год, был ранен. Болел тропической лихорадкой». Очень скудные сведения. Трудно по ним нарисовать портрет человека. Но я это делаю мысленно, и все у меня получается портрет человека широкоплечего, невысокого крепыша, с бородой Фиделя Кастро.

Время тянулось медленно. И только под вечер запищала рация.

— Товарищ командир,— раздался молодой, задорный голос,— задание выполнено. Возвращаемся на базу.

— А точнее можете доложить?

— Уничтожено пять американских машин «виллис». Убито тридцать два солдата противника. Захвачено два пулемета, семнадцать винтовок, шесть автоматов.

— Но машин было семь? — задает вопрос командир.

Динамик рации горестно вздыхает:

— Остальным удалось уйти.

— Как же так?

— Две задние машины успели развернуться. Даже убитых сбросили.

— Я же предлагал вам подкрепление.

— Виноват, товарищ командир. Мы б и так справились, но, видно, уже пуганые попались. В следующий раз не уйдут.

— В следующий раз, сказал тоже! Следующий раз еще ждать надо. Ну ладно, возвращайтесь на базу. Оружие, которое не сможете донести, припрячьте надежнее.

— Есть! — опять раздался бодрый голос из динамика.

Прошло еще несколько часов, и мы встречали героев сегодняшней операции. Они возвращались, нагруженные трофеями: несли пулеметы, автоматы (винтовки припрятали) и какие-то картонные ящики.

Друзья, уже знавшие об исходе боя, обнимали вернувшихся, хлопали по спинам. Одного партизана окружили плотным кольцом. У него были забинтованы голова и левая рука. Он отмахивался здоровой рукой:

— Да мелочь это. Царапины. Скоро все пройдет. Да бросьте вы, товарищи. Лучше посмотрите, что мы принесли в ящиках.

Пошли уже по рукам банки с консервами, кубики концентрированного кофе, бутылочки с противомалярийными таблетками.

Потом я встретился с товарищем Джуниором. Ничего общего с тем портретом, который я нарисовал себе. Высокий, с юношеским лицом. Редкая бородка еле заметна на его темной коже. Большие глаза смотрят застенчиво. Я почему-то подумал, что глаза его были широко и радостно раскрыты, когда он докладывал о выполнении задания. Самое сложное оказалось в том, что из него невозможно было выдавить ни слова. Односложные ответы.

— Расскажите про тот бой, когда вы были ранены. Как это произошло?

— Они налетели. Мы оборонялись. Меня ранило.

— Товарищ Джуниор,— говорит комиссар,— расскажи, как ты один прикрывал отход всей группы.

— Ну, чего же теперь рассказывать, вы это сами сделали, товарищ комиссар.

— А кем вы хотели быть, когда учились?

— Химиком.

— Расскажи, как изобрел партизанские мины.

— Подумал немножко, и получилось.

— Мы вам говорили,— сказал комиссар,— что Джуниор — орешек. Но о нем вам расскажут его товарищи.

Во время долгих бесед я узнал, что Джуниор учился в гимназии, когда услышал о призыве партии Народное движение за освобождение Анголы идти в маки. Вдвоем с товарищем они напали на двух португальских патрулей на окраине Луанды, обезоружили их и бежали в джунгли. Вынесли муки голода и жажды, пока не наткнулись случайно на базу партизанского отряда. И здесь Джуниор стал самым лучшим разведчиком. Сам изобрел мину, которую не обнаруживают португальские миноискатели, и на этих минах уже подорвалось немало карателей.

Когда я пишу эти строки, высокий застенчивый парень, одетый в защитную форму народной армии, может быть, ушел со своей группой на выполнение очередного задания. И, может быть, уже завтра в сводке военного командования появится несколько строк: «Разведчики продолжали изучать позиции противника. Смело действуя, они подорвали один мост на важной магистрали. Противнику нанесен урон в живой силе и технике».

Может быть, эти строчки будут относиться совсем к другим людям, но для меня они будут связаны с отважным партизаном, которому товарищи придумали псевдоним Джуниор, что означает Юный.

Он как бы символ того нового, что растет и ширится на земле Анголы. Движение за освобождение страны, начавшееся четыре с половиной года назад штурмом тюрьмы политических заключенных, кончится, несомненно, штурмом и гибелью колониального режима в одной из крупных стран африканского континента.

Закатное солнце облило золотом верхушки гигантских деревьев. Темный сумрак уже наползает из глубины джунглей. На ровной полянке с оружием в руках сидят партизаны. Идут политические занятия. Бойцы знакомятся с последними событиями за рубежом. Они сидят тихо, словно прислушиваются к шуму и грохоту неспокойного мира.

Потом комиссар переходит к положению в Анголе. Он говорит, что в разных частях этой большой страны, преодолевая невероятные трудности, ведут борьбу патриоты. То один, то другой боец улыбается: говорят о его родных местах. Потом зачитывается оперативная сводка: «Партизанские отряды Народного движения за освобождение Анголы продолжали свои операции — разведку, минирование дорог, разрушение экономических объектов. Партизанский отряд под командованием товарища Кики уничтожил несколько колонизаторов.

Н-ский отряд разгромил колонну автомашин вместе с солдатами. А затем огнем пулеметов и базук уничтожил португальский пост связи.

Оба отряда, командование которыми осуществлял товарищ Килоло, уничтожили 82 солдата противника».

Я смотрю на бойцов и вижу, какой радостью и гордостью светятся их лица. Ведь один из отрядов — это они сами. Теперь о них узнают все, может быть, и в тех местах, откуда они пришли сюда. Пусть не узнают их имен, но зато их победа будет служить народу верой и поддержкой.

Бойцы поднимаются. Подтянутые, молодые, с боевым оружием в руках — воины народной армии.

— Да здравствует свободная Ангола! — произносит комиссар.

— Победа или смерть! — отвечают партизаны.

Освобожденный район Анголы.
Н-ский партизанский отряд.

ЧТОБЫ ЖИЗНЬ УКРАШАЛИ

Н. Н. ЖУКОВ

Пятнадцать тысяч! Именно столько самодеятельных художников живет и работает в одних лишь сельских местностях Российской Федерации. Более шестисот студий и кружков изобразительного искусства объединяет в селах, деревнях, районных центрах республики около шести тысяч художников. Конечно, не так-то просто рабочему человеку, к тому же отцу семейства, выкроить время для посторонних занятий. Но люди, всерьез увлеченные искусством, с радостью отдают ему весь свой досуг. Вот как В. Зотеев, учитель из-под Челябинска: влюблен человек в живопись! Как отпуск, отправляется В. Зотеев в путешествие, захватив верный свой этюдник. Исколесил, пожалуй, весь Урал — от южных отрогов до скалистых берегов Ледовитого. В Приполярном Урале встретилась художнику вот эта угрюмая, криво изогнутая, отточенная добела снегами и льдом «Гора Сабля».

Станислав Грачев — тоже учитель. Видно, такая уж это профессия — обязывает и учит любить красоту. Живет он, совсем еще молодой человек, в небольшом поселке Новосибирской области. И хотя не имеет специального образования, посещает лишь семинары в Московском Доме народного творчества,— преподает детворе рисование и сам пишет картины — «Дворик», «Старуха», «Подружки»... Должно быть, часто сидят они вот так, румяным рядком на скамеечке против учительских окон.

Любуешься работами на этой замечательной выставке и считаешь совершенно естественным и даже необходимым, что учитель рисования, ретушер, конструктор, гравер, картограф, маляр в часы досуга пишут маслом, рисуют, режут по линолеуму. Ведь карандаш и кисть — вещи, привычные их рукам. Но профессия здесь отнюдь не главное, не определяющее. Вот, например, Леонид Корхонен из Карелии — электрослесарь и художник. Живет он в Олонецком районе, среди лесов и озер, суровой и величавой северной природы. Белокурый и голубоглазый, мечтательный, Корхонен любит писать иссиня-темную хвою, студеную глубину неба, искристое серебро лесных рек.

Участники выставки знают свой край не по туристским маршрутам или творческим командировкам, а так, как знает человек свой обжитой дом. Именно поэтому, я думаю, и выливается их творчество в такую поэтичную, красочную песню о человеческих делах и судьбах, о родной земле.

Снова и снова обходя замечательную выставку, я думал о том, что всем нам необходимо постоянно заботиться об армии самодеятельных художников. Наши расходы, наши заботы щедро окупятся. Это будут и новые картины, и скульптуры-подлинники, что встанут на место плохих гипсовых слепков, и красочно оформленные демонстрации, и элегантные интерьеры сельских и поселковых клубов, и со вкусом убранное жилище колхозника. Ведь в Программе нашей партии записано: «Развитие и обогащение художественной сокровищницы общества достигается на основе сочетания массовой художественной самодеятельности и профессионального искусства».

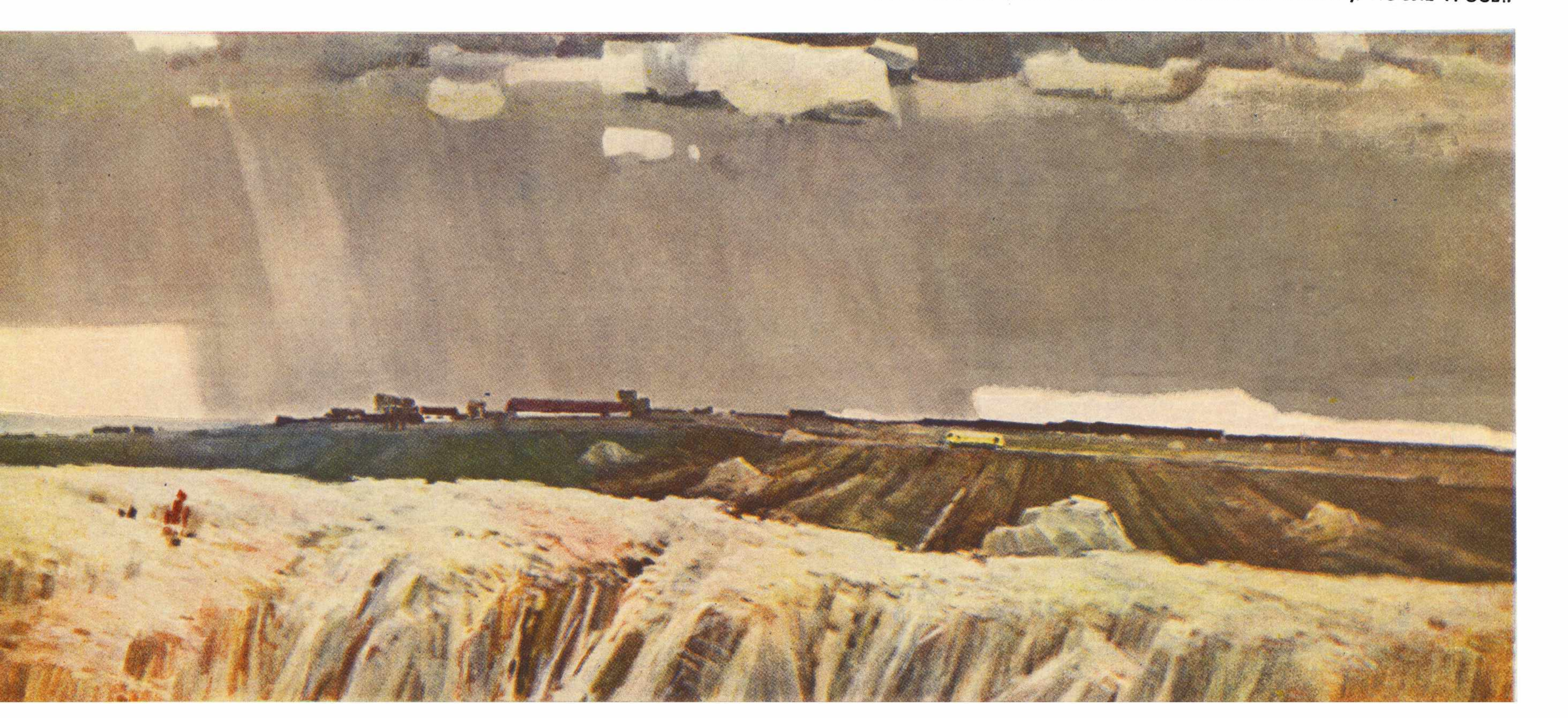
Пусть больше будет и самодеятельных выставок. И не только в столицах, больших городах, но и в районных центрах, селах, деревнях. Сто лучших работ с Всероссийской самодеятельной скоро начнут путешествие по районам нашей Федерации. Они должны стать первой ласточкой будущей многочисленной стаи.

В. Жуков. (Строитель. Ставропольский край). ХИМИЯ НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ.

С. Грачев. (Учитель. Новосибирская область). ПОДРУЖКИ.

Ю. Федоров. (Рабочий совхоза. Ростовская область). ПОСЛЕ ГРОЗЫ.

Матросы с «Малютки»

А. ГОЛИКОВ

В «Огоньке» № 26 был опубликован репортаж «Говорит погибшая лодка». Советская подводная лодка «М-81»—«малютка», как ее называли моряки, была потоплена фашистами 1 июля 1941 года и недавно поднята с морского дна.

Читатели в своих письмах спрашивают, установлен ли автор найденного дневника, просят подробнее рассказать о спасшемся с «малютки» матросе Викторе Преображенском. Есть письмо и очевидца трагического события. «1 июля 1941 года при переходе боевых кораблей из Риги в Таллин наша подводная лодка «М-79» шла в кильватере «М-81» на расстоянии 40—45 метров, а вслед за нами «М-77»,— пишет бывший старшина II статьи С. А. Масленников.—...Внезапно у борта идущей впереди «малютки» взметнулся огромный столб воды, и лодка, переломившись надвое, исчезла в пучине. После взрыва в волнах мы увидели несколько человек».

Бывший матрос Петр Васильевич Муратов участвовал в спасении людей с «М-81». Он пишет: «...в шлюпку мы подобрали одного мертвого и двух живых. Потом вынырнул еще один. На наших глазах его волосы поседели».

СТАРШИНА II СТАТЬИ ПАВЕЛ ВОЛКОВ

Найти автора дневника и выяснить некоторые подробности трагической гибели «М-81» помогли читатели. Написали братья погибшего командира отделения штурманских электриков, секретаря комсомольской организации Павла Волкова. Они прислали сохранившиеся письма матроса, и все сомнения рассеялись: письма и дневник написаны одним почерком.

Старший брат подводника, Сергей Игнатьевич, и младший, Александр Игнатьевич, бывший офицер-летчик, участник Отечественной войны, живут в Горьком. Мать Павла, Наталья Антоновна, с дочерью Мариной — в Кетове. Наталья Антоновна до сих пор оплакивает Павла и самого младшего сына, Алексея, сложившего голову под Сталинградом.

Павла в семье ласково звали Октябренком. Он родился в день Октябрьской революции — 7 ноября 1917 года. Его родители тогда жили в селе Каторгино, Бабынинского района, Калужской губернии.

В Бабынине издавалась районная газета «Ленинский путь». «Вот бы где работать,— мечтал юноша после окончания школы,— чтобы писать». Но такими мыслями он делился только с самыми близкими. Уж слишком они казались смелыми, несбыточными.

И все-таки устраиваться на работу Павел пошел в «Ленинский путь». Не в редакцию, а в типографию, грузчиком. Это казалось более реальным. В грузчики его не взяли. «Ты, парень, молод»,— сказали ему тогда. Напрасно Павел, закатав рукав, предлагал пощупать бицепсы, говорил, что к тяжелой работе привычен, просил взять на испытательный срок. Не помогло.

О том, как Павел стал журналистом и как работал в районной газете, рассказала читательница «Огонька» Анна Филипповна Стрелкова. «Одного из погибших на «М-81», Павла Игнатьевича Волкова, я очень хорошо знала,— писала нам Анна Филипповна.— С ним вместе я училась в семилетней школе колхозной молодежи, а затем работала в редакции газеты «Ленинский путь», Бабынинского района, Калужской области. Уверена, что дневник писал Павел. Это его стиль, его манера изложения».

Анна Филипповна, тогда Аня Зубкова, помогла Павлу устроиться в редакцию техническим секретарем.

Секретарем Павел был полгода. Одновременно он писал информации, корреспонденции, учился фотографировать. Способного паренька послали в область на газетные курсы. Он их окончил и стал работать в районной газете литературным сотрудником.

«Помню,— рассказывает Анна Филипповна,— каким сияющим пришел Павел в редакцию, когда узнал, что его направляют служить в подводный флот.

Провожали мы Павла всем коллективом, провозглашали тосты за его успехи, за Красный Флот. Выпив бокал, Павел шутил: «Мы, подводники, пьем под корочку» — и изображал старого морского волка, закуривая трубку. Он ее купил, когда узнал, что будет служить во флоте. Потом уже серьезно говорил: «Обещаю, ребята, хорошо служить и хорошо воевать, если придется».

«Павел Волков был смелым и одаренным человеком, отличным матросом-подводником, — рассказывает читатель «Огонька» Андрей Николаевич Потапов,— с полной достоверностью я утверждаю, что он автор дневника.

Вместе с Павлом я учился в школе в Ленинграде, но в разных группах.

Запомнился такой случай. Както в воскресенье, получив увольнительные, мы с Павлом отправились на пароходе по Неве; она только ото льда очистилась. Я спустился в буфет, а он остался на палубе. Сижу, пью пиво, вдруг слышу крик: «Тонут, тонут, спасайте!» Выбегаю на палубу: пароход задний ход дает, а утопающие за кормой метрах в ста, и к ним шлюпка подходит. Оказывается, какой-то мальчуган умудрился за борт свалиться, а Павел сбросил бушлат и за ним прыгнул.

Доставили их на пароход. Родители мальчугана целуют Павла, все пассажиры восхищаются: «Какой смелый матрос, вода-то еще ледяная...»

Последний раз я виделся с Павлом в конце 1940 года. Мы с ним побродили по городку, где неожиданно между домами поднимаются гранитные глыбы, потом пошли на обрыв к морю. Мне не пришлось участвовать в финской войне, а Павел, как говорится, уже понюхал пороху. Их лодка ходила в боевые походы. «На войне многое не так получается, как представляешь в мирное время»,— задумчиво сказал он.

Потом мы читали стихи Алексея Лебедева. Мы очень любили этого поэта за хорошие стихи и за то, что он был тоже моряк и подводник. Павел еще тогда позавидовал его судьбе. А судьба-то их оказалась схожей. Алексей Лебедев тоже погиб на подводной лодке и тоже в самом начале войны».

ТРИЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ

Так близкие люди говорят о другом матросе с «малютки», Викторе Сергеевиче Преображенском. Как и Павел Волков, он родился 7 ноября 1917 года. Как и Павел, в момент взрыва «М-81» находился внутри подводной лодки и вместе с ней пошел на дно. Но ему удалось спастись, и вот он сидит за столом напротив меня в своей уютной квартире на Профсоюзной улице в Брянске.

— То, что происходило на нашей лодке в день 1 июля до взрыва, припоминаю плохо,— говорит Виктор Сергеевич.— Уж очень напряженным был поход. По боевому расписанию пост Павла находился во втором отсеке, под командирской рубкой, а мой — в четвертом. Третий отсек целиком занимал дизель. Это меня спасло. Торпеда попала во второй отсек, и, вероятно, те, кто в нем находился, были убиты мгновенно. Дизель прикрыл четвертый отсек от взрывной волны, смягчил удар.

Со мной в отсеке был матрос Борис Геворкянц. Я слышал его стон. Свет погас, в отсек хлынула вода. Выручила матросская выучка. В темноте мгновенно нашел клапан подачи воздуха высокого давления, рванул его на себя. Воздух не дал воде полностью затопить отсек. Я нырнул, пытаясь найти Геворкянца. Но не нашел его. Думаю, что он потерял сознание и вода вынесла его в другой отсек, ведь переборки были отдраены.

Потом я постучал по переборке: может, кто ответит. Я же не знал, что все погибли. Попытался открыть выходной люк, но замки не открывались. Поискал в темноте молоток или какой-либо тяжелый предмет, но не нашел. Дышать становилось все труднее. Тогда, собрав все силы, я нажал на замок, и он поддался.

Я вынырнул из лодки, не представляя, на какой глубине нахожусь. Хотелось скорее оказаться на поверхности, но помнил о кессонной болезни.

Не зная глубины, я не знал и того, где надо замедлить всплытие. На всякий случай медлил, как мог, пока хватило в легких воздуха. Вынырнул, лег на спину. А вокруг шел бой. Корабли отражали очередной воздушный налет. Стрельба стихла, вдруг слышу знакомый голос: «Виктор, держись!» Смотрю, а это Петр Семин, метрах в двадцати от меня. Потом нас подобрали.

В общем, я легко отделался, повредил ребро и на другой день оглох. Это результат подъема с большой глубины. В госпиталь не ложился. Когда слух восстановился, был назначен на подводную лодку. Это уже было в Ленинграде. Потом попал в морскую пехоту. Дальше до победы воевал на сухопутье, был замполитом командира батареи.

— А как вы стали политработником?

— Стихийно, если можно так выразиться. 21 декабря 1941 года под Ленинградом наша рота пошла в атаку. Немцы открыли ураганный огонь из орудий и минометов. Все офицеры были убиты или ранены. Матросы залегли. Тут команду ротой принял старшина I статьи Цепиков. Он стал вновь поднимать людей в атаку, а я ему помогал, вроде как комиссар. После боя нас в этих должностях утвердили.

Провоевал я комиссаром недолго. И снова едва не погиб. Бой был небольшой, как говорят, местного значения. Рота наша успешно атаковала. Ворвались мы в немецкие окопы. Я вытер пот со лба, сдвинул каску на правый висок. И в этот момент пуля. От каски она дала рикошет. Я упал без сознания,— удар все-таки был очень сильный.

Товарищи думали, что я убит. Но я через сутки пришел в себя.

— А как воскресли третий раз?

— Это случилось 9 февраля 1943 года. Получили мы приказ атаковать гитлеровцев и с ходу взять деревню Новоселки, между Псковом и Лугой. До деревни рукой подать, метров сто двадцать, не более. Но все эти метры фашисты простреливают пулеметным огнем из крайнего дома. Помочь нам могла только быстрота и внезапность.

Бросились мы в атаку без артиллерийской подготовки, без поддержки танков. Добежали до крайнего дома, немцы и выстрелить не успели. Кто-то швырнул в окно противотанковую гранату. Взрыв. Я вбежал в сени и вижу перед собой семерых немецких солдат. На мгновение и они и я растерялись. Но мой автомат застрекотал первым.

Все фашисты упали. Слышу, стреляют на чердаке. Я сорвал с пояса гранату, бросился на чердак, и тут меня по спине словно железной палкой ударили. Шестерых-то немцев я убил, а седьмого только тяжело ранил. Он меня и полоснул из автомата.

Рана, по мнению врачей, была смертельной.

После длительного лечения снова вернулся в строй. В общем, за войну получил пять ранений и две контузии, но довоевал до победы. Я как бы не только за себя воевал, но за всех товарищей, погибших на нашей «М-81».

Автор дневника подводник, старшина II статьи Павел Игнатьевич Волков. Снимок 1940 года.

Виктор Сергеевич Преображенский, бывший матрос подводной лодки «М-81».

Крымские ритмы

Сергей ОСТРОВОЙ

ПРИРОДА

Ничто дождя не предвещало.
Все на иной клонилось лад.
И туча землю не стращала.
И воздух был голубоват.

И только где-то на уступах
Парок стелился иногда,
Как будто там в горячих ступах
Толклась упрямая вода.

Все было тихо. Все спокойно.
Играли с пчелами цветы.
Но тяжело и дальнобойно
Ударил дождь из пустоты.

Из голубой. Неомраченной.
Не предвещающей беды.
Он шел, лучом пересеченный,
И звонко падал на сады.

И что-то пел проникновенно.
И обнимал их что есть сил.
И вдруг исчез. Исчез мгновенно.
Как будто и не приходил.

А на земле опять погода.
И хорошо следить в тиши,
Как мудро учится природа
У человеческой души!

* * *

Я здесь часто во сне летаю,
Разбегусь — и начну летать.
Видишь, лебеди сбились в стаю,
Чтобы с неба луну достать?

Я вожак их. Я птичий кормчий.
Мы летим на одной волне.
Я привел их на берег отчий,
И они благодарны мне.

Небо крыто лебяжьим пухом.
Тянет горьким дымком костра.
Шевелит волосатым ухом
Подо мной Аю-Даг, гора.

Я лечу. Я сейчас летаю
То в одном, то в другом краю.
Вместе с Африкой я светаю,
Вместе с Азией солнце пью.

Выси трепетны. Дали сини.
Солнце можно рукой достать.
Воздух, что ли, такой в России:
Так и тянет летать. Летать.

ОЧИ

Вот еще одной ночью меньше.
Тает темень. Скользит луна.
Много здесь проходило женщин,
А такая, как ты, одна.

А такая, как ты, такая
Входит в дом впереди лучей.
Занимает волна морская
Синеву у твоих очей.

Называю глаза очами.
Кругло-кругло. Как букву «о».
Солнце, встряхивая ключами,
Их на тысячу лет зажгло.

Будут очи твои светиться
Самым чистым земным огнем.
День летит, как большая птица,
Чтобы сесть под твоим окном.

Будь с ним доброй по крайней
мере.
Платье трепетное надень.
И за двери! И настежь двери!
Мы пришли к тебе — я и день.

БОРТПРОВОДНИЦА

Проводница... Какое слово!
Проводи меня в облака.
И на землю верни. И снова
Покачай над землей слегка.

Покажи мне единым разом
Разноликую пестроту.
Солнце, вставшее над Кавказом,
Тундру в белом ее цвету.

Расскажи про чужие страны
И про то, как в чужом порту
Иностранные капитаны
Славят русскую красоту.

Вот ты с трапа сошла, красавица.
Взяты косы тугим узлом.
И земля под тобой качается,
Как у лебедя под крылом.

А бывает и так:
с размаху
Настигает в пути гроза.
И седеет душа от страха.
И готовы кричать глаза.

И уж так под ногами зыбко.
Будто в зябкой стоишь воде.
Но спасительная улыбка
Не бросает тебя в беде.

Смертный холод бежит по коже.
Покачнулся слоистый свет.
Улыбнулась — и люди тоже
Улыбнулись тебе в ответ.

Это надо им. Очень надо.
Ты им очень сейчас нужна.
Недотрога-девчонка. Лада.
Голубой
высоты
княжна.

МОЯ ЛЮБОВЬ

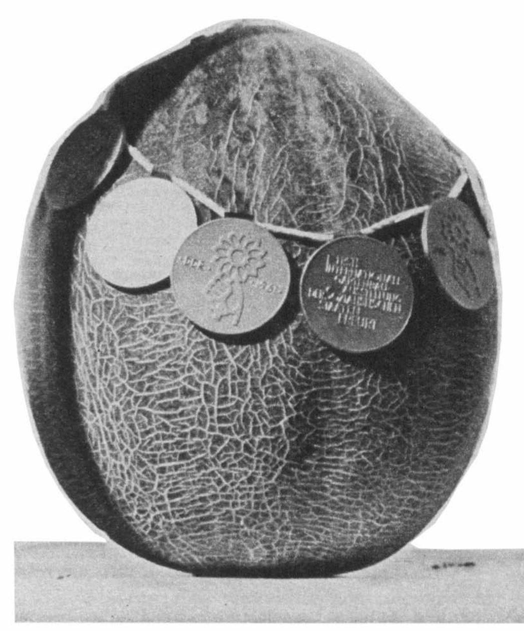
Мне синим морем выдан вид на жительство.
Я Крым люблю. Его цветной приют.
Люблю вершин высоких предводительство,
Орлов, хоть эти птицы не поют.

Люблю соцветий смены постепенные.
Курганы, как былины, по бокам.
Дороги здесь степные. И степенные.
По ним удобно двигаться векам.

Люблю ущелий профили точеные,
Гортанный клекот речек озорных,
Глаза крымчанок, солнцем золоченные,
И руки виноградарей степных.

Я Крым люблю. Его морское мужество.
Распахнутых просторов голоса.
Мой старый Крым, дай руку мне на дружество!
И пусть несут нас
песен паруса...

Дыня-медалистка.

Приятного аппетита!

Запах дынь. Они висят одна к одной в плетеных камышовых сетках, похожие на детские мячи, свежие и душистые. Десятки сортов, сотни плодов, оранжевых и зеленых, коричневых и желтых, гладких и шершавых, в затейливом узоре. Разрежьте любую из них, и сок, светлый и густой, брызнет из-под ножа, а в упругой холодной мякоти заиграют под солнцем влажные семена. Почти у каждого сорта, что выращивается на полях научного института овощеводства, бахчевых культур и картофеля, под Ташкентом, своя увлекательная история. Вот одна из них.

...На дороге воинов и купцов, что ведет из Хорезма в междуречье Тигра и Евфрата, конный дозор Тимура захватил большой караван. Караванбаши знал повадки великого воителя, а поэтому всю ночь молился своим богам. Чуть свет стражи бросили его под

А. К. Каримов.

КАВУН-САЙИЛИ

Это не футбольные мячи, а дыни!

копыта Тимурова коня. Караванбаши распростерся ниц и поднял голову.

— Старик,— спросил Тимур,— зачем везешь мои дыни в свой далекий Багдад? Или оскудели земли твоего повелителя?

Караванбаши отряхнул с бороды песок:

— Дыням твоих земель, властитель, на базарах Багдада нет равных...

Тимур хлестнул коня:

— Я дарю тебе жизнь, караванбаши. Пусть все знают, что дыни земли Тимура лучшие на всем земном круге!

Всадники давно исчезли за барханами, а караванбаши все стоял на коленях: ему не верилось, что смерть прошла стороной.

Точно не известно, какой сорт дынь вез в Багдад купец, но старый колхозник Сабир Хасанбаев, рассказавший нам эту легенду, утверждает, что именно его сорт.

— Отведайте моих «гуляби». Что может сравниться с их вкусом и запахом?

Испокон веков узбекский дехканин в своих легендах и песнях славил дыню. О давних предках теперешних «гуляби» рассказывают полуистлевшие куски папируса, керамические плитки с диковинными знаками, понятными лишь самым искушенным археологам...

Теперь невозможно восстановить имена народных селекционеров, прославивших узбекскую дыню на весь мир, но известны имена тех, кто собрал и восстановил затерявшиеся некогда сорта.

...В начале тридцатых годов по первым колхозным базарам от стола к столу ходил невысокий молодой человек. Он подолгу останавливался перед грудами дынь. Обстукивал их, взвешивал на руке, пробовал тоненькие ломтики плодов.

— Какой сорт, ата? — спрашивал он у продавца.

— Э-э, какой сорт...— махал рукой старик.— Разве теперь узнаешь? Выродилась, пропала наша дыня.

— А помнишь ли ты, старик, «койбаш», «кокчу», «давлетбай», «шакарпалак»?..

— Умерли, сын! Все умирает на свете, все. Целые племена и народы уходят с земли и не видят больше солнца. Ушли и наши дыни, совсем ушли, сынок!

В Ташкенте и Бухаре, Фергане и Андижане, Намангане и Термезе слышал молодой человек одну и ту же грустную повесть дехкан об умерших «племенах» дынь. Но он не падал духом. Сначала один, потом с группой энтузиастов, а потом и с целой экспедицией, от кишлака к кишлаку путешествовал молодой агроном Абдурахман Каримов по Узбекистану.

В Фергане на бахче старого дехканина найдена «хукуз-каля» («бычья голова») — оранжевая, яйцевидная дыня с толстой мякотью, сладкая и сочная. В Коканде — «парсыл-дак»: хрустящая, тонкокожая красавица. В Самарканде — «кора-канд» — «черный сахар». А в Хорезме — на родине дынь — собраны по горсточке семена сорока сортов.

— Как сибирские старатели золото, так и мы семена приносили в мешочках,— говорит заслуженный агроном республики Абдурахман Каримович Каримов.

Мы сидим с ним в прохладном просторном помещении. Трудно назвать кабинетом комнату, завешанную сухими плетями дынь, диаграммами, рисунками, сводками погоды. Абдурахман Каримович перечисляет сорт за сортом. И у каждого, оказывается, свои привычки, свой характер, свои капризы.

Вот, например, «ак-каун» («белая дыня»). Посади ее на сероземе — вкусная, сладкая вырастет, а перенеси на луговые почвы — и ничего не получится, уродится огурцом, и все. Помощники Каримова — Мария Николаевна Кулакова, Абдунаби Султанович Хакимов, Полина Николаевна Дудко. Много сил отдали они ремонту дынь,— возрождению лучших их сортов.

Мария Николаевна Кулакова, например, восстановила один из старейших сортов — «ташлаки». Сорт этот с виду неказистый, мелкий, огурец, да и только. Но самые придирчивые сластены, отведав дыню, скажут, что нет ничего ароматнее и вкуснее ее нежно-зеленой мякоти. И вот с мировой выставки дынь в Эрфурте (оказывается, ежегодно проводят и такие) вернулась «ташлаки» с золотой медалью чуть поменьше чайного блюдечка. В то же время пришло письмо от одного зарубежного дынелюба. Просил прислать семена лучшего сорта. Мария Николаевна послала, естественно, «ташлаки». И вот снова весточка от зарубежного селекционера. Выражает превеликую обиду: посеял, мол, дыню, а получил что-то вроде огурца. Но уже через месяц после сбора урожая пришло письмо, в котором не было конца благодарностям — «мал золотник, да дорог».

Дороги войны привели в Узбекистан японского селекционера Юкити Ямаду. Под Ташкент он прибыл с эшелоном пленных японских солдат. Возвращаясь домой, Ямаду захватил с собой горсточку семян самой вкусной дыни и высеял их в окрестностях Токио. Осенью урожай превзошел все его ожидания. Дыни уродились крупными и вкусными. Но в следующем году тайфун погубил бахчу. Юкити Ямаду написал в институт письмо и просил прислать семена «самой лучшей в мире дыни», снимок которой он прилагал. Вглядевшись в фотографию, научные сотрудники обрадовались: в руках у Юкити была золотая медалистка «гуляби».

...Кавун-сайили — праздник дынь. Он ежегодно устраивается в Узбекистане после сбора урожая. Как в древности, соревновались в песнях и острословии поэты, так ныне соревнуются в красоте и вкусе дынь селекционеры и агрономы.

Сейчас в крупнейших бахчевых хозяйствах Узбекистана создаются хранилища дынь, чтобы круглый год поставлять чудесные плоды в любой уголок нашей страны.

Юрий СБИТНЕВ,
соб. корр. «Огонька».

Игорь СКВОРЦОВ,
научный сотрудник
Института бахчевых культур
и картофеля.

Фото Г. КОПОСОВА.

Философия поиска

Анатолий ШВАРЦ

Радость и в науке живет рядом с печалью. Я не раз вспомнил эту истину, пока читал, беседовал, думал о лекарствах против рака. Никогда еще не приходилось мне слышать столько обнадеживающих и горьких слов, разноречивых мнений и прогнозов. Нигде не встречал я такого глубокого оптимизма и разочарования, столь смелых и осторожных идей. Казалось, тут каждый шаг отмечен сомнениями, оплачен миллионом терзаний...

Да, поиски противораковых средств — это действительно хождение по лабиринту. К счастью, уже не на ощупь — с открытыми глазами продвигаются ученые к цели и все-таки часто, увы, слишком часто попадают в тупик. Выход найдется, не может не найтись, но до чего же долог, мучителен этот путь!

Я хочу рассказать вам о нем, описать здесь мытарства ищущей мысли, провести вас ее петляющими ходами — словом, хочу, чтобы эти минуты вы прожили вместе с моими героями, оценили их труд.

Нет зрелища отрадней, чем гибель раковых клеток. Когда на темном экране одна за другой, словно в фильме с убийствами, никнут, растворяются эти зловещие тени, победа кажется совсем близкой. Но гаснет экран, а с ним и чересчур большая надежда. Самые волнующие, уникальные кадры этого фильма были сняты в стеклянной камере, где плавали больные клетки. Здесь шла первая прогонка, проба сил нового препарата. Не в человеческом теле, не в открытой схватке с опухолью, а на живом ее макете — нескольких изолированных клетках — одержал он столь важную победу.

В организме человека бой этот идет совсем по-иному, порой с большим перевесом на стороне бунтующей ткани. И потому не удивительно, что тысячи таких подающих надежды препаратов терпят от рака сокрушительное поражение уже во втором круге борьбы, когда дело доходит до испытаний на животных. Отсев так велик, что на последний этап — в клинику — проходят считанные единицы.

И тут начинается самое загадочное: вещество, спасающее от верной смерти мышей, свинок, кроликов, ничем не помогает больным. Целебное для животных, оно бесполезно людям. Бывает еще обидней: препарат намертво бьет человеческую опухоль, привитую какому-нибудь хомяку, губит ее семена, посеянные в курином зародыше, а самого человека оставляет на произвол судьбы.

Неумолимо сокращается список испробованных веществ. Но даже те немногие, что остаются в нем, доставляют врачам уйму хлопот.

По дороге из лаборатории в клинику лекарства буквально на глазах меняют назначение. Никогда нельзя предсказать их судьбу в теле человека, угадать, какой опухоли отдадут они предпочтение.

Тут что ни шаг — неожиданность. Один новый советский препарат в эксперименте с крысами наповал сразил клетки перевивной саркомы. Совсем немного времени понадобилось ему, чтобы лизировать, почти целиком растворить эту злейшую из опухолей. За столь славный подвиг врачи назвали его сарколизином. Но, видимо, поспешили: беспощадный к крысиной саркоме, препарат почему-то обходил стороной человеческую, помогал лишь при одной, редкой форме. Зато он внезапно ударил по другой опухоли — семиноме. И, что особенно обрадовало медиков, настигал ее клетки в самых укромных уголках тела, стал отличным ловцом странствующих зерен рака.

Сарколизину повезло: хоть и необычным путем он все-таки вошел в клинику. Однако лабораторные зверьки не раз еще сбивали ученых со следа, путали все их расчеты. Иной препарат, казалось, и вовсе не пригоден, даже мышь вылечить не смог, и вдруг из больницы весть: активен при лимфогранулематозе, смиряет взбесившиеся клетки лимфатических узлов.

Как же тут быть, на чем испытывать этот поток химических соединений, антибиотиков, гормонов, каким фильтром процеживать, чтобы среди тысяч мнимых лекарств не проглядеть истинно спасительное средство?

Нет такого фильтра да и вряд ли когда-нибудь сыщется. Ведь свинки, кролики, мыши настолько далеки от человека, так чужды ему биологически, что каждая находка, каждое лекарство, выловленное с их помощью, выглядит чудом, золотой рыбкой в неводе удачливого рыбака. Даже обезьянья опухоль не может служить надежным мерилом при отборе противораковых средств.

Да, путь из лаборатории в клинику хоть и выглядел прямым, оказался не самым коротким. Протоpенный бесчисленными экспериментами, он все-таки привел в тупик. Не думайте, что исследователи смирились с этим, останутся здесь навек. Они уже отыскали уйму обходных маневров, можно сказать, обшарили все закоулки и нашли несколько хитроумных ходов. Однако нечего скрывать: все эти имитации, лабораторные модели рака очень мало напоминают его истинный облик. Испытывать на них противоопухолевые препараты — все равно, что искать средство от тифа в надежде вылечить туберкулез.

Трудную, дьявольски запутанную задачу решают ученые. Но если бы ее одну...

Тут целый ворох неразгаданных тайн. В каждой раковой клетке, в любой ее детали притаилось столько вопросов и проблем, все они так тесно переплетены, что биологам приходится распутывать этот клубок с разных концов. И, естественно, подходы у них тоже неодинаковые.

Один дробит опухоль на части и, размельчив ее в прах, изучает белковую фабрику рака, старается проследить его молекулярную механику; другой нацелил на больную клетку электронный микроскоп, вглядываясь в ее нутро, ищет какие-то особые приметы, втайне надеется увидеть наконец опухолеродный вирус; третий посеял злокачественные зерна в чашку, хоть здесь хочет понять причуды их роста.

Много подступов к раковой клетке заняли ученые, можно сказать, обложили ее со всех сторон. А на уме одна дума: чем она отличается от обыкновенной, здоровой напарницы, что заставило ее взбунтоваться, выйти из-под контроля организма, стать его убийцей?

Теории, как лекарства: когда их много, трудно поверить и одной. Именно так и случилось с этой злосчастной болезнью. У нее множество объяснений и, может быть, потому ни единого радикально исцеляющего средства. Да и как найти, синтезировать его, если никто до сих пор не увидел особой химической разницы между больной и нормальной клеткой? Все их молекулярное хозяйство — белки, ферменты, нуклеиновые кислоты — словно сошло с одного конвейера, отштамповано по общему образцу. И в самом деле так: белковые фабрики во всех клетках тела — здоровых и опухолевых — устроены одинаково, выпускают очень схожую продукцию.

В этом роковом сходстве — корень зла, завязка острейшего жизненного конфликта. Организм точно слепнет: из одних и тех же резервов он черпает пластические материалы для воссоздания утраченных частей, обновления сработавшихся тканей и для постройки раковых клеток. Во всем равные, стандартные молекулы белка могут лечь в основу животворной ткани и оказаться во власти губительной опухоли.

Один источник питает жизнь и смерть.

Никогда еще природа не проявляла своего равнодушия с таким откровением, нигде не создавала столь зловещих, драматических коллизий.

Химическое родство больной и здоровой ткани — главная помеха лекарственной терапии рака. Хирургу и радиологу она доставляет немало хлопот, но больше всех думает об этой преграде химиотерапевт. Ведь не скальпелем, не точно отмеренной дозой радиоактивного луча должен он отделить, разрушить опухоль, а порошком, какой-нибудь пилюлей — словом, препаратом, способным в равной мере ударить и по здоровым, не чующим беды клеткам.

У лекарства, конечно, огромное преимущество перед ножом хирурга и даже перед кобальтовой пушкой радиолога: странствуя по всему организму, оно выискивает раковые засевы в любом закоулке, всепроникающие молекулы везде настигают врага. О таких беспромашных, словно бы намагниченных пулях врачи мечтали долгие годы. Но, дождавшись, взяв наконец это замечательное оружие в руки, очень скоро убедились, что оно не такое уж безопасное, часто бьет по своим. Каждый залп по противнику скашивал легионы здоровых клеток. Особенно страдали молодые, только что родившиеся шарики крови, костный мозг, селезенка — все кроветворные ткани.

Тяжелые жертвы нес организм, и без того истощенный болезнью. К счастью, медики теперь умеют быстро возмещать его потери, целиком восстанавливать запасы крови, пересаживать костный мозг. Но не всегда это возможно: ядовитые свойства препаратов порой во много раз превосходят их целебную силу. И потому сотни, тысячи испытанных соединений поныне остаются за порогом клиники.

Снова тупик? Да, похоже. Во всяком случае, химиотерапевты усиленно ищут выход из этого противоестественного положения. И часто вспоминают о своих победах над микробами.

В самом деле, почему химическая атака, столь успешная против бацилл, нанесла такой малый урон раковым клеткам, захлебнулась здесь в самом начале? Ведь метод, главный тактический прием химиотерапевтов ничуть не изменился: они по-прежнему ведут прицельный огонь по вредным, чуждым организму клеткам, стремятся угодить лишь в неприятеля. Отчего же так скромен результат этих стрельбищ?

Мишень подвела. Раковая клетка не микроб, она маскируется в теле куда успешнее разных вибрионов и спирохет. Как бы ни была чужда, опасна для организма злокачественная опухоль, эта ткань-предательница — все-таки плоть от его плоти. Рожденная телом, она несет все его биологические признаки.

Раковая и здоровая клетки почти близнецы. И потому препарат часто упускает тонкую, едва уловимую разницу между ними, бьет чохом и врагов и друзей. А медик не может, не смеет остановить его, пока в теле осталось хоть одно зернышко, микроскопическая крупица рака. Ибо даже малую толику этой великой чистки нельзя доверить организму: защитные силы его, успешно добивающие микробов, на сей раз срабатыва-

ют очень редко и не в полную мощь.

Нет, раковые клетки решительно ничем не похожи на бацилл, схватку с этими оборотнями нечего и уподоблять противомикробной битве. Но если уж искать сходство, то скорее всего среди вирусов. Тут и впрямь много общего, вплоть до того, что некоторые исследователи считают рак вирусной болезнью.

Догадка эта очень близка к истине, во всяком случае, ее не раз уж подтверждали сами вирусы, выделенные из опухолей подопытных животных. И хоть у людей пока ничего подобного не обнаружено, подозрение остается в силе. Скажу больше: недавно в обезьяньих почках был найден опухолеродный вирус, способный причинить вред клеткам человеческого тела. Если это так, кто может поручиться, что люди застрахованы от набегов этих незаразных, но чрезвычайно энергичных невидимок?

Вирусная теория, может быть, успешнее других разоблачает сейчас рак, раскрывает его молекулярные механизмы. Но вот парадокс: объясняя загадки опухолевого роста, прослеживая тончайшие изменения внутри больных клеток, она еще более усложняет задачу химиотерапевтов. Теперь им нужно найти особое лекарство: проникнув к вирусу, убив его, оно должно пощадить при этом саму клетку.

Жесткое, почти невыполнимое условие, по крайней мере сегодня никто не нашел даже приблизительного решения этой задачи. Ведь вирус живет в клетке на полном обеспечении, широко пользуется ее энергией, ферментами, белками — хозяйничает, как у себя дома. И все потому, что умеет быстро приноравливаться, подгонять свои нужды к особенностям клеточной кухни. Этот приспособленец так ловко маскируется, что даже собственные химические процессы строит наподобие приютившей его клетки.

Лекарство как раз и должно нарушить эти интимные процессы, повредить молекулу вируса в момент постройки. Однако, нацеленное в непрошеного гостя, оно попутно ломает хозяйское имущество, крушит белковую фабрику клетки — в общем, оказывает ей медвежью услугу.

Да, вирусы могут жить спокойно: пока они в клетке, им ничто не угрожает. Но если ученые найдут когда-нибудь сильный противораковый препарат, он, возможно, окажется хорошим лекарством от многих вирусных болезней. Ибо средство, способное проникнуть в клетку, поразить здесь заданную цель, будет с равным успехом бить опухолеродные и любые другие вирусы.

Весь вопрос: как найти, сделать такой сверхметкий препарат, да и возможно ли это вообще? Есть ли надежда, подобрать соединение, разящее только заданную мишень?

Погоня за вирусом — занятие мудреное, некоторые даже говорят, что бесплодное: мол, нет у него собственной химической лаборатории, своих ферментов, энергетических ресурсов, значит, и портить, ломать тут нечего. Неуязвим он, и все тут. Однако биохимики смотрят на это иначе: они заняты молекулярной техникой вируса, изучают его строительные приемы, так сказать, технологию самообновления. И если им удастся выяснить ее, — невидимка в наших руках, химиотерапевты сумеют внести разлад в его рабочие механизмы, не дадут ему достроить свой корпус, разрушат вирусную молекулу. Но то будет, а рак не ждет, уносит тысячи человеческих жизней. Больному нужно лекарство сию минуту...

Никто лучше медиков не знает, как дорог здесь каждый час, во что обходится иногда каждый упущенный день. И пока лучшее, наверняка исцеляющее лекарство где-то в пути, они стремятся осилить непокорную ткань просто хорошими противораковыми препаратами — таких, к счастью, уже несколько десятков. Все они энергично вмешиваются в жизнь больной клетки, атакуют ее конвейеры — останавливают выпуск белка, что шел на подкорм лютующей ткани.

Допан, эмбихин, сарколизин — в присутствии этих веществ агрессивные клетки ведут себя гораздо скромнее, их натиск слабеет, затихает быстро и порой навсегда. Рак белой крови, лимфатических желез, некоторые другие опухоли смиряются, отступают перед новыми препаратами. Но у каждого из них очень ограниченные возможности, как говорят химиотерапевты, узкий спектр: лекарство одолевает только своего врага — одну-две разновидности рака. А их более ста. И всем нужно подобрать узду — химическую, биологическую, какую угодно, лишь бы сдержала, отбросила назад обезумевшую ткань.

Уже двадцать лет идет этот поиск, двадцать лет ученые синтезируют всевозможные соединения, сочиняют самые невероятные лекарства, ищут средство от рака среди гормонов и антибиотиков, в листьях трав и цветов, неожиданно находят в соке какой-то гигантской поганки — чего только не перепробовали они за эти годы, к каким не прибегали уловкам! Не сдается бунтующая клетка, требует от исследователей еще больших усилий, изобретательности. Дело дошло до того, что биохимики решили заслать в нее специальных разведчиков — аминокислоты, в которые загодя были введены радиоактивные атомы. И по сигналам этих меченых кирпичиков судили, как больная клетка строит свой дом, какие аминокислоты нужны ей больше всего. Когда стали известны самые ходкие, незаменимые стройматериалы, ученые подменили их очень похожими, но бракованными деталями, искусственно вызвали в опухоли нехватку сырья. И круто затормозили ее рост.

Так были найдены препараты, помогающие при раке легких, печени, некоторых других внутренних органов.

Но путь этот не лучший путь. В конце концов опухолевые клетки улавливают подмену и, как бы догадавшись, в чем дело, на ходу применяются к новым условиям, собирают свои белки из других аминокислот, быть может, даже из обрывков целебного препарата. Приходится его отменить: не подкармливать же этих оборотней лекарством!

Опять преграда, снова раздумья, опыты, поиски. Однажды медики вспомнили о бациллах, ведь те тоже быстро привыкают к одному препарату, но если их бьют одновременно двумя, еще лучше тремя, гибнут все до единой. Применили эту тактику тройного удара к раковым клеткам и вскоре убедились: помогает! Не всегда могут они свыкнуться сразу с несколькими лекарствами.

Беда только, что костный мозг сильно страдал от очень большой дозы ядовитых веществ. Однако выход нашелся: врачи теперь заранее добывают у больного кроветворные клетки, как бы берут их взаймы, тщательно сохранив, возвращают ему после лечения.

Три лекарства как три артиллерийских залпа. Последний должен добить больную клетку. Но нет, даже из такой переделки она порой выходит невредимой. Медики быстро поняли: препараты очень схожи, ломают одни и те же детали белкового конвейера. Освоившись с одним, клетка легко переносит и остальные. Раз так, пришлось пойти на тактическую хитрость: ударить разными лекарствами. Одно портило белковый конвейер, другое отбирало у клетки сырье, третье сцеплялось с ее ферментами — словом, решили связать эту бунтарку по рукам и ногам.

Жаль только, мало припасено на нее химических пут, невелик еще у врача выбор таких боевых средств. И все-таки есть надежда сковать молекулярные механизмы рака, поразить его в самое сердце.

Вот уже совсем недавно медики задумали еще один неожиданный ход. Раковая клетка вдруг стала предметом их забот, самого внимательного ухода. Ученые всеми способами поощряли ее рост, подгоняли обменные процессы — в общем, были крайне заинтересованы в размножении смертоносной ткани. И все для того, чтобы затем крепче, больнее ударить по ней: молодые, растущие клетки опухоли, оказывается, очень чувствительны к противораковому лекарству. Чем быстрее они размножаются, тем легче уязвить их, уничтожить всю опухоль.

Что же, если рак нужно слегка расшевелить, за этим дело не станет, ученые найдут для этого подходящие стимуляторы. Беда лишь в том, что здоровая ткань может последовать его примеру, станет тоже усиленно размножаться, помолодеет и, естественно, попадет под огонь целебного препарата.

Смелый, слишком даже рискованный замысел. Никто, конечно, не согласится поставить под угрозу весь организм, спасать жизнь, быть может, ценою самой жизни. Но идея остается в силе и, надо думать, еще поработает на медиков. Особенно когда они научатся наносить опухоли безошибочные удары, направлять противораковый препарат прямо к цели.

Это ведь тоже не домысел и не вымысел: ученые давно пытаются создать лекарства сверхточного назначения, хотят соединить в одной молекуле боевой заряд и средство его доставки. Такая молекула беспромашной ракетой настигнет больную клетку и, накрепко сцепившись с ней, взорвет, уничтожит ее на месте.

Так где же они, эти долгожданные препараты?

Не скрою: пока лишь в лабораториях, проходят тут пристрелку на мышах и крысах. Трудностей и здесь еще хватает: ведь соединить два вещества — дело несложное, куда тяжелее сохранить их свойства, сделать этот химический гибрид полноценной лекарственной молекулой. Ибо даже малейшее изменение структуры целебного вещества порой делает его абсолютно бесполезным. А тут химики скрещивают две совершенно разные молекулы. И хотят, чтобы обе остались при своих главных свойствах. Затея не из тех, что сулят легкий успех даже искусным экспериментаторам.

Недавно я видел, как ловко они использовали ядро пенициллиновой молекулы. Прицепив к нему сильное противораковое вещество — хлорбутин, ученые получили отменный гибрид. Пенициллиновое ядро, всегда тяготеющее к живой ткани, служило здесь чем-то вроде крючка, видимо, прикрепляло препарат к раковой клетке, а хлорбутин, по идее, должен был разрушить ее, проявить целебные свойства.

Он и проявил, но как! Ударил по крысиной опухоли куда слабее обычного, можно сказать, погладил ее, и лишь когда исследователи повысили дозу во много раз, подавил злокачественный рост.

Однако почему хлорбутин? Существует еще много противораковых средств, а пенициллиновое ядро по природе своей очень контактно, легко вступает в соединение с разными веществами. К нему можно привесить сарколизин, какой-нибудь противораковый антибиотик, вытяжку из растения — словом, ученые будут скрещивать молекулы до тех пор, пока не сделают наконец задуманное лекарство. А если ядро пенициллина окажется для этой цели непригодным, заменят его другим крючком: антибиотик тетрациклин, например, тоже питает особое пристрастие к некоторым тканям, не худо бы и его испытать в качестве носителя целебных препаратов... И, разумеется, лучшим, надежнейшим средством доставки лечебного препарата будет вещество, нужное самим раковым клеткам, скажем, какая-нибудь аминокислота, которую они поглощают, чтобы тут же использовать на сборке собственных белков. Такой отравленный, загодя соединенный с химиопрепаратом продукт станет для больных клеток чем-то вроде приманки. Жадно заглатывая его, они наверняка получат смертельную дозу яда.

Как видите, ученый не всегда стремится лишить опухоль стройматериалов, отобрать у нее ходовые кирпичики, наоборот, иной раз он сам готов доставить ей какую угодно аминокислоту, удовлетворить любую прихоть — только бы приняла лекарство! И принимает: препарат фтор-урацил, единственный в своем роде защитник от рака кишечника, задуман именно как лекарство-двойник, он несет мятежным клеткам и пищу насущную и отраву.

Говорят, в хорошей больнице стены лечат. Верно, лечат, особенно когда здесь работают хорошие врачи и есть такие же хорошие лекарства. К раку это правило имеет прямое отношение. Цепкий, сильный враг, он до сих пор не уступил объединенному натиску хирургов и радиологов, даже химическая атака идет тут пока с переменным успехом. Рак словно под особой охраной природы. Уж слишком много тупиков и ловушек расставила она исследователям. И все-таки они всегда в пути: если у них успех,— идут вперед, нет успеха — идут вперед.

Такова философия поиска.

Бунин и Куприн

Знакомство, а затем и близкая писательская дружба Бунина и Куприна продолжались около сорока лет. Бунин заметил Куприна после появления в столичном журнале «Русское богатство» первых его рассказов: «Впотьмах», «Лунной ночью», «Дознание». Это было в 1893—1894 годах, в самом начале литературного пути каждого. Личное знакомство состоялось несколько позже, во второй половине девяностых годов. Познакомились они под Одессой, на даче Карышевых, где Бунин гостил у своего друга писателя А. М. Федорова.

«Мы сбежали к морю,— вспоминал потом Бунин,— и увидали неловко вылезающего из воды невысокого, слегка полного и розового телом человека лет тридцати, стриженного каштановым ежиком, близоруко разглядывающего нас узкими глазами.— «Куприн?» — «Да, а вы?» — Мы назвали себя, и он сразу просиял дружеской улыбкой, энергично пожал наши руки своей небольшой и сильной рукой (про которую Чехов сказал мне однажды: «Талантливая рука!»). После знакомства мы сошлись с ним удивительно быстро...»

Местом частых встреч Бунина и Куприна в первые годы знакомства была Одесса, потом гостеприимный дом Чехова в Ялте. Встречались они и в московском доме Н. Д. Телешова на собраниях известного литературного кружка «Среда».

В начале девятисотых годов Бунин и Куприн — активные участники горьковских сборников «Знание». После смерти Чехова Горький писал Бунину: «Мне страшно понравился Куприн,— на похоронах это был единственный человек, который молча чувствовал горе и боль потери. В его чувстве было целомудрие искренности. Славная душа!»

Получив от Бунина рукопись его воспоминаний о Чехове, Горький в письме из Петербурга дал им самую лестную оценку, а затем добавил: «...теперь — читает Куприн, он сидит рядом со мной, хвалит Вас и радуется, что его воспоминания совпадают с Вашими».

С появлением «Поединка», напечатанного в очередном сборнике «Знания» в самый разгар событий революции 1905 года, имя Куприна становится известным всей читающей России.

В последующие годы общественной и литературной реакции Куприн (в отличие от Бунина) расходится с Горьким, порывает с издательством «Знание». В жизни Куприна начинается тяжкая полоса. Разлагающее влияние литературной богемы отрицательно сказывается на его творчестве и на всей его жизни, хотя талант его еще полон сил, разнообразные замыслы ждут своего исполнения. К этому-то времени и относятся два неопубликованных письма Бунина к Куприну, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Вот первое из этих писем.

«15 янв. (19)09
Измалково, Орловск(ой) (губ.)

Дорогой, милый друг, крепко целую тебя за письмо! Я тебя любил, люблю и буду любить — даже если бы тысяча черных кошек пронеслась между нами. Ты неразделим со своим талантом, а талант твой доставил мне много радостей.

Прости за короткое письмо и меня. И я вдоволь наслушался морского прибоя! Голова и сейчас шумна и велика, как у пьяного Лукомора, от насморка.

Где живешь — не пойму. В деревне? В Гатчине? — Не будешь ли в Москве? Я там буду в начале февраля.

Еще раз — спасибо, обнимаю тебя, дорогой, кланяюсь Е(лизавете) М(орицевне).

Твой И. Бунин».

Бунин не зря полюбопытствовал, где же находится Куприн в настоящее время. Адрес его постоянно менялся. Конец 1908 года он провел в имении Даниловском, принадлежавшем его близкому приятелю, литератору Федору Дмитриевичу Батюшкову. Затем переехал в Гатчину, где продолжал интенсивную работу над повестью «Яма». В феврале 1909 года вместе со своей второй женой Елизаветой Морицевной (урожд. Гейнрих) Куприн приехал в Житомир, намереваясь поселиться здесь постоянно. Из Житомира он ответил на полученное письмо, но ответ уже не застал Бунина, отправившегося в большое заграничное путешествие. На письмо Куприна Бунин ответил лишь через несколько месяцев.

«Измалково, Орловск(ой) губ.

Дорогой и милый Ричард, я не только не жалею, что ты «оттягал» у меня полтысячи, но радуюсь этому,— радуюсь (и, ей-богу, не из честолюбия!) тому, что судьба связала мое имя с твоим. Поздравляю и целую от всей души! Будь здоров, расти велик — и загребай как можно больше денег, чтобы я мог поскорее войти в дом друга моего, полный как чаша на пиру Соломона (одно слегка дивит меня: почему на Житомир пал выбор его?)

Затем — горячо прошу выкинуть из сердца гнев против меня,— гнев за нелепо поздний ответ: клянусь и честью, и гербом (турухан на синем поле) — только вчера возвратился в деревню, только вчера получил твое письмо! Еще в феврале уехали мы за границу, жили на Капри, ездили по Италии, по Сицилии и только недавно прибыли в Москву (плыли целых полмесяца по морям — на Крит, Афины, Салоники, Константинополь). А в Москве задержались потому, что шли у меня переговоры с одним богатейшим человеком, который втравливает меня в огромнейшее книгоиздание. Возьмусь ли,— еще не знаю: боюсь завязнуть в хлопотах, боюсь, что не сумею сочетать работ с поэзией. Подумаю. И, если не надумаю, основательно засяду за работу. А ты как? Пожалуйста, напиши мне,— напиши, как живешь, творишь, продолжаешь ли «Яму», принадлежит ли 2-я часть Белому? (в Москве только и толку, что о «Яме») — и что за город Житомир? Да поскорее, дорогой, а то беспокоюсь, что сердишься. Передай наш низкий поклон Елизавете Морицевне, передай Федору Дмитриевичу мою благодарность, что он стоял за меня.

Твой душой Ив. Бунин.
22 мая 1909 г.».

Это письмо Бунина требует некоторых дополнительных пояснений. «Полтысячи», которые «оттягал» у него Куприн, падают, вероятнее всего, на гонорар по первому сборнику «Земля», в котором появились и повесть Куприна «Суламифь» и путевые очерки Бунина «Тень птицы», а также его стихи. Повесть Куприна вышла с посвящением Ивану Алексеевичу Бунину, и это дало ему повод выразить свою искреннюю радость, что «судьба связала» их имена. Переговоры с «богатейшим человеком», о котором упоминает Бунин,— это, несомненно, переговоры с И. Д. Сытиным, состоявшиеся весной 1909 года. Сытин собирался «освежить» свою фирму и с этой целью стремился привлечь Бунина к редактированию своих изданий.

Через много лет в своих воспоминаниях о Куприне Бунин заметил:

«Странно вообще шла наша дружба в течение целых десятилетий: то бывал он со мной нежен, любовно называл Ричардом, Альбертом, Васей, то вдруг озлоблялся, даже трезвый: «Ненавижу, как ты пишешь, у меня от твоей изобразительности в глазах рябит. Одно ценю, ты пишешь отличным языком, а кроме того, отлично верхом ездишь».

Как видим, ласковым именем «Ричард» Бунин и Куприн называли друг друга взаимно. Вот почему этим неожиданным обращением начинается дружеское бунинское письмо...

Публикация А. НИНОВА.

С самого утра мужчины облачились в черкески. Расхаживали по комнатам такие нарядные, по-праздничному торжественные и немногословные. Женщины тоже приоделись, хотя и стряпали на кухне завтрак.

Стол был накрыт на низком, украшенном каштановой решеткой крыльце. Зеленый ковер двора, казалось, специально был вымыт и постлан, чтобы красоваться ему под ногами молодоженов, которых в семье Айба ждали из города.

Старик Хазарат — семейный Мафусаил — присматривался к столу, критически оценивая каждое место.

— Тараш,— сказал он сыну,— мне кажется, что невестку нашу следует усадить лицом ко двору — больше будет простора для глаз. А твоего Алыксу — куда-нибудь подальше от нее. Хотя бы к тому концу стола.

Сосед Мыстаф внимательно взвешивал эти слова. Между тем Тараш выставил контрдоводы, впрочем, в очень мягкой форме. Он сказал:

— Не будет ли ей солнце глаза резать? Может быть, приятнее табачного цвета стена, против которой мы усадим невестку?

Хазарату, как старшему, не к лицу было строптиво отстаивать свое. Поэтому он дал возможность обсудить это предложение более обстоятельно.

Мыстаф подошел к делу с несколько неожиданной стороны.

— Видите ли,— заметил он неторопливо,— при решении этого дела надо исходить из целого ряда соображений. Не забывайте легко ранимую женскую стыдливость. Невестка в первый раз увидит вас по-настоящему в семейном кругу. Алыкса хотя и молод, но жизнь городская, вероятно, научила его мудрости. Поэтому и он может чувствовать не-

ловкость: ведь предстоит завтрак с родителями в присутствии жены! Лично я подобного испытания не выдержал бы. Имейте к нему жалость, не испытывайте слишком его нервы.

Ни Хазарат, ни Тараш не сделали определенных выводов из коротенькой речи соседа.

— Да, да,— проговорил Хазарат, приминая пальцем табак в глиняной трубке.— Разумеется, разумеется...

— Я думаю,— продолжал Мыстаф,— что, справедливо отдаляя молодоженов друг от друга, мы должны позаботиться, чтобы с ними рядом оказались их друзья. Исходите именно из этого. Сколько прибудет друзей?

Хазарат переглянулся с сыном: они не знали, сколько.

— Их будет, вероятно, человек шесть,— предположил Тараш.— Не меньше. Не поедет же она в одной машине с мужем?! Как-никак и она и он абхазцы. Обычай есть обычай! Он едет с друзьями, она — с подругами. Весьма возможно, что машины покажутся у ворот в разное время.

— Это все так,— вздохнул Мыстаф,— но город есть город. Там люди немножко другие.

Хазарат почел себя обиженным: зачем возводить напраслину на абхазцев-горожан? Его внук Алексей Айба, он же Алыкса, даже на Луне останется абхазцем и никогда не нарушит старинных обычаев.

— Ты думаешь?— спросил Мыстаф, улыбаясь, точно бес.

— Думаю.

— Это хорошо.

— Что хорошо?

— Что ты думаешь именно так.

Тараш сказал:

— Давайте в голове стола посадим Алыксу, а напротив него — невестку нашу.

Хазарат нахмурился:

— Кстати, как зовут ее?

— Нелли.

— Как?

— Нел-ли!

Хазарат не стал повторять это имя — очень странное, непривычное. И где его откопали? Только в городе может прийти в голову нечто подобное — назвать дочку Нелли! Он сказал:

— Если она постесняется сесть за один стол с мужем, не надо ее неволить. Пусть все будет по обычаю.

— Мы ее можем накормить отдельно,— сказал Тараш.— Это даже лучше. Вся деревня оценит воспитанность молодой.

Мыстаф держался несколько иного мнения: ежели она захочет отдельно, постесняется общего стола, ей все-таки следует предложить позавтракать вместе со всеми. Это долг хозяев.

Бабушка Селма, только что подошедшая, мигом согласилась с Мыстафом:

— Нет, она будет завтракать со всеми.

Она была настроена воинственно. Она заявила, что молодая невестка достаточно благородна, чтобы, не нарушая обычая, вести себя вполне достойно. В противном случае Селма тоже уйдет на кухню.

Старый дед не ожидал от нее такой прыти.

— Здравствуй, папочка! — крикнул он нараспев.— Здравствуй, дедуля! А, Мыстаф, привет тебе из прекрасной Аквы!

Тараш удивился.

— Это ты? — спросил он.

— Да, я. А это Нелли! — Молодой человек грубовато подтолкнул свою жену, и та мило поздоровалась со свекром.

В доме все мигом пришло в движение, словно на птичьем дворе, взбудораженном появлением лисы. Нелли переходила от одного члена семьи к другому. Мужчины почтительно целовали ее в плечо, а женщины — в щеку.

Хазарат хмуро косился на гостей из столицы. Он не проронил ни слова, но острая укоризна притаилась в его глазах и под густыми бровями. Нет, эти синие штаны и оболваненная голова не предвещали ничего доброго. Так же, как свист и щелканье дятла...

— Где же ваши друзья? — спросил сына Тараш.

— Едут! — весело ответил сын.—Мы с Нелли выкупались в реке, а они уехали к морю.

При слове «Нелли» стариков передернуло. Абхазец называет свою жену по имени—боже, что же это стряслось?! Неужели совесть окончательно потеряна там, в прекрасной Акве?!

Хазарату неприятно было смотреть Мыстафу в глаза. А тот словно бы радовался крушению исконных абхазских обычаев. Только непонятно, чему радоваться? Какая в этом польза для Мыстафа? Впрочем, Мыстаф всегда отличался некоторой странностью: его терпимость ко всякого рода нарушениям горской этики, выкованной тысячелетиями, наводила на грустные размышления. «У него всегда был ветер в голове,— подумал Хазарат.— Так и остался ветер до старости лет...»

А Мыстаф сказал:

— Вот здесь больше солнца!

— Нет,— сказал Алексей,— не отпущу ее от себя!

Отец покраснел за него, а дед чуть не умер на месте. Все это казалось ему бесовским наваждением, дурным сном. Однако бесы в образе сухумцев возвращали его к жестокой действительности. Было два выхода: встать из-за стола и уйти, спровоцировав тем самым скандал в семье, или сделать вид, что ничего за столом не происходит. А этот старый хрыч Мыстаф говорил молодым людям:

— Вы, дети мои, должны чувствовать себя, как дома. Это дом нашего Алыкса, дом его отца Тараша, его деда Хазарата. Мы никого не будем неволить: кому — солнце, кому — тень, кому — чача, кому — вино. И не будет у нас излишеств: не можешь — не пей. Вливать вино насильно не будем!

— Позволь,— забеспокоился Тараш,— все-таки стол есть стол. Наше абхазское застолье имеет свои правила...

— Это верно,— иронически согласился Хазарат.— Поэтому я и подымаю первый бокал за толумбаша. Полагаю, что замечательным толумбашем нынче будет Мыстаф. Он будет, я полагаю, вполне достоин наших гостей.

Старик вложил в свою интонацию такой

рапеза

Рисунок Ю. Черепанова.

Он полностью игнорировал мнение жены. «Какая муха ее укусила?»— подумал про себя старик. И он решил:

— Женщины уйдут на кухню. За столом останутся только мужчины.

— Это мудро,— произнес Мыстаф, но его глаза говорили обратное.

В это время с заднего двора донесся резкий свист. А потом что-то защелкало, будто дятел дерево долбил. Собаки бросились туда с лаем. Индюки закулдыкали. Задрав хвост, выскочил на середину двора испуганный буйволенок. Заволновались куры, петух насторожился.

Резкий свист повторился, снова дятел застучал по крепкому стволу.

— Что там происходит? — спросил Хазарат.

Тараш заторопился на задворок. Но не успел он сойти с крыльца, как из-за кухни — низенькой постройки с плетеными стенами — показалась молодая женщина. Впрочем, это мы с вами, наверное, догадались бы, что это женщина, притом молодая. Современная Европа проникла и на абхазское побережье, подстригая женщин по-мужски и одевая их в штаны похлестче мужских. В следующее мгновение ее настиг молодой человек в черных очках. Обхватив ее за талию и насвистывая «Белую кофточку»— популярную песенку сухумских ресторанов, вперевалку направился прямо к крыльцу.

— Молодым виднее, что и как!

Хазарат не мог оставить без внимания этот неверный, с его точки зрения, философский посыл.

— А старикам и подавно,— проворчал он, не глядя на Мыстафа.

И уселся на скамью обиженный, дымя трубкой. Он притворился, что ничего не замечает. На самом деле он внимательно следил за молодыми людьми, оценивая каждое их слово и движение.

Вскоре во двор вкатили две автомашины, и полуголые парни и девицы высыпали на зеленую траву. Правда, полуголыми их можно было назвать с большой натяжкой. Однако короткие рукава и голые шеи давали старому горцу все основания для самых суровых определений...

— Ребята,— крикнул Алексей,—рассаживайтесь по местам! Вы не маленькие, и сосок у нас нет!

Этого оказалось достаточно, чтобы гости бросились к столу и заняли свои места кто где попало! Старый Хазарат так и не смог обосновать, где и почему должна сидеть невестка, а где Алексей и остальные гости.

— Я буду загорать вот здесь! — взвизгнула Нелли, подставляя лицо жаркому солнцу.

Селма была поражена: зачем же загорать? Разве не лучше белое, как снег, лицо? А Мыстаф, как назло, посоветовал:

смысл, что, боюсь, не был понят сухумскими птенцами.

Гости зашумели: они одобрили кандидатуру толумбаша и опрокинули по первой рюмке, которую Алексей назвал «рюмашечкой». Нелли захлопала от удовольствия в ладоши. Ее сухопарые подруги тоже обрадовались, а вот чему, понять было нелегко.

Парни вели себя сдержаннее, и это несколько ободрило Хазарата, настроение которого безнадежно испортилось. Но Мыстаф своим новым тостом доконал его окончательно. Этот ветреник поднял бокал за девиц, сидящих за столом. Хозяйке это понравилось.

— Давайте за девушек,— поддержала Селма.— Довольно пить только за мужчин!

Хазарат приставил ладонь ко лбу, чтобы убедиться, действительно ли это говорила Селма. Да, это она! Старик не притронулся к своему бокалу. И, представьте себе, никто не сказал ему: пей! Он уставился взглядом на середину стола, где красовался отваренный козленок, обложенный зеленью, и думал свою думу. Нынче она была мрачной. Да и не могла быть иной. При создавшемся положении ясно обозначались два выхода: встать и уйти или сделать вид, что вообще ничего не случилось...

На решение этой головоломки ушел почти весь день.

Пока продолжалась трапеза.

А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Во все времена года

Мои киевские друзья не один раз упрекали меня: «Почему приезжаешь в Киев зимой, поздней осенью или ранней весной? Киев особенно прекрасен летом. Оценить по-настоящему его песчаные пляжи, приднепровские рощи можно только летом». Друзья были правы, но не совсем. Киев действительно прекрасен летом, но он чудесен и в остальные времена года. Но есть в летнем Киеве особо притягательная сила: зелень! Какое-то удивительное спокойствие испытываешь, когда окажешься на высоком берегу Днепра. Кажется, плывешь по зеленому морю, кроны деревьев, что под тобой, словно гребни высоких волн. А внизу широкое голубое полотно Днепра. А над всем этим — щедрое украинское солнышко. Хорошо! Вот так стоял бы долго-долго и смотрел. Но, стоя на одном месте, многого не увидишь, вот и ходишь, ходишь по киевским улицам и паркам, и все не хочется расставаться с ними.

Не знаю, известно ли всем киевлянам, что еще в очень далекие времена первые поселенцы этого города на Днепре занимались садоводством? Может, по этому древнему почину, а может, по сердечному велению, но из века в век множились зеленые бастионы Киева, находясь под бдительной охраной и фанатическим уходом многих поколений киевлян. Как грустно бывает смотреть на города, где к зелени относятся пренебрежительно. Как обкрадены бывают жители таких городов, лишая себя не только благодатной тени и океана кислорода, но лишая также и детей своих того, что мы называем эстетическим воспитанием,— любования природой. Один партийный работник рассказывал мне как-то о своей поездке в новый поселок на целине. Люди там обжились, построили стадион, но ни одного деревца нигде не было посажено. Директор совхоза на вопрос, почему нет посадок, не моргнув глазом, ответил:

— Не растет.

— А вы пробовали сажать?

— Не пробовали.

— А как же так говорите?

— Соседи говорят...

— Но у соседей-то растет?

— А у нас, говорят, не растет.

— А вы пробовали?

Дальше все продолжалось в духе старой сказки про белого бычка. К чести руководителей совхоза можно сказать, что они все же попробовали посадить деревья, и они отличнейшим образом принялись. Уже через несколько лет зашумели на степном ветерке зеленые молодые листочки. Оказывается, растет.

Любуясь киевскими парками, невольно вспоминаешь и другие города, которые выглядят, как сады. Тенистые улицы Ташкента и Алма-Аты не могут исчезнуть из памяти. Несколько лет тому назад во время декады русской литературы в Киргизии мы восхищались зеленым городом Фрунзе. И не только Фрунзе. Оказавшись в Пржевальске, мы были буквально потрясены тополями-гигантами; в жаркий осенний день, казалось, они прикрыли весь город от солнца своими могучими кронами. Работник горисполкома, показывавший нам памятник великому путешественнику Пржевальскому и мемориальную доску в честь пребывания в этом городе Юлиуса Фучика, на тополя не обращал внимания. Они были для него обычным городским пейзажем. Но мы, восхищенные этими зелеными богатырями, шутя спросили:

— А сколько таких деревьев в городе?

И получили ответ:

— Не учтены. Займемся этим вопросом.

Работник был молодой, и мы постарались сгладить нашу дружескую шутку искренней похвалой в адрес тех, кто, учитывая или не учитывая тополя, многие десятилетия отдавал столько сил этому зеленому богатству.

В июне этого года, приехав в Киев на празднование шестидесятилетия Александра Евдокимовича Корнейчука, мы отправились смотреть киевский Ботанический сад. Весна была поздняя, розы еще не цвели, но уже буйно цвела сирень разных сортов и оттенков. Густые кисти ее тяжело покачивались на ветру. Ботанический сад, поднятый над Днепром, выглядел, словно капитанский мостик большого корабля, плывущего по киевскому зеленому морю,— столько было зеленых массивов перед нами! А здесь, в Ботаническом саду, как, впрочем, на всех бульварах и в парках города, шла усиленная подготовка к экзаменам и зачетным сессиям. Школьники-старшеклассники и студенты сидели под сенью деревьев, склонившись над учебниками и конспектами, изредка откладывая их в сторону, и мученически закатывали глаза. И подумалось: сколько в этом городе зеленых учебных аудиторий! Какое раздолье тут для молодежи!

Находясь в Киеве летом, как не побывать на Трухановом острове!.. Всё здесь к услугам киевлян — и песчаный пляж, и река, и высокие деревья, щедро отдающие свою живительную тень тысячам людей, приехавшим отдохнуть к Днепру. Мне рассказывали о том, что понадобилось не так уж много лет, чтобы преобразить пустынные берега, сделать их, что называется, подлинно райскими уголками Киева. Помнится, в родном моем Ростове в конце двадцатых и в начале тридцатых годов мы, комсомольцы, посадили на левом берегу Дона, рядом с городским пляжем, молодую рощу. Мы были первыми, за нами шли комсомольцы более поздних призывов. Они тоже внесли свою лепту и расширили зону посадок на всю длину вытянувшегося вдоль донского берега города. Прошли годы. Как же хорошо ныне на берегу Дона, на ростовских пляжах! Сколько молодежи тут с мячами, с бадминтоном — каждому свое. На скамейках сидят люди почтенного возраста и ведут неторопливые разговоры о жизни. Радостно было вспомнить юность: правильные мы были ребята, не сидели сложа руки. И еще: у входа в бывший цех уборочных машин, ныне механический, на «Ростсельмаше», стоит высокий, выше самого цеха, широкий тополь. В тени тополя помещается несколько столиков и скамеек. В обеденные перерывы собираются под этот тополь юноши и девушки в спецовках, пестрых рубашках и майках. Отдыхают, читают, играют в шахматы. Тополь этот называют тополем Сережи Лебедева. Он был нашим другом, комсомолец, умница, пытливый производственник, токарь, ставший потом мастером. Участвовал в заводской самодеятельности. Ему пророчили актерскую будущность, предлагали перейти на профессиональную сцену. Раздумывал, но не пошел. «Больше тянет техника. Здесь я буду лучше»,— говорил он нам. В начале тридцатых годов мы посадили саженцы на заводе вдоль всех цехов. Сережа посадил свой тополь у входа в цех. Бережно ухаживал за ним. Тополек зашумел листьями. Началась война. Сергей Лебедев к тому времени стал секретарем парторганизации цеха комбайнов. Его военной специальностью была артиллерия. Добровольцем ушел на фронт. Летом 1942 года он погиб под Харьковом. Завод был разрушен — и тополь печально стоял над развалинами. Завод был восстановлен — и тополь поднялся над новым цехом. Тополь Сережи Лебедева... Живой памятник нашему товарищу.

В Австралии, в городе Перте, на берегу Индийского океана, где живет большой наш друг, старая писательница Катарина-Сусанна Причард, я видел бесконечные аллеи эвкалиптов. На стволе каждого эвкалипта прикреплена пластинка с именем погибшего во время последней войны австралийского солдата. У тополя Сергея Лебедева нет такой пластинки, но все знают на заводе, кем он был посажен. Одно дерево, а сколько воспоминаний связано с ним!

В Исландии один из лучших современных писателей Запада, Халдор Лакснесс, с грустью говорил мне, указывая на маленькие, по пояс взрослому человеку, деревца: «У нас нет таких высоких деревьев, как на вашей родине, но мы любим и наши маленькие деревья. Они для нас тоже Исландия». Мне были хорошо понятны чувства этого замечательного человека и романиста, которому среди скупого, почти

→

Киевлянин.

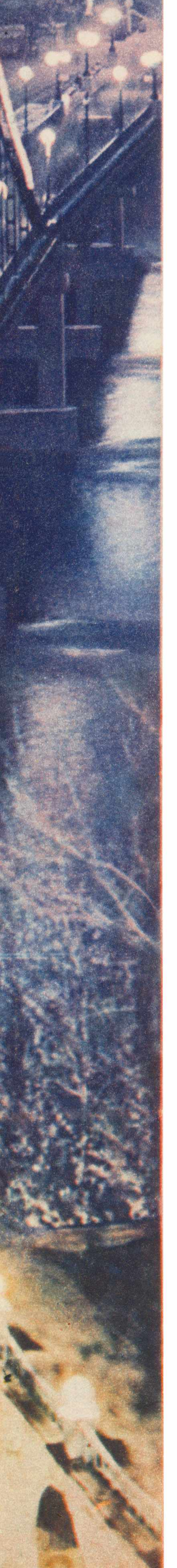

Под каштанами.

Ступени вверх.

Подруги...

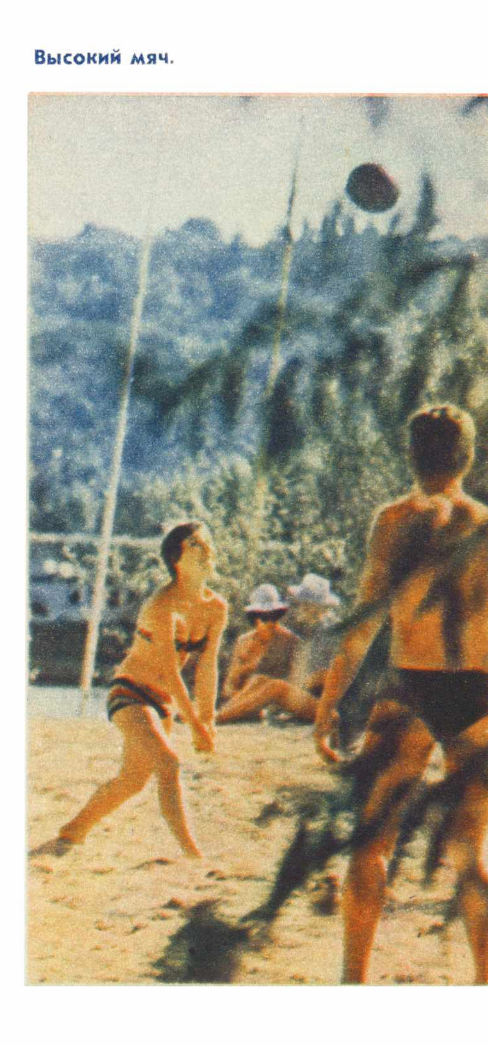
Мост через Днепр.

Как решить теорему!

Нельзя опаздывать...

Высокий мяч.

вулканического пейзажа так была близка каждая былинка. Как же нам не любить наши дубравы и пущи, сады и парки?! Сколько глубоких дум вызывают они!

О фильме Сергея Бондарчука «Война и мир» будет написано много. Мудрая толстовская проза наконец нашла своего глубокого толкователя в кинематографе. О многом будут писать, разбирая фильм «Война и мир». Я же хочу только сказать о той философской сердцевине фильма, которая прекрасно найдена Сергеем Бондарчуком в словах великого писателя и положена им на сокровенную жизнь леса. Вот она, сила духа, сила внутреннего мира народа, к которому принадлежал великий писатель земли русской!

...Я бывал в Киеве в разные времена года. Но первый раз — трудным летом 1941 года. Воинский эшелон, сформированный в Ростове-на-Дону, следовал через Киев на фронт. Мы не знали тогда, на какой фронт. Несколько дней эшелон стоял в Дарнице. Там же мы впервые встретились с войной. В санитарном поезде разговаривали с обожженными и ранеными танкистами, принявшими грудью первые удары немецких бронированных армад. Отпросившись, мы побывали в городе. И тогда я впервые увидел главную улицу Украины — Крещатик. Помню, меня поразило удивительное спокойствие киевлян, хотя город уже подвергался бомбардировкам фашистской авиации.

Снова увидел я Киев только через несколько лет после войны. Город строился, приводил себя в порядок, хорошел. Преображенным открылся Крещатик. Шумный, пестрый, широкий Крещатик — главный проспект Украины. И вот уже в Киеве метро. Станция метро «Крещатик» стала любимым местом свиданий и встреч киевлян. И сколько еще нового повидаешь в этом городе, когда приезжаешь сюда.

В этом году юные киевляне получили прекрасный подарок от своих отцов и матерей — Дворец пионеров. Мы ходили по залам, любовались его современной архитектурой, легким, красивым, светлым убранством комнат и аудиторий. А когда вышли на открытую галерею, то снова перед глазами Днепр. В зеленой и светло-желтой оправе. Поздно вечером в сиянии звезд и огней мы увидели новый, удивительно изящный подвесной мост, словно единым взмахом руки перекинутый через Днепр. Вот здесь, на этих склонах Днепра, весной 1954 года вместе с Михаилом Шолоховым стояли мы у Аскольдовой могилы и любовались широкой панорамой предвесеннего Киева. Это был первый приезд Шолохова в Киев на съезд украинских писателей. Олесь Гончар взволнованно рассказывал Михаилу Александровичу о том, что было в этих местах и что еще будет. Шолохов внимательно слушал, по-орлиному всматривался в синеющие приднепровские дали, а потом сказал:

— Хорошо, видно, у вас здесь летом. Легко дышится... Вот уж действительно чуден Днепр... Слышал, догадывался, что так... А увидеть — совсем другое дело... Увидев, и полюбить можно.

Александр Петрович Довженко, чей самобытный художнический талант возрос на щедрой украинской земле, говорил мне однажды в военные годы в Москве:

— Вот хожу, живу, пишу (он работал тогда военным корреспондентом газеты «Известия»), а перед глазами леса и степи Украины в огне. И днем и ночью перед глазами... Человек не может жить только асфальтом, только булыжной мостовой. Человек должен жить и дышать жизнью лесов и садов.

Может быть, ни один художник тех лет не чувствовал так глубоко природу. Не случайно он с такой любовью воспел Мичурина, человека, возможно, наиболее близкого ему по характеру, беспощадного и бескомпромиссного к себе и к другим. Довженко тоже был, по существу, селекционером, он как бы соединял разные характеры, делал им «прививки» и смотрел, какие плоды они дадут. Можно многое забыть в жизни, но никогда не забудутся снятые Довженко картины жизни природы, взаимоотношений человека и природы. Для него не только одна картина, но вся жизнь была как бы в цвету. Но только цвет этот добывался не кроплением из лейки по грядкам, а мученическим подвигом и трудом в саду общественной жизни, в борьбе за улучшение человеческой природы. И жил он, как Мичурин, в саду, в деревянном доме, бревна которого еще пахли лесом. И всюду, где бы он ни был, писатель оставлял прекрасный след — сады. Так, бурно цветет весной фруктовый сад, высаженный Александром Петровичем на киевской киностудии, отныне носящей его имя. И можно предположить, что любовь эта перешла к нему по наследству, и слилась она с любовью многих и многих его земляков, рожденных и вскормленных украинской землей.

Так как же не уважать нам киевлян за их благородную любовь к зеленому богатству своей столицы, показывающих прекрасный пример для подражания многим городам нашей страны. Да и многие столицы мира могут позавидовать Киеву, его зеленому наряду. И когда сравниваешь все это и думаешь об этом, снова хочется в Киев — в город, я бы сказал, прекрасный во все времена года... И вот здесь, пожалуй, я не могу не согласиться с моими друзьями-киевлянами — особенно прекрасный летом.

У нас немало проводится соревнований по благоустройству городов. И это очень важно, так как один из главных пунктов условий соревнования — озеленение. Но, как правило, мы ничего или почти ничего не знаем о людях, которые занимаются таким прекрасным делом. И уж совсем ничего не знаем о том, как они достигают своих успехов, как удается им вывести свои города в первые ряды соревнующихся по благоустройству. Хорошо было бы, если б читатели «Огонька» рассказали о таких людях. Их рассказ помог бы людям других городов, научил многому, научил любить не только леса и дубравы, но и парки, сады своего города, того района или поселка, где ты живешь. И тогда, может быть, у нас прибавится количество городов, красивых и располагающих к себе во все времена года и особенно летом.

←
Крещатик.

ВТОРОЙ ОГОНЬ

Отрадно, что наконец-то у Василия Федорова вышла книга, наиболее полно представляющая читателю творчество этого большого поэта.

«Второй огонь» — так называется не только книга, так называется одно из лучших лирических стихотворений поэта, полное внутреннего драматизма, неистребимой жажды жизни.

Любовь горела,
А не тлела.
И все же, к радости моей,
Не до золы она сгорела,
Но, как береза,
До углей.
...Не гибнут страсти.
Над враньем
Опять смеюсь.
Пусть не лукавят.
Любовь горит
Вторым огнем,
В таком огне
Железо плавят.

Перегорев, стать огнем, плавящим железо, было нелегко. Об этом и повествует поэт в своей книге.

Есть хорошие поэты, но они не могут оторваться от своего поэтического «пятачка», от своей какой-то одной, излюбленной темы. У Василия Федорова тоже есть свой «пятачок», но он каждый раз использует его, как площадку для очередного взлета в большую поэзию. Он не стал певцом только одной, родной ему Сибири с деревушкой Марьевкой, с могучими реками и величественной тайгой, пропахшей синевой неба, цветами и травами. Но любовь ко всему этому дала поэту право на раздумья над судьбами века и народа, над судьбами человечества.

Василий Федоров в своем творчестве многогранен, но не многолик. У него одно лицо — лицо человека, который верит и разуверяется, страдает и радуется, любит и ненавидит. Он традиционен в самом лучшем понимании этого слова, ибо ему по традиции завещано народом право отстаивать и воспевать красоту на земле.

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

И не случайно один из разделов книги «Второй огонь» так и называется — «Красота».

Раздумья над временем, над смыслом жизни и красоты как бы подготавливают Василий Федоров в другом разделе книги — «Не левее сердца». Здесь как бы идет разговор «о месте поэта в рабочем строю»:

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью
младенца:
— Я за искусство левое,
а ты?
— За левое...
Но не левее сердца.

Сердце, которое чутко отзывается на человеческие страдания,— вот то, что давно определяет позиции Василия Федорова.

Особо хочу выделить раздел книги, который называется «Книга любви». Поэт не случайно дал такое название. И, читая «Книгу любви», убеждаешься в том, что перед тобой сложная книга человеческих отношений. Она появилась не сразу. Поэт писал ее всю жизнь.

«Книга любви» — одна из главных удач поэта. В ней есть стихи, полные горечи, полные радости, даже озорные стихи, но все это жизнь.

Я уверен, что читатели с благодарностью закроют последнюю страницу книги «Второй огонь», мысленно поблагодарив Василия Федорова, талант которого добр, как и та земля, которой он остается верен сыновней верностью.

Владимир ФИРСОВ

Василий Федоров. Второй огонь. Издательство «Художественная литература». Москва. 1965 г. 574 стр.

Докер из Баку

С юным героем романа Георгия Холопова «Гренада» Гарегином читатель познакомился четыре года назад. Трогательное это было знакомство. Душа мальчика, воспринявшая так много хорошего и светлого от времени, проникнутого пафосом революционной романтики, трепетно устремлялась в ту большую жизнь, что завоевало в боях с врагом старшее поколение. Думалось и верилось: выйдет из мальчика настоящий человек.

И вера не обманула. В новом романе писателя — «Докер» — происходит дальнейшее нравственное мужание героя, превращение его в истинного гражданина. Раскрытие этого непростого пути и составляет основное содержание романа.

«Докер» — вторая книга дилогии Г. Холопова, и написана она в той же манере светлого, оптимистического повествования о людях и о жизни, что и первая — «Гренада». И опять действие происходит в Баку. Только годы другие: двадцатые и начало тридцатых. И Гарегин уже не школьник, а грузчик Каспийского морского порта, или, как несколько возвышенно именует он себя сам, докер.

Почему докер? С этим связано многое для образа героя, пожалуй, даже главное. Докерами за рубежом называют портовых грузчиков, а Гарегин грезит мировой революцией. Настанет день, рабочие Германии выйдут на баррикады под красным знаменем, и в этом им поможет юный докер из Баку.

Эту мечту героя автор поэтизирует как дорогую революционную мечту юности поколения, к которому принадлежит и он сам. Коммунист, с виду суровый, но очень душевный человек Гусейн-заде говорит Гарегину: «Ты думаешь о мировой революции, я тоже думаю о ней. Но революция продолжается в работе каждого человека, в моей работе, в твоей работе. Революции нужны грамотные солдаты. Тебе надо стать инженером». Это не снижение пафоса, это верная перспектива. Герой писателя выходит — вышел! — в большую жизнь. Вышел хорошим, участливым к людям человеком.

Процесс коллективизации, как и другие процессы большой политики, дан в романе отраженным светом. Не все в авторской интерпретации событий представляется мне бесспорным, но явственно ощущается намерение писателя разобраться в проблеме глубоко, смотреть на дни минувшие с высоты нашего сегодня.

Мы в преддверии пятидесятилетия Советской власти. «Докер» раскрывает перед читателем одну из страниц большой истории нашей страны.

И. КОЗЛОВ

Георгий Холопов. Докер. Роман. Журнал «Звезда» № 2, 1965.

И. МЕСХИ, С. ОНАНОВ

Река Аракс. Один берег — Советский Азербайджан, другой берег — Иран. Посередине — государственная граница. Таким образом, река как бы недотрога, ничего с ней не сделаешь, пополам ее не разгородишь. Но, оказывается, можно, и не перегораживая реку, подчинить ее человеку, была бы только добрая воля.

Соглашение состоялось в 1963 году в Тегеране. Советский Союз и Иран решили совместно строить на Араксе большой гидроузел: плотину, водохранилище, ГЭС...

И вот маленькое местечко Кызыл-Ванк под Нахичеванью. Скоро оно станет совсем неузнаваемым. Шум бурильных станков, бульдозеров, самосвалов. Геологи изучают условия месторасположения будущей плотины, гидрологи — силу, уровень и течение Аракса. На обоих берегах идет разведка местных стройматериалов. Под рекой прокладывается шахта. Работы комплексной изыскательной экспедиции подходят к концу.

— Через несколько лет СССР и Иран получат 50 тысяч киловатт электроэнергии,— говорит главный инженер экспедиции Сулейман Сафаров.— Нахичеванское море разольется в длину на 73 километра, в ширину — на шесть. На обоих берегах реки возникнут современные рабочие поселки. Будут построены оросительные каналы, а на море — рыбозаводы.

— И всем этим обе страны будут делиться по-соседски?

— Так же, по-соседски, как сейчас начинают общее дело,— ответил советский инженер.

Итак, на Араксе начинается большое общее дело.

Большое общее дело

Читатель продолжает разговор

ПРАВО НА СЧАС

Немного времени прошло со дня опубликования в «Огоньке» письма юриста В. Мальшет «Материнских чувств не имею...» (см. № 17 за 1965 год). Автор рассказывал о матерях, оставляющих детей, и поднимал вопрос о предоставлении льгот женщинам, берущим детей на воспитание.

В редакцию поступили сотни писем-откликов. От многодетных, пожилых и молодых матерей, от врачей и педагогов, юристов и воспитателей. И в каждом письме — строки возмущения недостойным поведением тех, кто легкомысленно попрал самое святое на земле — материнство.

«С восемнадцати лет я связал свою жизнь с морями,— пишет механик Борис Елесин из Выборга.— В двадцать два года встретил Людмилу Ш. и полюбил ее так, как можно только любить близкого и дорогого тебе человека. Поженились. Родился сын. По два-три раза бегал я в роддом, носил цветы, расспрашивал. И вдруг мне одна санитарка говорит: «У вас замечательный сын, но жена ваша отказалась его кормить.— Замялась: — Видите ли, она боится, что испортит себе фигуру...» Мне показалось это настолько неправдоподобным, что я даже не поверил. Но вот жена и сын дома. Да, действительно, она не кормила ребенка грудью. Молоко приходилось брать в детской кухне. Вскоре я ушел в плавание, а через месяц получил от мамы радиограмму: «Что делать? Людмила привезла и бросила Сережу у нас...» Мы, конечно, разошлись. Решением народного суда Сережа был оставлен у меня, а бывшая жена была лишена права называться матерью. Сейчас сыну пять лет. Он у бабушки. А когда я возвращаюсь из рейса,— с ним я. Самое трудное — завоевать доверие ребенка, самое страшное — потерять его».

Наталью Датченко, портрет которой выпал из конверта, вероятно, не тревожит такая бесценная утрата, как доверие сына. Может быть, кто-нибудь встречал ее? Может, кто-нибудь знает, где она живет?

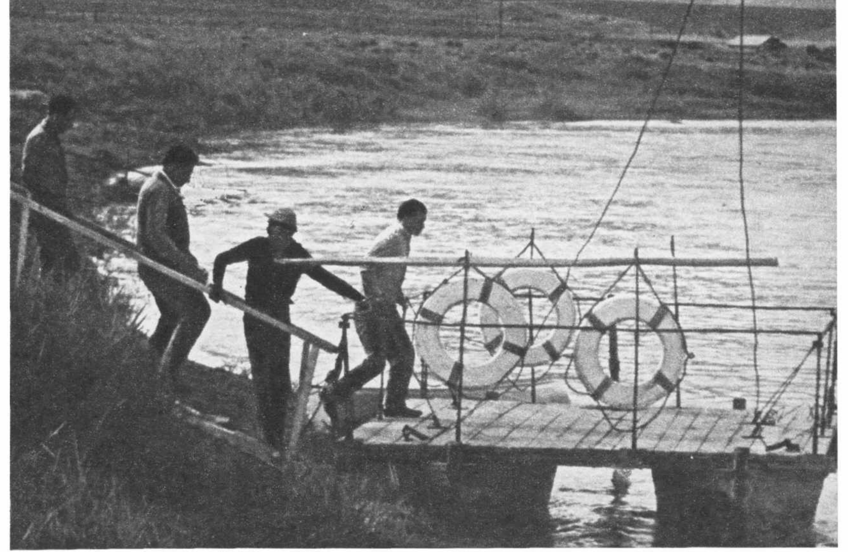
Листочки, написанные по-русски вперемежку с украинским, рассказывают об этой женщине.

27 июля 1957 года у Натальи родился сын. Жила она в Херсоне у своих родителей Е. Т. и А. Е. Датченко. Первое время мать была с мальчиком, работала на текстильном комбинате, а потом вдруг, никому не сказав ни слова, исчезла, покинув Сережу. Вернулась только в 1961 году. Но гостила недолго. Летом того же года снова скрылась в неизвестном направлении. Еще через год бабушка с дедом получили от нее наконец весточку. Почтовый штемпель помог узнать, что Наталья в Сумгаите. Беглая мамаша обещала приехать за сыном. Однако это был очередной обман. Срок доверенности, которую она оставила родителям на получение пособия как мать-одиночка, давным-давно истек. Старики пытались разыскать ее с помощью милиции, но пока это не удалось. Из Сумгаита сообщили, что она перебралась в Харьков. Бабушка занемогла от огорчения, ей уже немало лет, да и со средствами туговато. Дед работает сторожем. «Старики совсем пали духом. Хватит ли у них сил и здоровья вырастить Сережу? — спрашивает А. Ф. Губский, автор этого письма, которое он написал в редакцию по просьбе Е. Т. и А. Е. Датченко.— Приложили они и карточку. Может, кто поможет разыскать эту горе-мать? А вот ее данные. Датченко Наталья Алексеевна, рождения 1937 года, уроженка села Вавилова, Снегиревского района. Проживала по ул. Гагарина, дом 61, в Херсоне. Паспорт серия IV ЗС № 697606, выдан 3-м отделением милиции Херсона».

Еще одно письмо. Автор его — женщина «неплохой наружности», как она сама пишет о себе,— скрылась за вымышленной фамилией Тарасова. Ей сейчас сорок лет, и она решила раскрыть свою тайну. В 1945 году в роддоме она оставила своего ребенка, была матерью-одиночкой. Потом вышла замуж. «Оба работаем,— рассказывает она о своей нынешней жизни.— Вечерами ходим в кино, к знакомым или в театр. Летом — в парк. Почти каждый год ездим к морю. Нам многие советовали взять ребенка, потому что у нас нет своих детей, но я считаю верхом глупости усыновлять чужих. Это так же нелепо, как добровольно привить себе чуму или проказу. Зачем лишние расходы и хлопоты? Когда я росла, мама не работала, да еще прислугу держали. Вот тогда можно было обзаводиться детьми! И то я была одна в семье... Моего письма вы, конечно, не опубликуете...» Ошиблась Тамара Тарасова! Мы его публикуем как редкий документ цинизма.

К счастью, в редакционной почте подобных писем больше не встретилось. Подавляющее большинство авторов рассказывает о великой материнской любви, о подвижничестве женщин. Авторы этих писем сами дают достойную отповедь «героиням» статьи юриста В. Мальшет. Вот письмо из Ульяновска. Автор его — мать четверых детей. Она просит не называть настоящих имен, и это понятно: трое из четырех детей приемные, и они не подозревают об этом. Родная дочь родилась в августе 1941 года. Надо ли говорить, как трудно было матери растить ее одной? А после войны

НА СНИМКАХ:

К главному инженеру экспедиции Сулейману Сафарову (слева) приехал иранский инженер Гаджи Джафары — заместитель начальника экспедиции по иранской стороне.

Надо обучиться водить советский трактор!..

Бакинская студентка Агигат Кязимова — коллектор экспедиции.

На паром через Аракс для работы на иранском участке экспедиции...

Иранец Макаммет Бухяр работает начальником смены на советском берегу.

Дашти Сабзали — в прошлом популярный в Иране борец, а сейчас начальник смены на иранской стороне.

ТЬЕ

взяла еще трех маленьких ребят, потому что она любила детей, а своих больше у нее не было. «У кого есть дети, те живут не одну жизнь. В нем, в твоем ребенке, продолжаешь ты себя и поэтому не можешь постареть до срока, устать от жизни...»

Как созвучна эта мысль с думами другой женщины из маленького города Куса, что на Урале:

«Зоя Михайлова, студентка, о которой писала юрист В. Мальшет, отказалась давать своему мальчику молоко, заявив, что он ей противен и что она ненавидит его отца. Человека, которому я отдала свою юность, я тоже ненавижу и как еще ненавижу, не выскажешь словом! Но сына очень люблю, хотя он похож на отца. Мне всегда кажется, что от ребенка исходят лучи солнца, которые греют меня. Не скажу, чтоб мне было легко. Мальчик часто болел. Я училась в школе рабочей молодежи. Успешно окончила ее. В этом году буду поступать в институт. Малыш вовсе не мешает мне учиться. Не права Зоя Михайлова, опасаясь, что ребенок станет препятствием на дороге к диплому. Неправда это!»

Да, ребенок придает силы и помогает жить. «У нас тоже не было отца,— пишет К. Яговкина из Пермской области.— Устроила Сашу в ясли, пошла работать. Вышла замуж. Расписались. Сашу муж перевел на свою фамилию. Стали строить дом. Потом еще сын появился. Мужу Саша нисколько не помешал. Он его любит. Значит, ребенок ему не помеха, все зависит от женщины, от того, как она себя поведет. Почему же когда взрослый покушается на жизнь взрослого, то несет наказание, а когда взрослый прикладывает руку к маленькому, то это можно?»

«...Почему за уродование детей никто не отвечает? — спрашивает другая читательница.— Трудно было мне растить ребенка. Зато как приятно слышать, когда сын заявляет с восторгом: «Мама, ты самая красивая. Я тебя очень люблю». Разве это не радость? Я, как вы догадались, так называемая мать-одиночка. Но что поделаешь, ведь нас так именуют даже в официальных документах и в печати. У наших детей в свидетельстве о рождении в графе «отец» стоит прочерк...»

Вот и все. О себе эта женщина пишет очень мало. В этом многоточии чувствуется горечь и боль недосказанного...

«Почему только обрушиваются на женщин? — прямо спрашивает Майя Богуславская из Ленинграда.— Почему в стороне остался мужчина? Виноваты оба, пусть оба и отвечают. Дайте женщине, не зарегистрированной в браке, алименты, и, уверяю вас, многое встанет на свое место!»

Эту же мысль развивает акушерка М. Пархачева из Воркуты: «Опыт моей работы показывает, что большинство случаев отказа матерей от детей вызывается недостойным поведением отцов. Наши законы слишком либеральны к таким «папам». Я уверена, что если бы мужчина в любых случаях чувствовал свою ответственность, то число покинутых детей сократилось бы».

Справедливый, давно назревший вывод! Другое единодушное мнение, содержащееся в каждом письме, касается прав матери, отказавшейся от ребенка, и прав той, которая заменила родную маму. «У нас многие считают, что в личную жизнь вмешиваться неудобно, мол. Нет, надо вмешиваться! — пишет Т. Левченко, председатель товарищеского суда из города Кобеляки, Полтавской области.— Почему-то таким, как Елена Петрова, удобно получать зарплату за семьдесят дней и гулять, а та женщина, которая возьмет ее ребенка на воспитание, не имеет возможности получить отпуск и провести несколько дней у малыша, не говоря уже о зарплате! А ведь она отдает всю теплоту своего сердца ребенку! Надо, чтобы приемная мать пользовалась всеми льготами наших законов о материнстве».

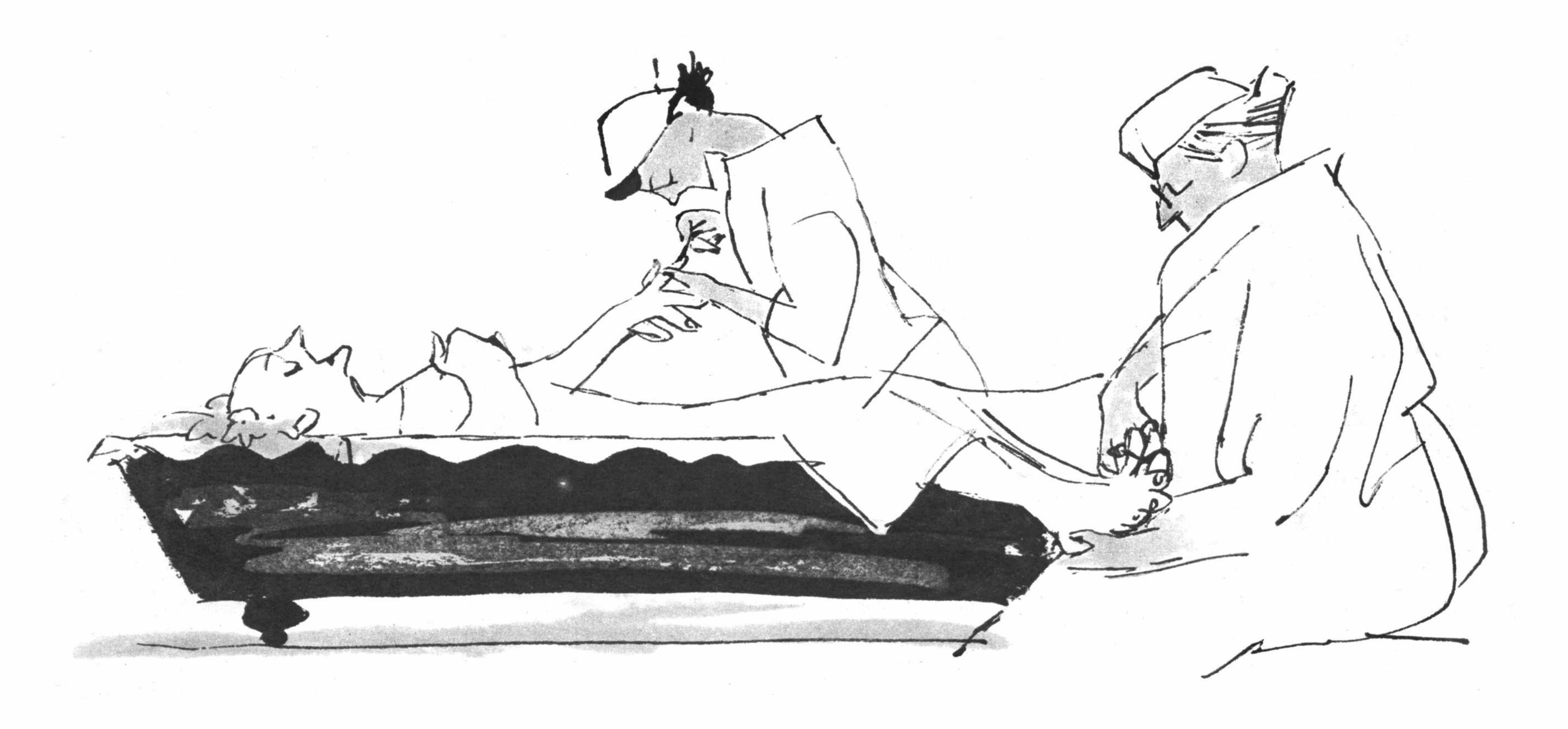
А. Лагранская, юрист родильного дома из города Харькова, спрашивает: «Как быть в таких случаях, когда будущая усыновительница, желая прослыть среди окружающих беременной, просит предоставить ей декретный отпуск? Она даже готова вернуть эти деньги государству, но только чтобы потом ее никто не упрекнул в том, что она неродная мать. Нужно давать отпуск также той женщине, которая берет на воспитание ребенка прямо из родильного дома».

Учительница Н. Вишнякова из Москвы считает необходимым учитывать права женщин, вырастивших и воспитавших несколько детей, при определении им пенсии по старости и предоставлении к наградам наравне с многодетными матерями.

Во многих письмах сквозит тревога, вызванная тем, что подчас плохо сохраняется тайна усыновления и тогда разыгрываются трагедии, подобные описанной в журнале «Огонек».

Надежда Л., еще будучи студенткой техникума, усыновила ребенка своей подруги по группе Иры Н. Об этом никто, кроме жениха Нади, не знал, даже ее родная мама. Теперь есть у них и свои дети, семья крепкая, дружная. Беда нагрянула неожиданно. Ира Н. с помощью подружек по техникуму отыскала Надю и пыталась вернуть себе сына. «Что нам делать? — в отчаянии спрашивает Надя.— Уехать? Куда? Я, наверно, скоро поседею от горя».

В другом письме из Караганды приводится пример того, как болтливые, злоязычные соседки травмируют ребенка, время от времени оброняя словечки, вроде таких: «И что ты целуешь, не родная ведь». В третьем случае обнаруживается отпетый папаша, шантажирующий усыновителей. Цепь хулиганских поступков, совершенных им, довела до могилы приемного отца. А предмет спора — дочь совсем отбилась от рук. В самом деле, как поступать в подобных случаях? Не права ли В. Шевченко из Черкасс, когда предлагает привлекать к судебной ответственности лиц за раскрытие и нарушение тайны о рождении?

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

ОБ ЭТОМ ПОМА

Красивая вдова ищет у меня помощи. Я подношу ей букет роз.

— Смерть — серьезное дело, госпожа Алалус. Ваш супруг погиб во славу отечества?

— Во славу? Его застрелили в кабаке.

— За какую-то идею, во всяком случае. Вы любите его превыше всего на свете?

— Еще чего! Он был гангстер, пьяница и вор.

— Вы произносите жестокие слова перед неисповедимым величием смерти, госпожа Алалус. Ваш муж перенесся в вечность, и да простятся ему все прегрешения бренной жизни. Теперь он ангел небесный, и память его надо уважать.

— Да, были у него и хорошие качества. Он умел биться об заклад, хорошо играл в карты, отлично танцевал и бесподобно подделывал подписи. Конечно, он немножко попивал, но, надо признать, никогда не ломал мебели и не бил меня по лицу.

— Я не могу сдержать слез, госпожа Алалус... Горе легло на ваши плечи тяжким бременем, но я помогу вам нести его. Я поставил целью моей жизни утешать людей в горе.

— Благодарю вас, господин Барбатус. Вы благородный человек.

— Я всего лишь покорный слуга человечества. Была ли жизнь вашего супруга застрахована?

— Была. Я платила страховые взносы... Страховка на десять тысяч...

— Не плачьте, госпожа Алалус. Я облегчу ваше бремя. Подпишите вот это торговое соглашение, и наша фирма позаботится о похоронах.

— С удовольствием, господин Барбатус. Я хотела бы похоронить мужа как можно дешевле и проще. Ведь я бедная вдова.

— Когда речь идет о последней услуге нашим любимым, тогда нельзя думать о том, сколько это стоит. Уверен, что вам понравится этот современный зал. В дни нашей молодости таких еще не было. Так-то, друг мой. Взгляните вот сюда, на гробы. Как вам нравится эта модель? Пружинный матрас, обивка — натуральный шелк, каркас и отделка из нержавеющей стали, а в изголовье вмонтирован радиоприемник. Вы можете настроить его на волну одной из наших благочестивейших станций — «Голос рая», «Спасение» — или на передатчик вашей приходской церкви. Как видите, гроб изготовлен из сандалового дерева и снабжен вентиляцией. Акустика необычайно хороша. Цена — две тысячи лаконийских долларов.

— Две тысячи долларов! Это же мой годовой заработок.

— Прошу вас, не думайте о цене перед светлой памятью любимого существа, завещавшего вам свою страховку. Госпожа Алалус, не угодно ли послушать духовную музыку? У нас огромный выбор. Вот в этом списке все лучшее, что когда-либо исполнялось на электрооргане. Ничего подобного не было в дни нашей юности и даже совсем еще недавно, когда похоронные бюро находились в руках тысяч мелких предпринимателей. Может быть, вы выберете вот это: «Смерть не разлучит нас, любимый». Мелодия вам, конечно, знакома. Пьеса получила первую премию на конкурсе мелодий, устроенном нашей фирмой.

— Красиво, красиво...

— Не плачьте, госпожа Алалус. Разрешите предложить вам бокал вина? Пожалуйста, госпожа Алалус. Выпьемте в память вашего дорогого супруга. Так вы выбрали этот гроб? Хорошо. Уверяю вас, вы сделали самую удачную покупку в своей жизни. Позвольте, я и впредь буду помогать вам! Предписываемое законом бальзамирование мы на этой неделе выполняем по льготной цене.

— Сколько?

— Тысяча лаконийских долларов. Но, кроме того, придется еще немного доплатить за дополнительные операции. Лоб покойного обезображен пулевой раной. Мы ее изящно закроем, так что не будет видно и следа. За это начисляем двести долларов. Ну, потом бритье, косметика, стрижка, прическа, окраска волос...

— К чему такая роскошь! Вы меня разоряете.

— Госпожа Алалус! К святому делу не следует относиться легкомысленно! Покойнику совершенно необходимы косметические процедуры, так как иначе его нельзя и людям показать. Чем лучше покойник ухожен, чем нарянее одет, тем дольше друзья и родственники пробудут на его поминках, где коктейли подаются бесплатно за счет нашей фирмы. Вы уж доверьтесь нам. Мы сделаем вечерний грим, сошьем покойнику костюм по мерке и новые ботинки...

— И ботинки?

— Ну, разумеется, госпожа Алалус. Нельзя же уложить покойного в гроб в стоптанных штиблетах. Это было бы просто надругательством. Белье, сорочку и галстук я попрошу вас подобрать в том зале. У нас все самое модное. А теперь давайте выберем

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27—33.

место погребения. Взгляните на фото. Не правда ли, восхитительный южный склон? Место под сенью дуба вы получите за тысячу долларов. Вон у того платана места подороже.

— А нет ли подешевле?

— Госпожа Алалус! Вы опять о деньгах! У ложа смерти надо забыть все земное. Когда вы встретите вашего супруга на небесах...

— Боже упаси, я не желаю встречаться с ним ни при каких обстоятельствах!

— Друг мой, я опять не могу сдержать слез. Я вижу вашего мужа, как живого. Вот он сидит на возвышении в зале церемоний, смотрит на своих друзей, слушает душеспасительную музыку — и весь точно светится. Он чище и красивее всех нас. Друзья осматривают его костюм и замечают, что сшит он из лучшего английского габардина и что ручные часы — последний памятный подарок покойному — идут точно, минута в минуту. И ботинки покойнику не жмут, и воротничок ему не тесен. Герой торжества, лицом подобный ангелу, знает, что через минуту его уложат в комфортабельный гроб, затем отправят в скорожигающую печь и далее к месту вечного успокоения. А там — прекрасный вид на шоссе, по которому в лучшие дни свои он шел под руку с любимой женщиной... Вы плачете, госпожа Алалус! Наше бюро постарается осушить ваши слезы. Мы пришлем вам счет на восемь тысяч лаконийских долларов минус пять процентов, которые вы внесете наличными. Я же знал, что в такую минуту вы не станете думать о деньгах. Благодарю вас, госпожа Алалус! Налить вам еще бокал вина? Прошу вас. И никогда не говорите, что умереть в Лаконии — слишком дорогое удовольствие. Лакония — это страна необычайно высокого уровня жизни, которым большинство лаконийцев успевают воспользоваться лишь после смерти...

Я не пьян... Но меня клонит ко сну... Ламелла! Раздень меня и уложи в постель... Я заключил отличную сделку... Он согласился, согласился этот... как его... Как, бишь, зовут этого мерзавца?.. Этого министра полиции... который убил Валериана Пулекса... Ну, да бог с ним! Я получил монополию — и теперь наступают хорошие времена... Люди начнут умирать, как мухи, а я их буду хоронить... Я. Нет, я! Я единственный подрядчик похоронного дела в Лаконии! Разве ты не понимаешь, ты, жалкая потаскушка, что это — отличное приложение капитала?.. Я не пьян. Я устал, ужасно устал... Уф! Душно... Не дави за горло... Акустика... В гробу великолепная акустика... Я задыхаюсь... Ламелла!.. Не будем ссориться больше... Темно. Как темно!..

Когда господин Барбатус свалился с кресла на пол, я счел удобным удалиться из гостеприимного дома. Жизнь великодушного хозяина казалась мне раскрытой книгой, которую может прочесть каждый. Во всяком случае, он, очевидно, доверял мне, ибо иначе едва ли стал бы вовлекать меня в свое дело. Не желая оказаться недостойным доверия, я решил никому не говорить о его гениальных планах.

Я попытался уйти незаметно, но не успел. Ламелла поймала меня в передней и спросила:

— Кончили совещаться?

— Он заснул.

— Наконец-то. Я всыпала ему в рюмку двойную дозу снотворного. Теперь он проспит часов двадцать.

— Надо, наверно, перенести его в спальню?

— Ни в коем случае. Это может нам только помешать. Милый...

— Ламелла, сейчас я не могу остаться с тобой. Положение критическое. С минуты на минуту поступят важные сообщения... Я должен ехать.

— Ты уедешь один?

На мгновение я задумался. Казалось, будто я в осажденном городе, ожидающем лишь приказа о сдаче. Я стиснул ее в объятиях и сказал:

— Я еду один, но буду ждать тебя. Еще только час ночи.

Кабаллус дожидался меня в переулке. Седовласый шофер выключил радио и открыл дверцу машины. Я плюхнулся на сиденье и долго старался подавить чувство неловкости. Голос совести звучал негромко, но упорно. Он заставлял меня думать о тех двадцати пяти тысячах, за души которых мне предложили вознаграждение, как за кошелек, найденный на дороге.

Я сказал Кабаллусу, чтобы он остановил машину у подъезда и подождал даму, которая скоро должна прийти ко мне. Верный мой слуга — если еще можно полагаться на чью-то верность — ответил понимающе:

— Слуш-шаюсь, господин министр.

Чтобы скрыть свой речевой недостаток, Кабаллус никогда не переставал жевать резинку, отчего во рту его была невообразимая каша. Хотя я, кажется, уже говорил об этом. У него была еще одна неистребимая привычка: ложиться под утро и спать до полудня. В остальном же он был превосходный слуга, тихо стареющий автомат.

Я позвонил в президентский дворец, чтобы узнать обстановку. Мне сказали, что пресс-секретарь Вульвиус занят подготовкой экстренной пресс-конференции, которая, как предполагают, состоится рано утром. Дозвонившись до него, я спросил о повестке дня конференции.

— Только один вопрос, имеющий чрезвычайное внешнеполитическое значение.

— Объявление войны?

— Нет, господин министр. Но с точки зрения престижа нашей страны событие еще большей важности. Два часа тому назад премьер-министр найден почти в бессознательном состоянии, с подбитым глазом. Представители иностранной прессы уже успели дать в свои газеты сенсационные сообщения. Они утверждают, что были очевидцами происшествия, и рассказывают все с самыми ужасными подробностями. Конечно, вдумчивый читатель поймет, что нашего достопочтенного премьер-министра никак невозможно считать виновником драки, возникшей, по-видимому, из-за какой-то женщины. У меня имеется собственная теория, которую я собираюсь изложить на пресс-конференции: тайные агенты Куропотамии каким-то невыясненным способом сумели одурманить премьер-министра, затащили его в винный погреб известного отеля и завладели его портфелем. Премьер-министр в настоящее время доставлен домой, и врачи делают все, чтобы установить, чем он был одурманен — то ли куропотамским ромом, то ли каким-то другим наркотическим веществом...

Я положил трубку, не дослушав теорию Вульвиуса, которая мало интересовала меня в этот момент. Я был несколько разочарован. Ведь если все осталось по-прежнему, то дело Барбатуса придется как-то доводить до конца.

Около двух часов пополуночи настроение мое решительно переменилось. Пришла Ламелла, и я, подобно премьер-министру, был увлечен и одурманен.

Глава шестнадцатая

На другой день правительство Лаконии направило Куропотамии резкую ноту, обвиняя это известное варварское государство в наркотическом одурманивании высших должностных лиц Лаконии. Пресс-секретарь Вульвиус объявил содержание ноты на пресс-конференции, где, кроме журналистов, присутствовали также иностранные дипломаты и несколько министров нашего правительства.

— Мы были потрясены, став свидетелями чудовищного нарушения Куропотамией общепринятых норм права и человечности, — сказал Вульвиус, придав своему лицу самое серьезное выражение. — Год тому назад куропотамцы одурманили нашего посла, военного атташе и пресс-атташе посольства настолько, что пришлось отозвать всех троих на родину и госпитализировать для серьезного принудительного лечения. Сотни лаконийцев, совершивших туристические поездки в Куропотамию, вернулись домой одурманенными. И даже после разрыва дипломатических отношений с Куропотамией наша недружелюбная соседка продолжала свои коварные, вредоносные действия. Последним актом неслыханной дерзости явилось наркотическое оглушение и усыпление в гостинице «Фокус» нашего высокочтимого премьер-министра, пользующегося огромным доверием всего народа. По поводу этого события давались совершенно ложные сообщения, которые я хочу сейчас решительно опровергнуть, рассказав, как все было доподлинно на самом деле:

а) премьер-министр ужинал в отдельном кабинете ресторана вышеупомянутой гостиницы в исключительно приличной компании;

б) в 21.19 премьер-министр почувствовал себя нехорошо и на минутку изволил удалиться;

в) случайная и естественная для человека ошибка завела премьер-министра в дамскую комнату, где находилась в это время известная соблазнительница м-ль Амелия Фрутти, иммигрантка, получившая лаконийское гражданство;

г) мадемуазель Фрутти, за которой в последнее время следила государственная полиция, пыталась соблазнить премьер-министра и приставала к нему с недопустимыми требованиями;

д) когда же недостойные претензии мадемуазель Фрутти разбились о непоколебимую скалу нравственности премьер-министра, она начала кричать, звать на помощь и устроила скандал, свидетелями коего явились иностранные журналисты;

е) премьер-министр вырвался из их окружения, но под влиянием наркоза направился в винный погреб отеля и там упал, потеряв сознание;

ж) портфель премьер-министра никто не похищал, так как его вскоре нашли под столом в отдельном кабинете;

з) в портфеле не было каких-либо секретных бумаг, а только две вечерние газеты, зубная щетка и флакон одеколона. Ме-

...ЛКИВАЮТ

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

Роман-памфлет

Мартти ЛАРНИ

дицинским исследованием установлено, что премьер-министр был одурманен куропотамским ромом...

— Сколько он его выпил? — поинтересовался какой-то журналист.

— Врачи считают, что примерно восемь десятых литра,— ответил Вульвиус.

Представитель французского агентства печати немедленно воспользовался случаем для рекламы продукции своей страны.

— Премьер-министру следовало употреблять не ром, а французский коньяк!

— Премьер-министр не отказывается и от коньяка, но все же ром ему больше по вкусу,— ответил Вульвиус.— И притом личный врач рекомендовал ему ром от простуды.

В зале возникло оживление, поднялась маленькая суматоха, общий гул заглушал отдельные реплики. Мнения присутствовавших разделились: одни стояли за коньяк, другие — за ром. Корреспондент из Мексики удивлялся, что Лакония все еще потребляет горячительные куропотамские напитки, хотя отношения между этими странами и так уже накалены до предела. Итальянский пресс-атташе решительно возражал против политических барьеров в торговле алкогольными напитками, утверждая, что алкоголь — единственное международное удовольствие и что пьянству границ не положено. Итальянец закончил свою речь тем, что посоветовал всем воздерживаться от крепких напитков и переходить на виноградные вина. Сангвиническое предложение итальянца, видимо, глубоко задело представителя Финляндии, который, не успев попросить слова, неделикатно перебил журналиста с Берега Слоновой Кости и заорал:

— Долой вина! Рекомендую всем нашу горькую, которая сразу бьет в голову! Если бы премьер-министр вместо рома пил финскую понтикку, он бы не разгуливал по всей гостинице, а свалился бы спокойно под стол и не терял своего портфеля. Уверяю вас: понтикка — это вещь!

— Прекратите рекламу! Здесь не место! — воскликнул председательствующий, постучав дубинкой по столу, и вновь предоставил слово Вульвиусу.

— Ваши превосходительства! Господа! Нет нужды разбирать здесь обычаи разных народов, которые столь многообразны и многолики. У каждого народа свои традиции. Не будем слишком придирчивы. Побольше терпимости. Перед нами, господа, вопрос гораздо большей важности — вопрос о действиях, порождающих напряженность во всем мире. У нас имеется масса доказательств того, что Куропотамия злоупотребляет законами гостеприимства, предлагая своим гостям одурманивающие напитки. Жертв тысячи, а может быть, и сотни тысяч. В столице Куропотамии многие представители иностранных государств совершенно теряли сознание, выпив несколько стаканчиков куропотамского рома. Когда одурманенные жертвы падали без чувств, недремлющие агенты похищали у них государственные тайны. Правительство Куропотамии приманивает жертвы, используя следующие средства: 1) ром продается очень дешево; 2) на бутылках привлекательные этикетки; 3) продают ром красивые женщины; 4) в роме высокий процент алкоголя.

Правительство Лаконии взывает к авторитету ООН и требует, чтобы Куропотамия снизила крепость своего рома с восьмидесяти пяти до сорока градусов, чтобы цена рома была повышена, а этикетки изменены. Наше правительство надеется, что ООН безотлагательно направит в Куропотамию свои инспекционные группы, составленные в большинстве своем из граждан Лаконии, поскольку Лакония — великая держава и крупнейший потребитель куропотамского рома. Правительство Лаконии обращается к ООН с требованием, чтобы Куропотамия уплатила Лаконии сто миллионов лаконийских долларов компенсации за одурманивание нашего премьер-министра и недружественные действия в отношении законного правительства нашей страны. Мы хотим жить в мире и защищаем свою свободу. Есть предел нашему терпению. Преступления Куропотамии — это преступления против всего человечества. У нас больше нет выбора: Куропотамия бросила вызов, и Лакония даст на него достойный ответ.

Воцарилась тишина. Только чуть слышно шелестели блокноты. Председательствующий разрешил задавать вопросы. Представителя французского агентства печати интересовала лишь м-ль Фрутти:

— Господин пресс-секретарь, вы упомянули, что м-ль Фрутти предъявляла премьер-министру несообразные требования. Мое агентство хотело бы знать: какие это требования?

— Совершенно несообразные.

— Мне хотелось бы получить более точный и детальный ответ. Моих слушателей особенно интересуют интимные детали. Быть может, господин премьер-министр нашел чрезмерно высокой таксу м-ль Фрутти?

— Вы задаете весьма нескромные вопросы, но я попытаюсь ответить на них достаточно скромно. Во-первых, было неприлично и несообразно со стороны м-ль Фрутти просить, чтобы премьер-министр стал перед нею на колени и завязал порванный шнурок, тогда как она видела, что премьер-министр и двух слов связать не может; во-вторых, м-ль Фрутти неделикатно предложила премьер-министру провести остаток ночи вдвоем, хотя она ясно видела, что премьер-

министр одурманен почти до полной потери устойчивости; и третьей несообразностью было требовать за такое заведомо бесплодное свидание гонорар в тысячу долларов. Если бы премьер-министр согласился провести остаток ночи вдвоем с м-ль Фрутти, эта ловкая аферистка наверняка похитила бы его портфель и продала последний представителю иностранной державы, который, по-видимому, находился в шкафу ее спальни, притаившись и ожидая своей очереди.

— Мое информационное агентство хотело бы получить интервью м-ль Фрутти,— сказал француз.— В этой истории есть что-то человечное, теплое. Мои личные симпатии целиком на стороне м-ль Фрутти. По-моему, она в совершенстве овладела международной политикой. Как только представитель Лаконии входит к ней через парадную дверь, представитель Куропотамии выходит через кухню. И оба, надо полагать, удовлетворены. Господин пресс-секретарь! Нельзя ли получить адрес м-ль Фрутти?

— М-ль Фрутти сегодня утром арестована, и ей не разрешается давать кому-либо интервью.

— Так о чем же мне тогда писать?

— Пишите о деле Барбатуса и о последних событиях, вершиной которых явилась наркотизация премьер-министра Лаконии.

— Наркотизация! Просто человек хватил лишнего. С кем не бывает! Я всегда говорил, что ром опасен, лучше пить добрый французский коньяк.

— Прекратите рекламу! — крикнул председательствующий.

— Текстовая реклама разрешается всюду.

— Я попрошу вас удалиться!

— У меня дипломатический паспорт.

— Его можно и аннулировать.

Двое полицейских в штатском вывели французского журналиста и отвезли прямо на аэродром. Дипломатический корпус удалился добровольно и с достоинством. Один только торговый представитель Финляндии остался с журналистами. Он рассказывал мне впоследствии, что его необычайно заинтересовал куропотамский ром. Такой напиток должен иметь успех в Финляндии, где привыкли пить, что покрепче: денатурат, политуру, иллоидин и дезинсекталь. У финнов прямая и цельная натура: легкому хмелю они предпочитают полное оглушение с потерей сознания, самоубийству предпочитают убийство, а внутренней политике — спорт.

Энрико Вульвиус отлично справился с задачей. Когда конференция кончилась, все были убеждены в том, что Куропотамия производит ром специально как дурманящее средство и что ООН должна направить в Куропотамию лаконийских инспекторов. Один представитель развивающейся страны прочувствованно благодарил пресс-секретаря от лица всех иностранных журналистов и пообещал написать в своей газете проникновенную статью о благородном премьер-министре Лаконии, моральных устоев которого не смогла поколебать даже Амелия Фрутти. Пресс-секретарь, со своей стороны, тепло поблагодарил оратора, который, впрочем, был весьма многим обязан правительству Лаконии.

Прозвучал национальный гимн Лаконии, и конференция закончилась общим мирным призывом: Куропотамия должна быть уничтожена во имя мира и свободы.

С несколько неопределенным чувством я приехал в министерство, где меня ждал Секст-Косоглазый. Я уже упоминал, что Секст возглавил дело Барбатуса с тех пор, как Энрико Вульвиус стал пресс-секретарем.

— Будем ли мы продолжать следствие?— спросил Секст.

— А с чего бы нам его прекращать?

— Нам мешают работать. Государственная сыскная полиция тоже заинтересовалась делом.

— Я сообщу начальнику полиции, что вести следствие поручено нашему бюро. Есть еще вопросы ко мне?

Секст, казалось, чего-то недоговаривал. Впервые странное преломление его зрачков начало меня раздражать. Я знал, что он смотрит мне прямо в глаза, хотя взор его устремлен в окно.

— Разрешите мне, господин премьер-министр, занять еще минуточку вашего внимания?..

— Моя обязанность выслушать вас.

— Я прошу меня уволить.

— Зачем же? Перед вами открывается прекрасное будущее.

— Теперь оно для меня закрыто. Я совершил ошибку... грубую служебную ошибку.

Я запер дверь кабинета на ключ, выключил телефон и попросил Секста рассказывать. Вот его история, записанная на магнитную пленку:

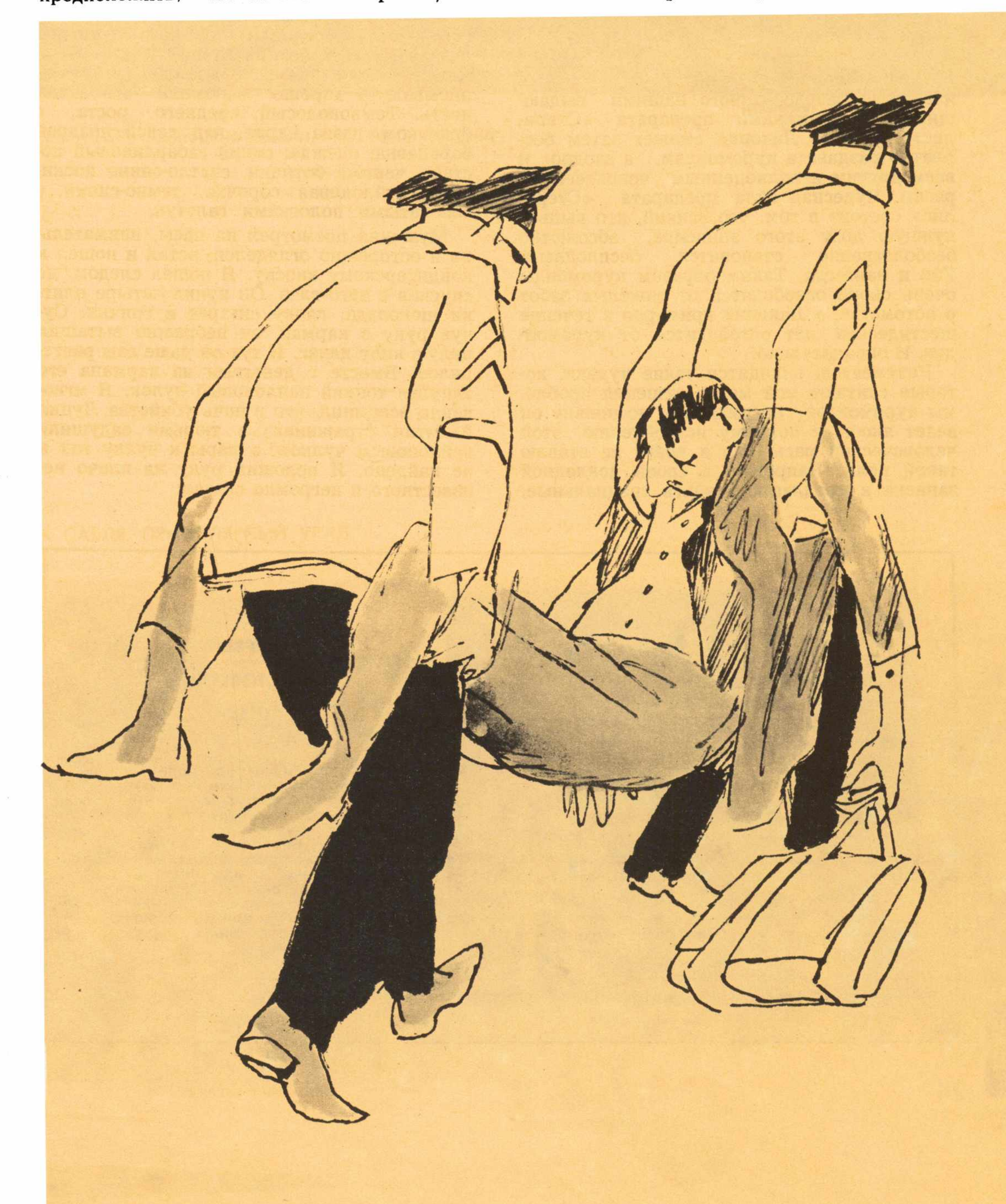
«Получив от Энрико Вульвиуса новые направляющие нити, я энергично взялся за работу. Хотя меня назначили руководителем следственной группы, я все время сам участвовал в оперативной работе, поскольку обещанная господином Барбатусом награда — сто тысяч долларов — интересовала меня так же, как и мою жену. У меня было две возможности: двигаться от начала к концу или же от конца к началу. Результат, во всяком случае, должен был получиться один и тот же: арест грабителей. Отправная точка была также ясна: ювелирный магазин Барбатуса ограблен пятого августа, и грабители действовали, по-видимому, вдвоем, Луций Акантия убит шестнадцатого ноября, и убийц было, по всей вероятности, несколько. Вероятно также, что убийцы еще живы, что они куропотамцы и что они все прямо или косвенно замешаны в деле Барбатуса. Стало быть, рассматривая теоретически, мне было легче идти от конца к началу.

Если бы мне удалось поймать убийцу Луция Акантии, тогда сразу же выяснились бы и причины, в силу которых Луций Акантия стрелял (теоретически допустимо предположить, что он все же стрелял) в Микротуса и его пособника Гуло. А это, в свою очередь, выяснило бы причины, побудившие Микротуса вырезать из какой-то газеты фотографию госпожи Барбатус. Так я подходил все ближе и ближе к господину и госпоже Барбатус, пока не дошел, наконец, до самого момента ограбления. Отсюда, для уточнения и проверки всей цепи событий, я отправился обратно к убийству Луция Акантии и далее — в Куропотамию.

Я отбросил все несущественное и сосредоточил внимание на следующих моментах: на шоколаде, транзисторных приемниках и подозрительных лицах. Поскольку я уже раньше арестовал свыше восьмисот человек, я решил на сей раз удовольствоваться минимумом. Ведь собственно преступников было де-факто лишь двое или — самое большее — восемь человек, если не считать правительства и народа Куропотамии. Но, по соображениям уголовно-процессуальным, на данном этапе еще не требовалось лишать целую нацию свободы и права на самоопределение, хотя достаточно оснований для этого дает уже расовая теория.

Не далее как вчера я имел возможность оценить актуальность и действенную силу этого учения. Совершая обычный проверочный обход, я заглянул в ресторан аэропорта, где Марк арестовал накануне двух покупателей шоколада. (И он не промахнулся, так как один из задержанных оказался дезертиром, а другой — злостным неплательщиком штрафов за вождение машины в нетрезвом состоянии.) Я заказал бутылку пива и стал наблюдать. Как все-таки много на свете подозрительных людей! Если бы мне дали власть и право задерживать их всех и сажать в тюрьму!

У меня очень хорошая зрительная память. Я успел зарегистрировать больше сотни пассажиров, которые в ожидании са-

молета сидели в ресторане и от скуки что-нибудь ели и пили. Моя память как раз регистрировала субъекта под номером 118, как вдруг ко мне подсел доктор Мус Сильватикус. Вы его, конечно, знаете, господин министр? Каждый культурный человек знает нашего всемирно известного социолога, который в последние годы неутомимо изучает поведение человеческих рас, их характерные особенности, культурные традиции и верования. Доктор Сильватикус — один из лучших друзей моего детства, смелый ученый, свободный от предрассудков, основатель современной школы социологии. Он летел в Лондон на конференцию и в ожидании самолета прочел мне целую лекцию.

— Дорогой Секст, Куропотамия больше не представляет для нас неразрешимой проблемы. Там, где бессильны политики, справляются социологи. Сегодня я передал мои соображения премьер-министру республики. Он прочел их при мне, не отрываясь, прочел и был просто восхищен. Теперь мне обеспечено звание академика и государственная пенсия. Великие открытия чаще всего просты и легко осуществимы. Мое открытие — новая расовая теория. Наших государственных руководителей серьезно беспокоит завтрашний день. Они боятся, что после покорения Куропотамии мы не будем знать, что делать с несколькими миллионами рабов-куромоидов. Напрасные опасения! Куропотамцы, или куромоиды, не станут обузой для Лаконии, если принять к руководству мое учение.

А оно сводится к следующему: мы должны освободить куромоидов от рабства, в котором они живут. Для этого имеется много испытанных средств, но все они не отличаются гуманностью. Газовые камеры, с помощью которых немецкие нацисты освободили шесть миллионов человек от тягот бренного существования, сейчас выглядят старомодно и неэстетично. Мое изобретение гуманно и забавно. Весело будет всему человечеству. В своей докладной записке я предлагаю срочно развернуть массовое производство разработанного нашими выдающимися биохимиками препарата «Стерилис», который Лакония сможет затем бесплатно раздавать куромоидам, а заодно и всем другим неполноценным человеческим расам. Чудесная сила препарата «Стерилис» состоит в том, что всякий, кто выпьет нужную дозу этого эликсира, абсолютно безболезненно становится бесплодным. Раз и навсегда. Таким образом куромоиды очень скоро освободятся от тяжелых забот о потомстве, а Лакония примерно в течение шестидесяти лет освободится от куромоидов. И окончательно.

Разумеется, находятся такие чудаки, которые считают мой метод решения проблемы куромоидов негуманным, поскольку он ведет якобы к полному истреблению этой человеческой расы. Но я вовсе не ставлю такой цели. Напротив, в своей докладной записке я предлагаю создать специальные, строго изолированные резервации, где небольшое количество куромоидов будет жить и производить потомство — под постоянным наблюдением и в сугубо ограниченных количествах. Некоторым из них будет разрешено покидать резервации: они будут использоваться для работы в передвижных цирках, а также в качестве подметальщиков улиц и подопытных кроликов для испытания новых лекарств.

В моей докладной записке особенно подчеркивается, что целью расовой политики должно быть создание чистой и здоровой человеческой расы. Поэтому в Лаконии необходимо периодически проводить всенародный осмотр. Мы будем тщательно проверять цвет волос и кожи, длину и толщину шеи, форму носа, скул и подбородка, уши, зубы и настроения. Всякого, кто не отвечает установленным нормам, необходимо стерилизовать. В идеальном государстве будущего, прототипом коего является Лакония, только чистым представителям расы будет позволено производить потомство. Все прочие подвергнутся стерилизации. Это я имел в виду, когда сказал, что весело будет всем. Так поступали еще в античной древности, в одном из тогдашних высокоразвитых государств. Так что моя расовая теория имеет древние традиции. Прошу прощения, мне показалось, объявили рейс на Лондон?

— Мне тоже показалось.

— В таком случае я закончу, когда вернусь. Будь здоров, дорогой Секст. Не слишком печалься о деле Барбатуса. Моя расовая политика решит и его. Так когда мы с тобой встретимся? Вот объявляют снова! Надо идти. Встретимся у меня дома после покорения Куропотамии. До свидания, Секст!

Доктор Мус Сильватикус поспешил к самолету, а я продолжал свою регистрацию отъезжающих. Я незаметно поглядывал на господина за соседним столиком, проявлявшего интерес к лекции Сильватикуса. Я заметил, как он время от времени что-то записывал. Я хорошо запомнил его внешность. Темноволосый, среднего роста, с брюшком, глаза карие, над левой ноздрей бородавка; одежда: синий габардиновый костюм, черные ботинки, светло-синие носки, белая нейлоновая сорочка, темно-синий, с сероватыми полосками галстук.

Мужчина посмотрел на часы, внимательно и осторожно огляделся, встал и пошел к кондитерскому киоску. Я пошел следом, не спуская с него глаз. Он купил четыре плитки шоколада, пачку сигарет и спички. Сунув руку в карман, он небрежно вытащил целую кипу денег. И тут он даже сам растерялся. Вместе с деньгами из кармана его тянулся тонкий нейлоновый чулок. Я мгновенно вспомнил, что в ночь убийства Луция Акантии стражника в тюрьме задушили нейлоновым чулком, а пары к чулку так и не найдено. Я положил руку на плечо неизвестного и негромко сказал:

— Позвольте взглянуть на ваше удостоверение личности.

Он обдал меня презрением и бросил:

— Не позволю.

— Зачем у вас в кармане дамский чулок? — спросил я внезапно.

— Убирайтесь к черту, или я позову полицию.

Я показал ему полицейский значок. Тут он сказал совершенно свирепым тоном:

— Отстаньте от меня и проваливайте ко всем чертям!

Я не стал с ним спорить и пререкаться. Пока он платил за покупку, я тихо вынул свой распылитель и направил ему в лицо хорошую струю эфира. Он громко чихнул, застонал и свалился мне на руки. В тот же миг я надел ему стальные браслеты и добавил еще дозу эфира, для большей верности. Двое полицейских втащили задержанного в машину и привезли для допроса в нашу контору. Теперь я получил нить к убийству Акантии: нейлоновый чулок. У задержанного был только один чулок, новый и ненадеванный чулок! Несомненно, это ключ и к ограблению магазина Барбатуса. Я позвонил жене и сказал, что она может идти выбирать себе модную шубку. Затем мы с двумя сыщиками и Циклом принялись обследовать карманы задержанного... И тут я понял, что совершил ошибку, грубую должностную ошибку... Господин министр, я прошу меня уволить.

Старый добрый Секст едва не плакал. Меня опять стали раздражать его глаза: он уставился в окно, но смотрел прямо мне в лицо.

— Продолжайте! — сказал я почти сурово. — Установили вы личность задержанного?

— Установили, господин министр. Мы нашли у него билет на самолет и дипломатический паспорт.

— Значит, дипломат? Кто же он такой?

— Гражданин Лаконии... Он направлялся в Эфиопию, но самолет опаздывал на час... Это наш посол Мелас... Господин министр, я подаю в отставку...

— Зачем же у него в кармане был чулок?

— Не знаю, господин министр... Он получил такую крепкую дозу наркоза, что мы не могли допросить...

— Где же он теперь?

— Не знаю, господин министр. Мы отвезли его в центральный парк Палинодии и оставили там... на скамейке... Господин министр, я подаю в отставку...

— Государственная сыскная полиция знает о случившемся?

— Видимо, знает. Но у нее сейчас столько срочных дел, что этим происшествием они еще не начали заниматься.

— Был ли посол в сознании, когда его доставили в контору для допроса?

— Нет, он скапутился еще в аэропорту.

— Отлично, Секст. В таком случае мы возьмем это дело в свои руки. Но вам придется пока посидеть дома, до поры до времени. Собственно, преступление уже раскрыто. Я позвоню пресс-секретарю Вульвиусу, чтобы он дал сообщение.

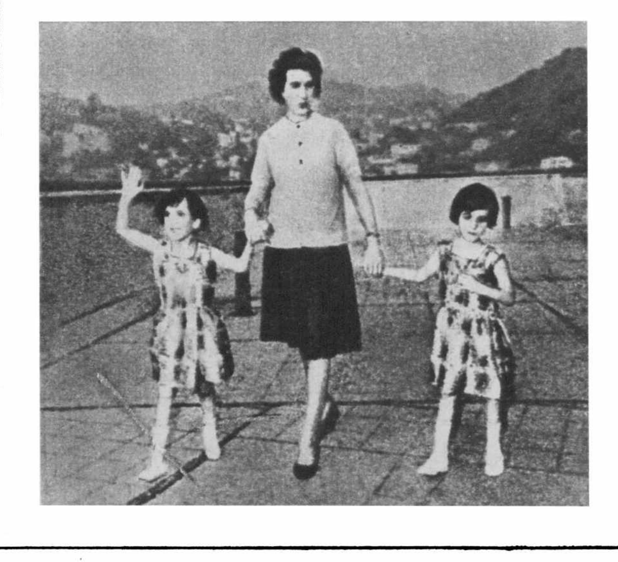
— Господин министр, господин министр!.. Неужели я должен идти в тюрьму?..

— Вам пока ничего не грозит. Если вы не наделаете новых глупостей. Можете идти.

Два часа спустя на улицах Палинодии продавались экстренные выпуски газет. Радио и телевидение, прервав свои передачи, давали экстренный выпуск известий: «Тайные агенты Куропотамии одурманили нашего посла, направлявшегося в Эфиопию. Народ с нетерпением ждет объявления войны...»

Я чувствовал, что впервые в жизни совершил преступление. Хотя преступление ли это? Ведь решался вопрос о свободе и безопасности моей родины. И потом это многосложное дело Барбатуса... Кто-то сказал, что ошибки политиков оплачиваются, а ошибки врачей хоронятся...

Продолжение следует.

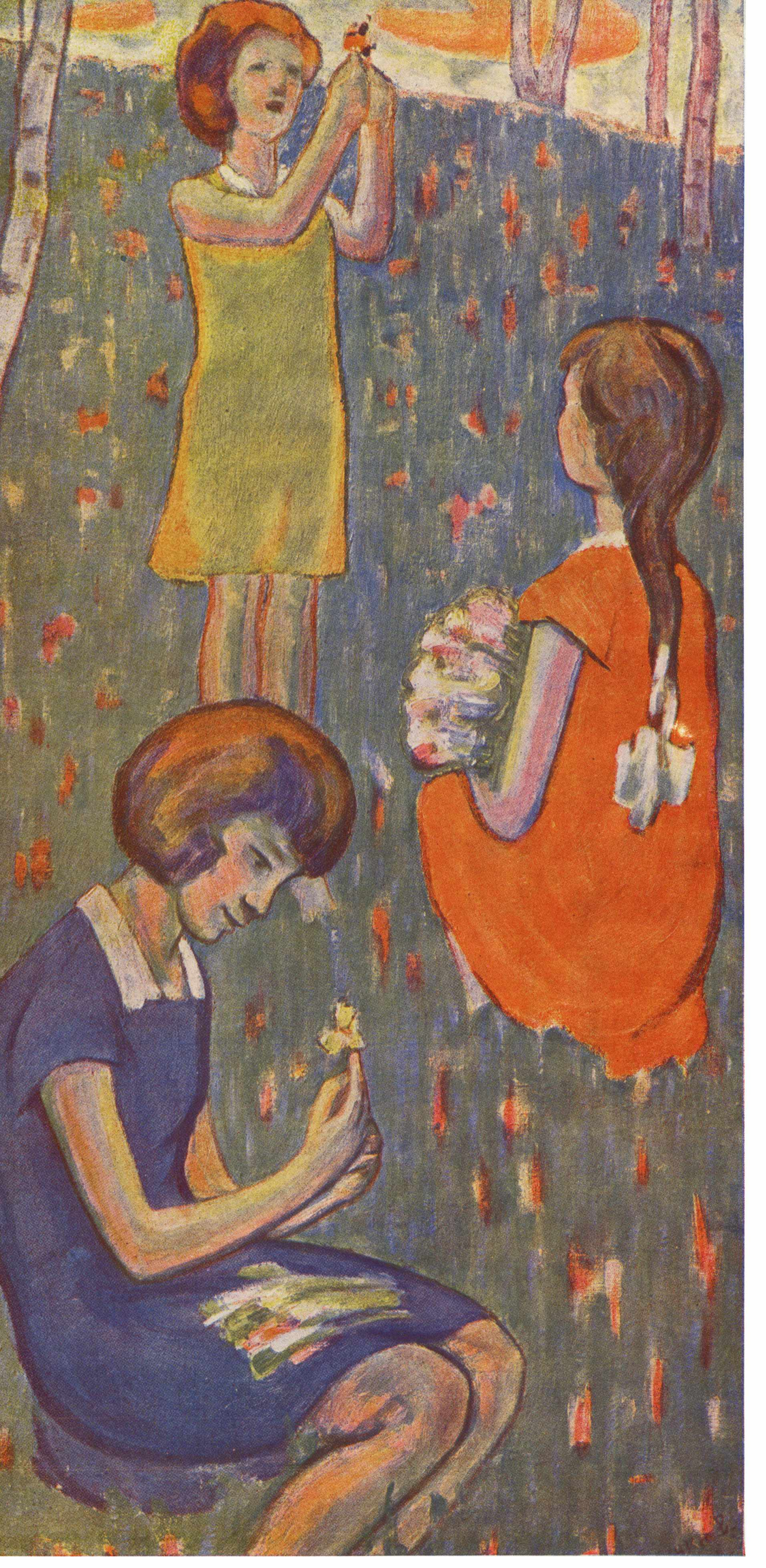
ПЕРВЫЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ШАГИ

Как известно, недавно итальянский хирург Луиджи Солерио в клинике города Турина отделил друг от друга сиамских близнецов Сантину и Джузепину Фолья. Сейчас уже можно сказать, что эта редкая операция прошла удачно. Девочки учатся ходить по-новому — отдельно одна от другой.

П. Корхонен. (Электрослесарь колхоза. Карельская АССР, Олонецкий район). НА РЕКЕ ОЛОНКЕ.

В. Зотеев. (Учитель. Челябинская область). ГОРА САБЛЯ. ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ.

В. Якунин. (Культработник. Владимирская область).

ЛЕТО.

Из записок советского разведчика

ОПЕРАЦИЯ «ДАЛЬНИЙ ПРЫЖОК»

Александр ЛУКИН

...Помимо квартиры Лидии Лисовской, Зиберт и фон Ортель часто встречались в одном из самых популярных среди оккупантов злачных мест города — офицерском казино на главной, теперь именуемой Немецкой, улице. Фон Ортель был неравнодушен к рулетке и картам, Зиберт же посещал это заведение, потому что здесь всегда толпилось много офицеров всех родов войск, у которых он черпал немало ценных сведений.

— Знаете, Зиберт,— задумчиво сказал как-то при очередной встрече фон Ортель,— вы мне чем-то глубоко симпатичны. О, не пытайтесь отшучиваться. Уверяю вас, что в этом подлунном мире отыщется не больше десятка людей, которым я симпатизирую.

Голос эсэсовца зазвучал проникновенно и искренне.

— Почему?— осведомился Кузнецов.

— А вы можете назвать мне хоть пяток наших общих приятелей, которых вы хотели бы считать своими друзьями?

Кузнецов совершенно искренне ответил «нет».

Фон Ортель удовлетворенно засмеялся.

— Вот видите! Но бог с ними. Поговорим о вас. Скажите откровенно, вы, получивший от русских уже две пули, а от фюрера два креста, неужели вы еще рветесь на фронт?

— Я солдат, господин штурмбаннфюрер. Если меня вновь пошлют на фронт, буду сражаться без раздумий за фюрера, немецкий народ и Великую Германию!

Ортель укоризненно развел руками.

— Великолепно! Но, Пауль, зачем же так официально? Я ведь не ваш командир полка. И потом почему вы думаете, что борьба с нашими врагами ведется только на фронте?

Зиберт скривил губы в презрительной гримасе.

— Ну, конечно, здесь в Ровно полно борцов с девчонками и инвалидами, за которыми мерещатся советские диверсанты и партизаны!

Теперь нахмурился фон Ортель.

— Не говорите так легкомысленно, Зиберт. Партизаны — это очень серьезно, к нашему величайшему сожалению. И я не завидую тем, кому приходится ими заниматься. Но речь не о том. Я не считал бы себя вашим другом, если бы вдруг предложил вам заняться подобным делом.

Ортель умолк, задумавшись. Казалось, он что-то взвешивал в своем уме, и Кузнецов догадывался, что. Николай Иванович не прерывал молчания собеседника, понимая, что сейчас-то разговор и пойдет к самому главному — к тому, из-за чего, в сущности, вел он эту дружбу, поддерживать которую означало ходить по самому лезвию ножа.

Вдруг фон Ортель словно очнулся, вынул из кармана черного кителя плоский серебряный портсигар с впаянной в верхнюю крышку эмблемой СС. Кузнецов осторожно взял предложенную сигарету.

Прикуривая, он все время чувствовал внимательный, оценивающий взгляд фашистского разведчика. Закурили...

— Пауль,— размеренно, очень буднично начал фон Ортель,— что вы скажете, если я предложу вам сменить амплуа? Например, стать разведчиком?

Николай Иванович чуть не поперхнулся в изумлении голубым дымом египетской сигареты.

— Я?! Вы смеетесь, Ортель! Ну какой из меня разведчик? Я просто пехотный офицер, который может командовать ротой, и, пожалуй, все. Вот уж о чем никогда не думал, да и, признаться, профессия эта, при всем уважении к вам, мне никогда особенно не нравилась.

Ортель дружески хлопнул Зиберта по колену и сказал с оттенком нравоучительности:

— Мой дорогой, пиво тоже с первого раза никому не нравится. Как говорят французы, всем без исключения нравятся одни только луидоры. Ну, а что касается того, годитесь вы или нет для работы в разведке,— позвольте уж судить мне. Верьте моему слову: годитесь.

Если бы штурмбаннфюрер знал, какую святую истину изрекал он в эту минуту!

Ортель умел обрабатывать собеседников. Он понимал, что сказал для одного раза слишком много скромному фронтовику, который должен еще переварить столь неожиданное и чреватое многими последствиями, хотя и лестное предложение, и перевел беседу на другую, вполне безобидную тему.

О состоявшемся разговоре Кузнецов немедленно доложил командованию. Судя по всему, Ортель клюнул на «Зиберта». Что ж, в сущности, это даже подняло вражеского разведчика в наших глазах. Видимо, он умел разбираться в людях, если остановил свой выбор на обер-лейтенанте Зиберте, предпочтя его сотням офицеров, околачивающихся в Ровно.

Мы предложили Кузнецову продолжать игру, не связывая себя, однако, какими-либо определенными обязательствами.

— Постарайтесь выяснить,— напутствовали мы Николая Ивановича,— в какое конкретное дело хочет втянуть вас этот благодетель. Учтите, однако, что не исключена и возможность провокации, будьте предельно осторожны, не перестарайтесь.

Кузнецов вернулся в Ровно.

Первый, кого он встретил, была Майя Микота. И не случайно. Ортель явно выделял веселую, обаятельную девушку из всех, кто бывал на вечеринках в доме Лидии Лисовской. Он немного ухаживал за ней, но не слишком серьезно, с оттенком какой-то снисходительности, постоянно поддразнивал, но не зло. Одним словом, вел себя так, как иногда пожилые мужчины ведут себя с очень молоденькими девушками. Майя и впрямь была молода: в ту пору ей исполнилось всего восемнадцать. Тем не менее девушка очень умело пользовалась этой своеобразной слабостью штурмбаннфюрера и, невинно флиртуя, вытягивала из него немало интересной и ценной информации. Как «агент» гестапо, Майя находилась в непосредственном подчинении у фон Ортеля, и матерый разведчик всерьез обучал ее хитрым приемам шпионского ремесла. Благодаря этому обстоятельству мы получили некоторое представление о методах подготовки немецких шпионов.

Ортель был честолюбив и возлагал — в будущем — на свою ученицу большие надежды. Он дал ей кличку «Мати». Самой Майе это ничего не говорило: «Мати» так «Мати», не все ли равно, как числиться в секретной картотеке фон Ортеля? Но мы, узнав об этом в отряде, немало посмеялись. Так звали знаменитую шпионку времен первой мировой войны — танцовщицу варьете Мату Хари. Видно, штурмбаннфюрер фон Ортель и впрямь намеревался далеко шагнуть с помощью нашей Майи!

Николай Иванович встретился с Микотой днем. Во время продолжительной прогулки девушка успела рассказать ему обо всех ровенских новостях и в заключение сказала:

— Кстати, мой шеф собирается куда-то уехать.

— Фон Ортель?

— Да. Он был очень доволен чем-то, говорил, что ему оказана большая честь, что дело очень крупное.

— Куда?

Майя только пожала плечами.

— Не сказал...

— Майя, постарайтесь восстановить в памяти все подробности разговора, все детали, намеки. Это очень важно!

Девушка и сама понимала, что это важно, но только покачала головой.

— Я не спрашивала, а он не говорит. Вот разве что... обещал мне привезти, когда вернется, персидские ковры.

Кузнецов был взволнован. Интуицией разведчика он чувствовал, что между приглашением сотрудничать в разведке и предполагаемым отъездом фон Ортеля неизвестно куда есть какая-то связь. Персидские ковры? Вряд ли это случайно. Они тоже имеют какое-то отношение к операции, в которой Ортель, судя по всему, что уже было о нем известно, должен сыграть не последнюю роль.

Прощаясь, Кузнецов дал девушке наставление:

— Постарайтесь вытянуть из него все возможное. Прикиньтесь расстроенной его отъездом, намекните, что вы к нему неравнодушны и обеспокоены. И запомните каждое его слово, каким бы пустяком оно ни казалось на первый взгляд.

Разведчики попрощались и разошлись в разные стороны.

Очередная встреча Кузнецова с фон Ортелем произошла вечером следующего дня в обычном месте — ресторане при офицерском казино. Фон Ортель успел до прихода Зиберта выиграть двести марок у какого-то подполковника-летчика, был по этому поводу в хорошем настроении и слегка пьян. Он ничем не напомнил о прошлом разговоре, но неожиданно сказал:

— Такому человеку, как вы, Зиберт, нужны друзья, способные оценить ваши способности и найти им должное применение.

Фон Ортель умел производить эффекты: он высказал намерение познакомить Зиберта при первой возможности («О! Это будет очень скоро!») со штурмбаннфюрером СС Отто Скорцени.

— Скорцени?! Герой Абруццо, освободитель дуче?!— недоверчиво воскликнул Зиберт.

— А почему бы нет?— небрежно ответил вопросом на вопрос фон Ортель, явно наслаждаясь произведенным впечатлением.— Отто—мой старый приятель и сослуживец. У нас с ним и сейчас есть кое-какие общие дела.

Кузнецову, разумеется, было знакомо это зловещее имя. Вот уже несколько месяцев подряд оно не сходило со страниц фашистских газет и журналов. Геббельсовская пропаганда окружила Скорцени ореолом почти

Окончание. Начало см. «Огонек» № 33.

мистической легенды, превознесла как идола германской расы.

Николай Иванович запомнил крупную фотографию на первых полосах и кадр кинохроники: фюрер лично вручает огромному двухметровому верзиле в эсэсовском мундире, с грубым лицом, исполосованным шрамами, «Рыцарский крест».

Любой новобранец вермахта мог без запинки отчеканить о «великой» услуге, оказанной бравым штурмбаннфюрером (тогда еще гауптштурмфюрером) самому Адольфу Гитлеру.

25 июля 1943 года лопнул, как пустой, прогнивший орех, фашистский режим в Италии. Муссолини был арестован. Новый премьер-министр, маршал Бадольо, начал переговоры с американцами и англичанами об условиях выхода Италии из войны.

Арестованного Муссолини под строжайшей усиленной охраной секретно переводили с одного корабля на другой, пока не водворили в туристский отель «Кампо императоре» в труднодоступном горном массиве Гран Сассо, в Абруццо. Место было совершенно неприступное: добраться до отеля можно было только по подвесной дороге.

Отто Скорцени сумел добраться. По личному приказу Гитлера он с командой головорезов-диверсантов на специальных планерах приземлился возле самого отеля, обезоружил растерявшуюся охрану и на легком самолете вывез дуче в Германию.

Тогда-то и подняла фашистская пропаганда невиданный ажиотаж вокруг имени Скорцени. За пышной трескотней были умело скрыты где-то на заднем плане другие, гораздо менее громкие «подвиги» Скорцени: убийство в 1934 году канцлера Австрии Дольфуса, арест во время «аншлюса» этой страны президента Микласа (бесследно исчезнувшего) и канцлера Шушнига (отправленного в лагерь смерти Заксенхаузен), зверские расправы над мирными жителями в Югославии и Советском Союзе.

К моменту описываемых событий штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени был секретным шефом эсэсовских террористов и диверсантов в VI управлении Главного управления имперской безопасности. Его побаивался даже сам начальник VI управления группенфюрер СС Вальтер Шелленберг. Еще бы! Ведь на этот пост дрессировщика эсэсовских тайных убийц Скорцени был рекомендован не кем иным, как начальником Главного управления имперской безопасности, начальником службы и полиции безопасности Эрнстом Кальтенбруннером! И в СС и в СД все знали, что Кальтенбруннера и Скорцени связывает давняя, пятнадцатилетняя дружба.

Вот с каким человеком намеревался познакомить Николая Ивановича Кузнецова фон Ортель!

Только далеко за полночь эсэсовец напомнил Зиберту о своем предложении. Он был уже очень пьян. Может быть, из-за возбуждения, связанного с предстоящим отъездом, но Ортель, впервые за все время знакомства с ним Зиберта, потерял над собой контроль. Глаза его лихорадочно блестели, речь стала сбивчивой и невнятной. Когда он наливал Зиберту очередную — бог весть какую по счету — рюмку коньяку, его всегда твердая рука непривычно подрагивала. Несколько капель янтарной жидкости пятнами расползлись на крахмальной скатерти.

— Ну, Пауль, так что вы надумали?

Кузнецов рассмеялся.

— Вы мне не сказали главного, штурмбаннфюрер, что я должен буду делать?

— То же самое, что вы уже делали много раз,— рисковать жизнью. Правда, не в этом мундире, а в штатском. И еще разница: в случае успеха, кроме новой ленточки, вы получите деньги, настоящие деньги, а не эти паршивые марки, которые вы так щедро швыряете в этих жалких кабаках.

Тут уже Кузнецов удивился по-настоящему. Фон Ортель схватил его за плечо, чуть не силой пригнул к столу и жарко задышал в самое ухо:

— Это будут настоящие деньги, мой друг, с которыми не пропадешь нигде, даже если наш любимый великий райх растает, как мыльный пузырь! Золото, доллары, фунты! А такие люди, как мы, Зиберт, всегда пригодятся. Конечно, с русскими не столкуешься. Меня они попросту повесят. Вы, может быть, отделаетесь десятью годами где-нибудь в Сибири. Тоже перспективка не из лучших. Но, слава богу, на земле еще есть неплохие места — Южная Америка, например. А?! А с американцами или англичанами, я уверен, мы рано или поздно поладим, нужно только время...

Кузнецов был ошеломлен этим невероятным цинизмом, быть может, это провокация? Вряд ли... Такие рискованные речи в гитлеровской Германии никто не отважился бы произносить, даже провоцируя. Медленно, словно раздумывая про себя, Кузнецов нерешительно сказал:

— Так вы думаете, Ортель, что наше дело плохо?

— Швах!— И фон Ортель грубо выругался.— После Сталинграда и Курска нас может спасти только чудо. А роль чудотворцев поручена мне, Скорцени... Ну и еще кое-кому. Вы тоже можете стать одним из святых, если только захотите. Выпьем за чудеса!

Выпили. Фон Ортель продолжал:

— Я отправляюсь в Иран, мой друг.

Зиберт очень естественно удивился:

— В Иран? Я думал, ваша специальность — Россия.

Ортель мотнул головой.

— На сей раз Иран. В конце ноября там соберется Большая тройка. Мы повторим прыжок в Абруццо! Только это будет дальний прыжок! Мы ликвидируем Большую тройку и повернем ход войны! Мы сделаем попытку похитить Рузвельта, чтобы фюреру легче было сговориться с Америкой.

Николай Иванович почувствовал, как внутри у него словно что-то оборвалось, он с трудом удержался от того, чтобы тут же, под грохот оркестра, звон рюмок, пьяные возгласы гитлеровцев, не выстрелить в самодовольное, лоснящееся от выпитого коньяка лицо эсэсовца. Сдержался. Только сжал на мгновение кулаки под столом.

Фон Ортель между тем увлеченно продолжал:

— Вылетаем несколькими группами. Людей готовим в специальной школе в Копенгагене. Вам придется тоже туда отправиться недели на две, чтобы подучиться кое-чему.

— Что ж,— твердо сказал Кузнецов,— я согласен.

Фон Ортель не скрывал своего удовлетворения.

— Вот это мужской разговор, Пауль! Значит, я на вас рассчитываю.

В отряд Кузнецов вернулся возбужденный до предела. Даже не переодевшись, доложил Дмитрию Николаевичу Медведеву, замполиту Сергею Трофимовичу Стехову и мне о готовящемся покушении на руководителей антигитлеровской коалиции.

— Надо достать фотографию фон Ортеля,— сказал я, выслушав доклад Кузнецова.—Нужно войти в его полное доверие, узнать точно, кто, кроме него и Скорцени, готовится к поездке, приметы этих людей, адреса в Тегеране, наконец, план покушения.

Кузнецов задумался и с сожалением покачал головой.

— Боюсь, что сфотографировать его незаметно, так, чтобы получился отчетливый снимок, невозможно. Он очень осторожен. На улице всегда надвигает козырек на самые глаза, в помещении садится в тень, подпирает левой рукой щеку... Да и времени уйдет много на отправку снимка в Москву, а остались считанные дни.

Я и сам знал, что времени мало. Оставался один выход. Мы дали Николаю Ивановичу лист бумаги и предложили составить то, что в криминалистике называется словесным портретом, а в переводе на обычный язык — исключительно точным и подробным описанием внешности человека, сделанным по определенной системе.

Многие криминалисты при розыске преступников предпочитают пользоваться словесным портретом, нежели фотографией, потому что фотография часто схватывает случайное, нехарактерное для данного человека выражение лица или фиксирует его под каким-то одним поворотом. Словесный же портрет основывается на объективных неизменных приметах.

Составление правильного словесного портрета—дело сложное, требующее очень острой наблюдательности. Даже такому внимательному человеку, как Николай Кузнецов, для этого потребовалось полтора часа напряженного труда.

Тут же радиограмма с сообщением о готовящемся покушении и словесным портретом фон Ортеля была отправлена в Москву.

* * *

...В большом сером здании в центре Москвы подтянутый капитан положил на стол одного из руководителей советской контрразведки только что расшифрованную радиограмму, полученную из особого чекистского отряда, которым командовал полковник Д. Н. Медведев.

Уже немолодой человек с очень усталым лицом вынул из кармана очки, тщательно протер стекла кусочком замши и погрузился в чтение.

— Что ж,— сказал он в раздумье сам себе,— факты подбираются интересные.

Он вышел из-за стола и, набрав шифр замка, отворил тяжелую дверь большого сейфа, встроенного в стену кабинета. Порывшись в стальном чреве сейфа, он разыскал тонкую папку, вынул из нее два листка бумаги и внимательно перечитал оба. За скупыми строчками первого из двух донесений перед его глазами, как ожившая, предстала картина происшедшего на днях события...

...Глухая осенняя ночь в столице одного из фактически оккупированных гитлеровцами балканских государств. Шурша шинами, мягко покачиваясь по бетону, на летное поле аэродрома к огромному бомбардировщику без опознавательных знаков подкатывает длинный черный «мерседес». Из него выходит, зябко поеживаясь, мужчина с ординарной внешностью мелкого банковского чиновника. Но это не банковский чиновник. И не мелкий. Это начальник VI управления Главного управления имперской безопасности группенфюрер СС Вальтер Шелленберг. Ему навстречу уже спешат двое. Докладывают. Их имена не окутаны легендой, подобно имени Скорцени, но в узких кругах известны не меньше. Штурмбаннфюрер Юлиус Бертольд Шульце оказал свою первую важную услугу Адольфу Гитлеру еще в «ночь длинного ножа», когда помог избавиться от соперников — Рема и Шлейхера. О многом мог бы рассказать и второй — оберштурмфюрер [1] СС Вилли Мерц.

Под черным крылом самолета застыли еще шестеро с горбами парашютов за спиной. У них нет имен. Имена остались в Копенгагене. Да они им и не нужны. Как бы ни кончилась операция — успехом или провалом,— эти шестеро не вернутся никуда. Но они об этом не знают...

Доклад окончен. Короткая команда, и поле пустеет. Отъезжает в сторону черный «мерседес». Взревев моторами, бомбардировщик уходит в ночь. Замер в своей кабине штурман. На столике перед ним — подсвеченная слабой лампочкой карта. Кружком помечен конечный пункт маршрута —Шираз.

Черный «мерседес» неслышно мчит к городу. Откинувшись на мягком кожаном сиденье, группенфюрер торопливо набрасывает радиограмму: «Берлин, Принц-Альбрехт-штрассе, 8. Секретно, имперского значения. Рейхсфюреру СС Гиммлеру. Операция «Дальний прыжок» началась».

...И второе донесение, всего в несколько строк: об активизации в последнее время резидента гитлеровской разведки в Иране, известного археолога доктора Макса фон Оппенгейма.

Положив перед собой три листка бумаги, немолодой, усталый человек негромко, сам для себя произнес только два слова:

— Значит, Тегеран.

* * *

Обер-лейтенант Пауль Зиберт не смог больше встретиться со своим другом и возможным будущим начальником. Как только он через несколько дней вернулся в Ровно, взволнованная Майя Микота сообщила ему удивительнейшую весть: штурмбаннфюрер СС фон Ортель накануне застрелился в своем кабине-

[1] Соответствовало званию обер-лейтенанта в армии.

те в помещении «зубоврачебной лечебницы» на Немецкой улице, 272. Так сказали Майе в гестапо. Трупа своего поклонника она лично не видела...

Кузнецов не сомневался, что трупа самоубийцы вообще не существовало. Его волновало одно: почему фон Ортель так стремительно и неожиданно покинул Ровно, симулировав (в симуляции Кузнецов не сомневался) самоубийство? Причин могло быть только две: неожиданный вызов в Берлин или раскаяние в излишней откровенности с пехотным офицером. Во втором случае Кузнецову грозила немалая опасность. Фон Ортель мог позаботиться об устранении опасного для него свидетеля (как-никак, фон Ортель разгласил Зиберту государственную тайну).

Мы приняли все необходимые меры для обеспечения безопасности Николая Ивановича. Но о причине внезапного исчезновения фон Ортеля из Ровно до сих пор можем только догадываться.

* * *

...Странные события разыгрались в последние дни ноября 1943 года в Тегеране. Один за другим исчезли неизвестно куда некоторые видные члены немецкой колонии. Слуга одного из них, войдя утром, как обычно, в спальню хозяина с пачкой свежих газет, нашел лишь смятую постель и оторванную пуговицу от пижамы. Все костюмы висели на обычных местах в шкафу.

По ночам в разных уголках города вдруг вспыхивала короткая, но яростная перестрелка. Иногда же тишину просто разрывал одинокий пистолетный выстрел. Правоверные мусульмане только качали в недоумении бородами: шумным городом стал Тегеран!

В одном из домов по улице, ведущей к аэродрому, иранская полиция обнаружила трупы двух молодых мужчин неизвестной национальности, без документов. Опознать убитых не удалось, да никто к этому и не стремился. На телах обнаружили только одну особую примету: странные значки, вытатуированные под мышкой левой руки. Нетороплывые тегеранские полицейские, разумеется, не знали, что такие значки, обозначающие группу крови, наносились на кожу только эсэсовских офицеров...

* * *

Самолет С-54, неофициально, но прочно прозванный «Священной Коровой» [1], с президентом Соединенных Штатов Америки Франклином Делано Рузвельтом на борту пролетел из Каира 1 310 миль над Суэцким каналом, Иерусалимом, Багдадом, реками Евфрат и Тигр и, наконец, приземлился на тегеранском аэродроме. Уставшего после долгого пути, уже тогда смертельно больного президента отвезли в посольство США в двух километрах от города.

Группа, сопровождавшая Рузвельта на конференцию, включала 77 человек. В нее входили личный советник Гарри Гопкинс, начальник личного штаба президента адмирал Леги, Аверелл Гарриман, генералы Маршалл, Арнольд, Сомервелл, Хэнди, Дин, зять президента майор Джон Беттигер и другие (в том числе знаменитые филиппинские повара).

На следующее утро — в воскресенье 28 ноября — к Рузвельту вошли взволнованные Гарриман и начальник секретной охраны президента Майкл Рейли.

Гарриман рассказал Рузвельту, что русские только что поставили его в известность о том, что город наводнен вражескими агентами и возможны «неприятные инциденты»— в устах Гарримана это вежливое выражение означало «покушение».

— Русские предлагают вам переехать в один из особняков на территории их посольства, где они гарантируют полную безопасность,— так закончил Гарриман свое сообщение.

— Ну, а вы что скажете, Майкл?— обратился Рузвельт к начальнику своей охраны.

Мрачный Рейли лишь пробурчал что-то, отдаленно похожее на совет принять приглашение.

В три часа дня президент и его ближайшие помощники уже переселились на территорию советского посольства в центре Тегерана. Остальная группа лиц, прибывших с президентом, остановилась в Кемп-Парке, где помещался штаб американских войск.

Английское посольство, где остановился премьер-министр Черчилль, располагалось в непосредственной близости от советского и тоже было взято под усиленную охрану.

Советская разведка надежно обеспечила безопасность Большой тройки.

...Примерно через месяц за тысячи километров от Тегерана, в Ровенских лесах, мы получили запоздавшие московские газеты. С величайшим удовольствием одну из них —«Правду» от 19 декабря 1943 года — мы показали Николаю Ивановичу Кузнецову. Потом уже он пересказал содержание короткой заметки, аккуратно отчеркнутой красным карандашом, Майе Микота — в качестве компенсации за так и не привезенные ей персидские ковры.

«Лондон, 17 декабря (ТАСС). По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве с тем, чтобы избежать необходимости поездок по городу... Президент заявил, что вокрут Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана».

Так советские разведчики прервали «Дальний прыжок» гитлеровской разведки.

---

[1] Это выражение употребляется в английском языке для иронического обозначения неприкосновенного предмета или лица (от распространенного на Востоке культа священной коровы).

Загадка, проблема, открытие, факт

СПАСИТЕЛЬНОЕ ВОЛОКНО

Необычное волокно, не похожее ни на одно другое, создано в Ленинградском текстильном институте имени С. М. Кирова. Оно... убивает. Жертвами его становятся болезнетворные бактерии и грибки.

Новое волокно — это полимерное соединение, свойства которого заключены в самой его структуре — в бактерицидно-активных группировках атомов. Они и оказывают губительное действие на болезнетворные организмы. Антибактериальные и противогрибковые свойства биоволокна неотделимы от него. Этим оно и отличается от прочих волокон и тканей, пропитанных антисептиками, которые скоро вымываются при стирке.

Где же применяется это чудесное волокно? Прежде всего в медицине. Для изготовления бинтов, марли, ваты, лейкопластыря, антисептической одежды — медицинских халатов, костюмчиков для грудных детей.

Изделия из биоволокна найдут применение и в пищевой промышленности — в качестве стерильного упаковочного материала, устойчивого к действию различных гнилостных микроорганизмов и, таким образом, значительно продляющего срок хранения скоропортящихся продуктов. Биологически активное волокно применяется и в фильтровальных устройствах, служащих для очистки и дезинфекции воды, воздуха и т. д.

●

ПРАКТИЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Югославский химик Божидар Радосавлевич придумал простое и надежное средство против скольжения автомашин по покрытой льдом или грязью поверхности. Во внутренность кузова он установил два небольших резервуара и к ним прикрепил трубки, подведенные к колесам. При помощи рычажка возле руля водитель всегда может в нужный момент насыпать под колеса песок.

●

РАДИОАКТИВНЫЙ ИСТОЧНИК

В области Яхимов, в Кросненской котловине (Польша), открыт источник, вода которого обладает радиоактивностью, превышающей все известные европейские лечебные воды. Дебит этого исключительного источника — 500 литров в минуту. По мнению специалистов, количества вытекающей воды достаточно для лечения 2 тысяч пациентов в день.

●

ФАБРИЧНАЯ ТРУБА ИЗ ПЛАСТИКА

В Чехословакии впервые в мире сооружена фабричная труба из полиэтиленовой пластической массы. Ее высота — 15 метров. Труба из пластика в 5 раз дешевле классической кирпичной трубы и значительно долговечнее.

●

КТО ВЕСИТ БОЛЬШЕ?

Дафния весом в 2 миллиграмма живет сравнительно недолго, но за летний сезон биомасса дафний — потомство одной самки — составит солидную цифру в 132 килограмма.

Самка комара способна отложить столько яичек, что общая потенциальная биомасса личинок за год составит 30 килограммов.

Пара слонов за сто лет даст потомство, общий вес которого будет 1 500 тонн. Казалось бы, это много. Однако общая биомасса потомства пары мышей менее чем через три года составит 976 тонн. А через сто лет?..

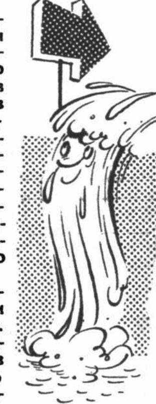
●

КУДА ПЛЫВЕТ ВОДОПАД?

Внутри земли и на ее поверхности хотя очень медленно, но неотвратимо происходят процессы, которые изменяют лицо планеты.

Английские ученые, исследуя малоизученные районы Индийского океана, установили, что в зоне Аденского залива температура воды в несколько раз выше, чем в соседних районах. Это подтверждает гипотезу об активной тектонической деятельности в недрах земли и связанном с ней плавании Африканского континента. Ученые подсчитали, что Африка отделяется от Аравийского полуострова со скоростью одного сантиметра в год.

Ниагарский водопад, находящийся между озерами Эри и Онтарио, также плывет. Установлено, что водопад перемещается в гору против течения со скоростью одного метра в год. С момента своего возникновения Ниагарский водопад переместился уже на десять километров. Подсчитано, что через 20 тысяч лет водопад приблизится к самому озеру Эри и затем озеро поглотит его.

●

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ДОРОГИ

Среди непроходимых болот геологи обнаружили нефть. Чтобы пробиться к ней, нужна буровая установка — сложное сооружение весом в несколько сот тонн.

А если создать разборную установку? Скажем, такую, в которой каждый узел весил бы не более 8—9 тонн?

Именно этот путь избрали сотрудники Государственного научно-исследовательского и проектного института нефтяного машиностроения. В содружестве с волгоградским заводом «Баррикады» ими создана буровая установка БУ-80 БрД. После окончания бурения она разбирается на отдельные узлы весом до 8 тонн каждый.

Всего несколько дней требуется вертолету для переброски дизелей, насосов, секций вышки, цистерн, труб, котельной, людей, обслуживающих буровую, в самый затерянный район тайги. Столько же времени уходит на окончательную сборку.

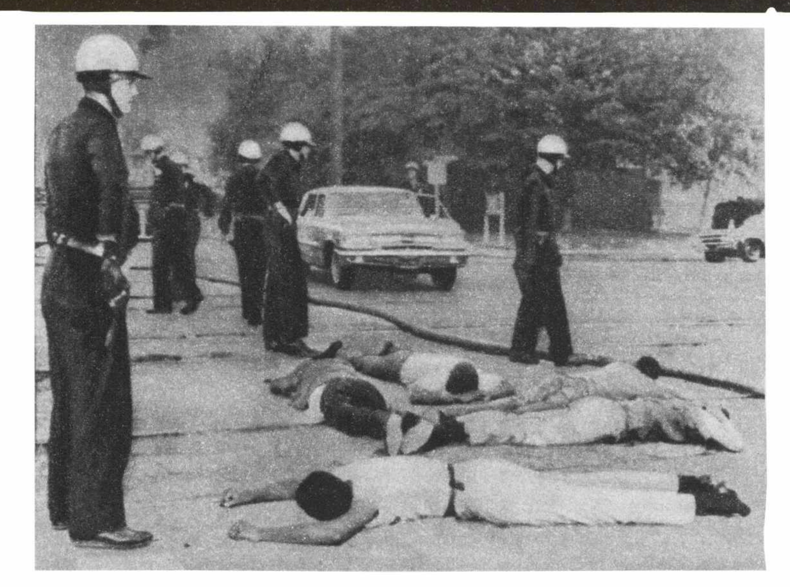

ВО
В
АН

Горит Лос-Анжелос.

На мостовой — арестованные негры.

У полиции Лос-Анжелоса нет недостатка в наручниках.

Б. СТРЕЛЬНИКОВ

Душным вечером 11 августа двое белых полицейских, патрулируя негритянский район Лос-Анжелоса Уоттс, заметили, что старенькая автомашина не остановилась перед желтым сигналом светофора. По американским законам, это не такое уж большое преступление — проскочить желтый свет, пока еще не вспыхнул красный. Но одно дело, если это происходит в белом районе, совсем другое,— если в черном.

Полицейские нагнали нарушителя. Им оказался двадцатилетний негр Фрай, живущий неподалеку.

— Поедем с нами в участок,— сказали ему полицейские.

— Почему?—удивился Фрай.

— Ты пьян,— заявили полицейские.

Парень отказался ехать в участок. Полицейские схватились за пистолеты.

— Ну что ж, стреляйте! Вы привыкли стрелять в негров! — закричал Фрай.

Человек двадцать негров молча стояли на тротуаре. Полицейские по радио вызвали подмогу.

В том, что произошло спустя несколько минут, не было ничего необычного. Негру скрутили руки, бросили на землю его мать и брата, кинувшихся к нему. Фрая втолкнули в полицейскую машину и начали избивать.

Хозяин маленькой бакалейной лавочки, негр, впоследствии рассказывал репортерам:

— Полицейский двумя руками держал свою дубинку и с силой всаживал ее в живот парню, у которого на руках были наручники. Все, кто видел это, пришли в ярость. Меня всего трясло от негодования. Такие случаи не в диковинку нам в Уоттсе, но на этот раз что-то в нас заговорило. На этот раз нас охватил гнев.

Фрая увезли, а полицейские принялись разгонять толпу. Подросток Боби Даниелс рассказывает:

— Мы с товарищем возвращались с рыбалки и не знали, что происходит. Полицейские схватили нас и швырнули на землю. Один из них наступил мне ногой на грудь и несколько раз ударил меня дубинкой. Он ухмылялся, как будто это ему доставляло удовольствие.

Неожиданно в полицейских полетели кирпичи. Завыли сирены полицейских машин. Прогремели первые выстрелы. Зазвенели стекла разбитой витрины. Дико закричала какая-то женщина...

ССТАНИЕ ГОРОДЕ ГЕЛОВ

Пуля в негра.

Через час пригород Лос-Анжелоса, города Ангелов, как называют его в Америке, превратился в ад. Охваченные яростью негры переворачивали, поджигали полицейские машины. Озверевшие полицейские стреляли в мужчин, женщин, подростков. Прибывали все новые и новые полицейские отряды, но и негров на улице становилось все больше и больше.

Негры разгромили и подожгли оружейный магазин. Теперь силы были равными. И на стрельбу полицейских негры отвечали стрельбой.

Так началось восстание негров Лос-Анжелоса — одно из самых крупнейших вооруженных выступлений негритянского населения за всю историю Соединенных Штатов. В этом восстании, которое продолжалось шесть суток, у негров не было руководителей, не было центра и штаба. Восстание не готовилось заранее какой-либо группой людей. Оно было подготовлено самой жизнью, страданиями и мучениями негров. В основе его лежали отчаяние и гнев.

Отчаяние и гнев... Бросая бутылки с зажигательной смесью в полицейские грузовики, негры кричали:

— Это вам за убитых детей в Бирмингеме!

— Это за Селму!

— Это за убитых в Миссисипи!

Негритянский пригород Лос-Анжелоса Уоттс возник в годы второй мировой войны и разросся в послевоенные годы. Это было время, когда на западе США, как грибы после дождя, росли корпуса военных заводов. Требовались рабочие руки. Тысячи негров, задыхаясь от безработицы и расового произвола на Юге страны, потянулись в Лос-Анжелос. Они оседали в Уоттсе, создавая избыток рабочей силы. Счастье оказалось призраком. Сегодня в Уоттсе каждый третий взрослый — безработный.

Безработица... Это — горе мужчины. Это слезы матери, которая не может досыта накормить детей. Это — отчаяние подростка, бросившего школу. Это разбитые семьи. Когда по телевидению показывали, как восставшие негры громили продовольственный магазин, репортер, который вел передачу, смущенно сказал: «Это и понятно: они никогда не были сытыми».

Негритянская революция, как называют иногда движение негров за человеческие права, все сильнее и сильнее потрясает Америку. Идя на уступки, правительство принимает законы о праве негров голосовать на выборах, приоткрывает двери «белых» ресторанов, гостиниц, кинотеатров. Но работы неграм правительство не обещает. Работы не хватает для белых, и слишком мал этот пирог, чтобы белые захотели поделиться им с неграми. А без работы негру не нужны ни рестораны, ни гостиницы, ни кинотеатры.

«Негр Лос-Анжелоса,— писала на днях газета «Геральд трибюн»,— конечно, знает, что существует движение за гражданские права; ему, несомненно, известно, что это движение добилось больших успехов; но он болезненно осознает, что все это фактически не принесло ему никакого облегчения».

Негр был и остается гражданином второго сорта. Недавно негры Лос-Анжелоса жаловались полицейскому начальнику Паркеру на грубость его подчиненных, просили пополнить полицию неграми. Паркер рассмеялся:

— У черного полицейского только одно достоинство: его не видно в темноте.

Ларри Халл, журналист-негр, с горечью говорит:

— Никто не хочет слушать жалобы негра, кроме бога. Но бог не помогает. Негр робко стучится в дверь, но никто его не слышит. Он стучится сильнее, ответа нет. Тогда у него рождается отчаянное желание вышибить эту дверь ногой... Говорят, что восстание — это ад. Но что еще, кроме ада, знает негр? Ад — это единственная школа, в которой он учится всю жизнь.

В Лос-Анжелосе негры постучались в дверь так, что услышал весь мир.

Сороковая механизированная дивизия национальной гвардии была на маневрах. Ходили слухи, что после маневров ее отправят во Вьетнам. Вместо Вьетнама, который солдаты называют «восточным фронтом», дивизии пришлось воевать на «западном фронте», у себя дома, в городе Ангелов.

По ночам я писал корреспонденции для «Правды». Из радиоприемника, стоящего на моем столе, то и дело раздавались военные сводки с «западного фронта». Сороковая дивизия атаковала. Солдаты патронов не жалели. Они стреляли по всему, что движется, что мелькает в окнах, стреляли в женщин и даже в детей.

Ожидая звонка из редакции, я правил цифры убитых с 17 на 18, с 18 на 19, с 19 на 20... И так без конца. Количество жертв уличных боев росло с каждой минутой.

Бои продолжались шесть суток. Кровавые итоги известны сегодня всему миру: 34 человека убито (из них 31 негр), 877 человек ранены, свыше 3 тысяч негров брошены в тюрьмы и ожидают суда. Несколько кварталов негритянского района сгорело до основания. Убытки исчисляются суммой в 200 миллионов долларов.

Восстание подавлено, и пожары потушены. Но огонь продолжает гореть в сердцах негров. Сегодня в Америке гадают: где вспыхнет новый мятеж? В Миссисипи? В Детройте? В Нью-Йорке? Он может вспыхнуть в любой день в любом городе Америки, где есть негритянские районы, носящие название «черные гетто».

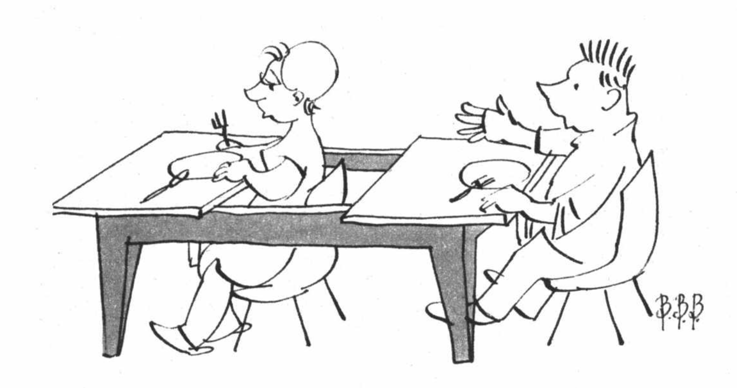
Нью-Йорк,
по телефону.

УЛЫБКИ ХУДОЖНИКА Виктора ВОЕВОДИНА

— Все-таки ты слишком сильно берешь с места.

— Давай никогда не ссориться, никогда, никогда...

Завтра с курорта приезжает жена.

— Походил бы по магазинам с моей хозяйственной сумкой — тоже легко взял бы этот вес.

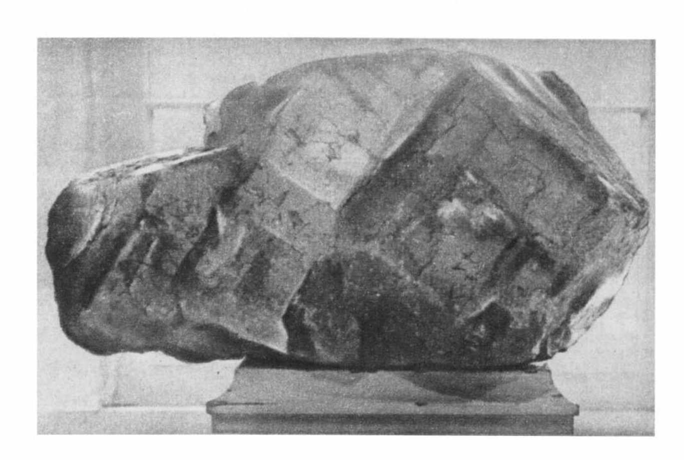
Забавные мелочи

ГИГАНТСКИЙ КРИСТАЛЛ

В нашей стране найден крупный кристалл флюорита, весом 330 килограммов. Перед огромной, цвета морской волны глыбой в изумлении останавливаются посетители Горного музея в Ленинграде, куда доставлен гигант.

Ев. Щербанова

Ленинград.

АГРЕССИВНЫЙ СКАТ

Скат на палубе траулера «Афанасий Никитин» ведет себя агрессивно. Круто изгибая свое плоское тело, он бьет хвостом. Необходимо опасаться укола хвостовых игл, которыми он может нанести долго не заживающие раны. Эти иглы африканцы используют как наконечники для стрел и копий.

А. Бондарь,
первый помощник капитана

НЕТОНУЩИЙ ГЛИССЕР

На пляжах Европы и Америки появились маленькие нетонущие глиссеры. Они сделаны из стеклопластика и развивают скорость до 80 километров в час.

С ЗОНТИКОМ ЧЕРЕЗ ЛА-МАНШ

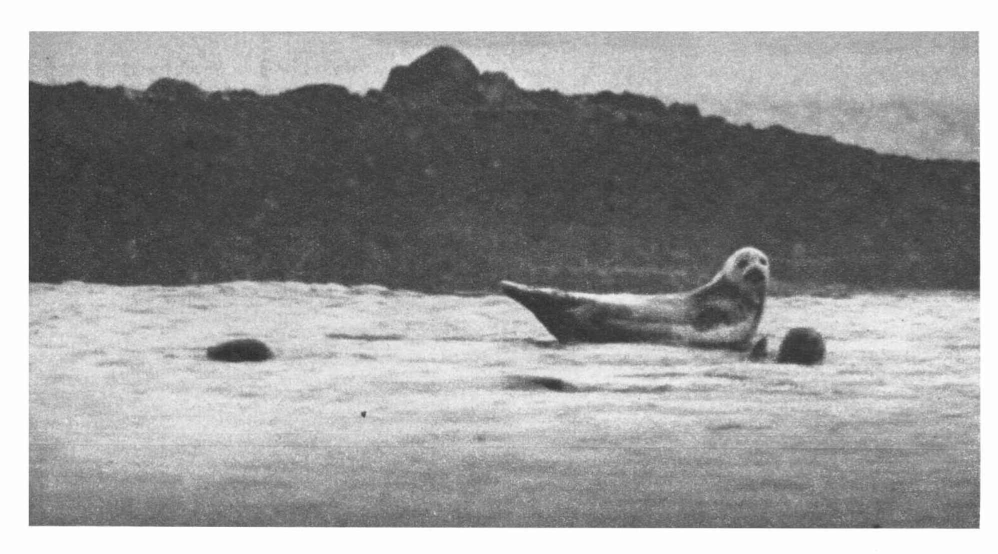
Гамбургский спортсмен Франц Кордс сконструировал оригинальное устройство, с помощью которого он хочет переплыть Ла-Манш. Но зачем ему зонтик?

— На случай, если в пути будет дождь,— ответил Франц Кордс.

ПИСЬМА РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЕ

В итальянский город Верону ежедневно приходит от 15 до 20 писем, адресованных Ромео и Джульетте. Их пишут со всех концов мира. Лица, охраняющие могилу славных влюбленных, не открывая конвертов, сжигают письма у саркофага Ромео и Джульетты.

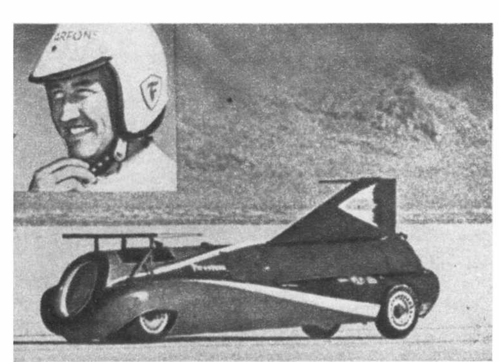

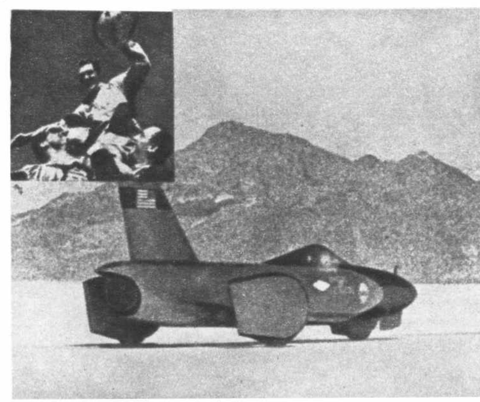
ЛАСТОНОГИЙ КРАСАВЕЦ

От Южных Курильских до Алеутских островов живет особого вида тюлень, который получил название антрус. Прежде советскими зоологами он не был изучен.

Этот тюлень отличается от всех своих собратьев величиной черепа и окраской шкуры. У антруса на спине и боках красивые светлые колечки, которые ярко вырисовываются на темном фоне.

В. Кривошеин
Фото С. Миронова.

РЕАКТИВНЫЕ АВТОМОБИЛИ

Со скоростью реактивного самолета — 526,28 мили в час — проносится по трассе Соленого озера близ Бонневила (США) трехколесный автомобиль, управляемый Крэгом Брийдлавом. Чудовищную скорость — 536,71 мили в час — развил на той же дороге суперавтомобиль «Грин Монстр» с гонщиком Артом Арфонсом.

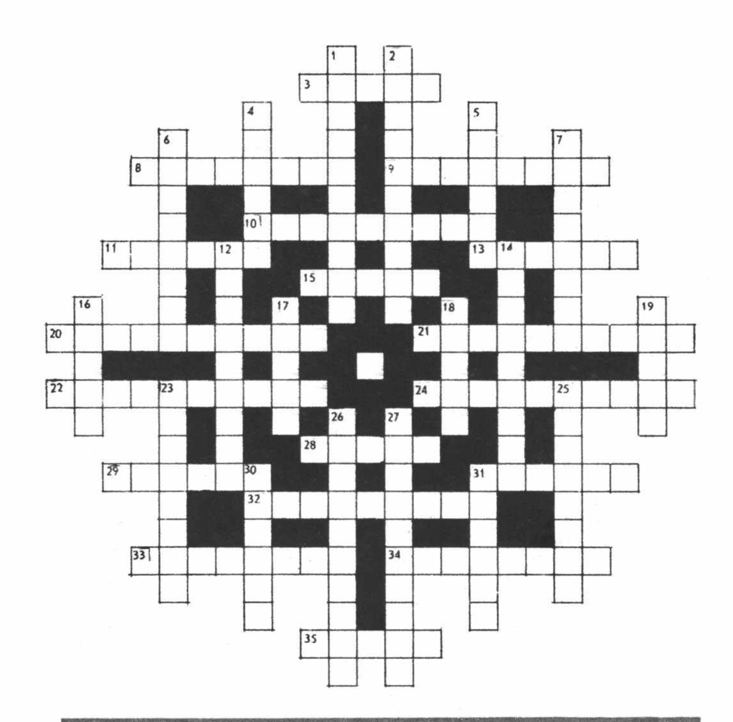

НЕПРЕДВИДЕННЫЙ ТАЙМ-АУТ

На одном футбольном состязании в Швеции судья неожиданно остановил игру и принялся что-то искать на поле. Ему стали помогать все футболисты. Зрители подумали, что судья выронил свисток. Но, как оказалось, искали стекла, которые вместо очков носил под веками глаз близорукий спортсмен. Он потерял их в пылу азарта. Вскоре стекла были найдены, и игра возобновилась.

мелочи

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Украинский народный танец. 8. Автор оперы «Октябрь». 9. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 10. Машина для преобразования механической энергии в электрическую. 11. Столбец типографского набора. 13. Ученое звание. 15. Пушной зверек. 20. Город в Донбассе. 21. Оптический прибор. 22. Изображение на светочувствительных материалах. 24. Горная система в Америке. 28. Драгоценный камень. 29. Потухший вулкан в Армении. 31. Спортивная лодка. 32. Сторона геометрической фигуры, перпендикулярная высоте. 33. Сорт яблок. 34. Тяжелый водород. 35. Набросок чертежа, рисунка.

По вертикали:

1. Итальянский физик XVII века. 2. Экс-чемпион мира по шахматам. 4. Роман В. Василевской. 5. Высший показатель. 6. Ценная промысловая рыба. 7. Советский кинорежиссер. 12. Птица. 14. Стихотворение Н. А. Некрасова. 16. Приток Селенги. 17. Твердый металл. 18. Трос парашюта. 19. Очковая змея. 23. Река в Индии. 25. Помещение для выступлений. 26. Украшение вокальной мелодии. 27. Курорт на берегу Черного моря. 30. Часть электрической лампы. 31. Порода собак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

4. Прокофьев. 7. «Критик». 8. Олекма. 10. Орион. 14. Реторта. 15. Водопад. 16. Ровница. 17. Пасека. 18. Картон. 19. «Тангейзер». 20. Брусок. 22. «Даурия». 23. Осьмина. 25. Барибал. 26. Луганск. 27. Трент. 29. Штопор. 30. Ариозо. 31. Пустельга.

По вертикали:

1. Ороско. 2. Ольхон. 3. Фонвизин. 5. «Дикарка». 6. Акведук. 9. Прейскурант. 11. «Трактористы». 12. Маркаколь. 13. Гватемала. 21. Кабачок. 22. Договор. 24. Маресьев. 27. Трость. 28. Тальма.

●

На первой и последней странице обложки:
ЛЕТО. Рисунки Ю. Черепанова. Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

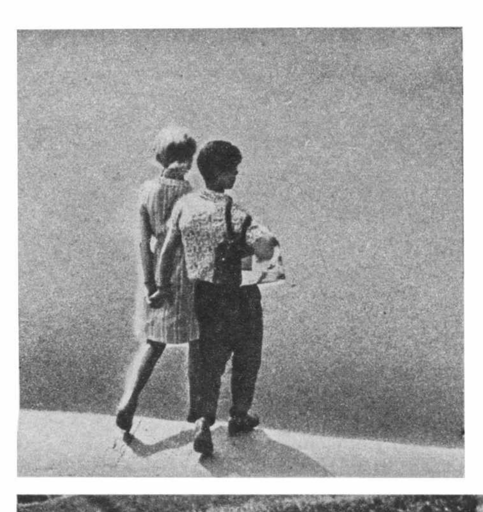
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02036 Подписано к печати 18/VIII 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2083. Тираж 1 850 000. Изд. № 1377.

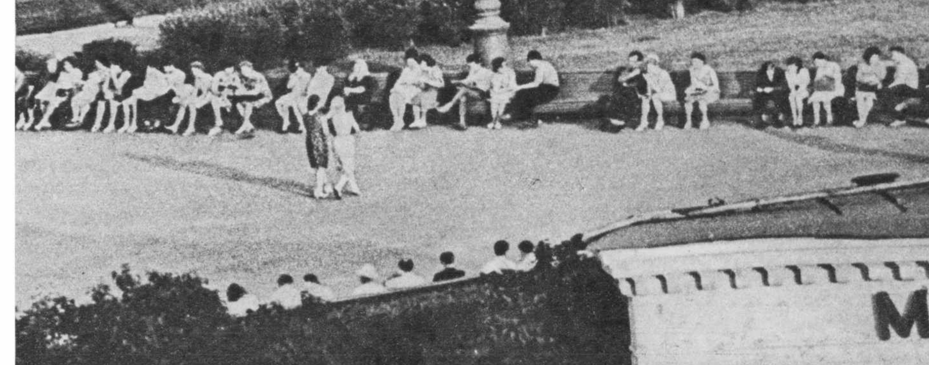
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НАМ СВЕРХУ

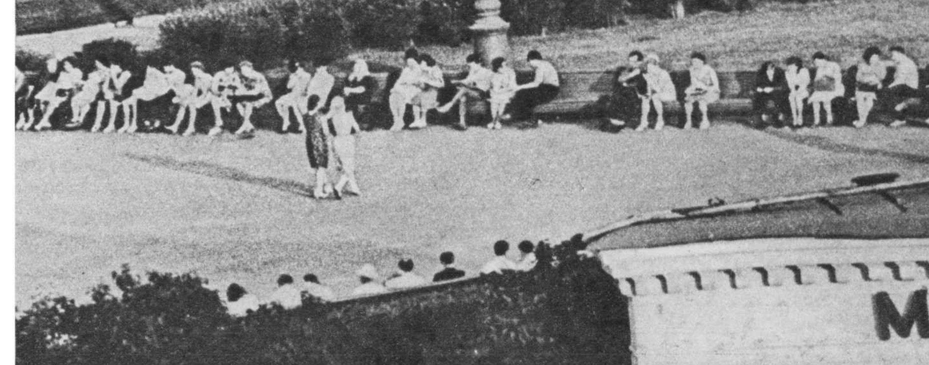

НАМ СВЕРХУ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663